

Владимир Поселягин

КОРЕЙСКИЙ ВАРИАНТ

Корейский вариант

Время сурка

Сеятель

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

**Корейский вариант: Корейский
вариант. Время сурка. Сеятель**

«Издательство АСТ»

2018-2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Корейский вариант: Корейский вариант. Время сурка.
Сеятель / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2018-2021 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-147462-1

Если в основе твоей жизни стоит ненависть, если после чудовищных пыток и издевательств ты получил шанс на новую жизнь, то объектам претензий можно только посочувствовать. Именно таким человеком и был ветеран Великой Отечественной войны Фёдор Палкин, и счетов к одной звёздно-полосатой нации у него было презрительно. Итак, Корея, 1949 год и скоро война. Он ненавидит американцев, и ему есть за что. И поэтому, воюя в Корее, он пытается сделать все, чтобы Америка проиграла. Но что он делает не так для осуществления своей практически навязчивой мечты? Может быть, нужно убить президента США?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147462-1

© Поселягин В. Г., 2018-2021
© Издательство АСТ, 2018-2021

Содержание

Корейский вариант	6
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Владимир Поселягин

Корейский вариант. Время сурка. Сеятель

© Владимир Поселягин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Корейский вариант

Пролог

Глухо застонав, я пошевелился и сел. Первое, что я услышал, очнувшись, весёлые трели пичуги, но почти сразу на меня обрушилось ещё одно, то, что смогло поразить, несмотря на моё не самое лучшее состояние. Болело всё, особенно голова. А поразило меня солнышко, что прогревало даже сквозь одежду, а одежда на мне вроде была, что-то такое ощущалось, а также запах, и главное, тактильное ощущение травы под руками. С учётом того что я просидел в тюрьме порядка двадцати четырёх лет, это было впервые, когда я чувствовал и ощущал траву. Снова на расстрел вывели? Хм, странно, когда был у литовцев, меня обычно расстреливали во внутреннем двореке. Причём не холостыми, боевыми палили, только стреляли мимо, чтобы каменная крошка била по мне. Литовская тюрьма не самое сладкое место. Оккупант я для них, что тут ещё скажешь? Сейчас же я на американской базе был, там расстрелами не баловались, бока намять, стресс снять, это одно, но не такими способами развлекаться. Хотя по развлечению и издевательствам над пленными американцы всё же впереди планеты всей. Ещё бы, потомки бандитов, шлюх, насильников, галерников и воров всех мастей. Кого свозили в Новый Свет, как раньше называли Америку? Их и свозили, и они стали костяком народа Северной Америки. Уничтожение коренного населения их работа. По-другому те не умеют и продолжают так же действовать. Теперь остальные народы и расплачиваются за действия этих потомков преступников.

Откуда-то со стороны послышались восклицания, всё это под мощный рёв движка, что заметно удалялся, поэтому я постарался побыстрее прийти в себя. Русские не сдаются, и эти сволочи ещё убедятся в этом. Пусть знают, как иметь дело с советским офицером, пусть и бывшим. Открыв один глаз, второй был чем-то заляпан, я провёл ладонью по голове, краем сознания подивившись, что нет, как обычно, наручников, их всегда надевали, когда выводили из моей камеры-одиночки, и посмотрел на кровь на ладони. На голове была рана, но не это поразило меня, а то, что рука была не восьмидесятилетнего старика, приближающегося к девяностолетнему юбилею, а чужая. Пока не скажу чья, но не моя точно. Молодая рука, хотя и изрядно грязная, с чёрной окантовкой под длинными нестриженными ногтями. Приплыли. Однако это не помешало мне испытать радость, да я был счастлив, сбежал, ушёл от врагов, как не радоваться?

Тут голоса, что до этого звучали в отдалении, прозвучали совсем рядом, и меня, подхватив под локти, подняли на ноги, что позволило мне осмотреться, при этом проводя языком по зубам. С учётом того что у меня зубов совсем не было – какие выбили, какие сами выпали, вставную челюсть давно отобрали, а кормили сухарями, сволочи, – я только довольно скалился. Все зубы были на месте, вполне ровный частокол, ни одного просвета. В общем, что именно произошло, я начал догадываться, но об этом позже. Самое интересное, меня окружали... чурки. Все, кто не русские, для меня теперь назывались так – литовские чурки, американские... После двадцати четырёх лет в застенках любой станет закаменевшим националистом. Хотя тут тоже дело сложное, но это не стирало мою память, и я всё-ё-ё помнил. При этом если зуб на литовцев у меня имелся, то не такой, как на гнид американских, которым меня передали четыре года назад. А что, я уже десять лет как был официально мёртв и даже похоронен, конвоиры и охранники глумились, с наслаждением об этом мне говоря, так что раз я всё равно мёртв, то отчего и не отдать меня американцам на их базу на опыты? Вот и отдали. Хм, а может, те опыты и сказались с этим моим перемещением? Если вспомнить, что

мне удалось пережить за эти годы, удивления с перемещением моей души в чужое тело у меня не было нисколько. Это знак, это то, что позволит мне нести Кару.

Так вот, те, кто меня окружал, были одеты до неприличия бедно и рвано, и были они... да корейцами, и самое главное, я их отлично понимал, как будто этот язык мне был родной. И тут на меня обрушились знания, знания того парня, в тело которого я попал. Объём оказался для неподготовленного меня излишне большим, и я просто потерял сознание, обвиснув на руках тех, кто меня придерживал. И да, я вспомнил, что произошло, вся память бывшего хозяина этого тела стала мне доступна.

* * *

Очнулся я ночью, всё так же на природе, лежал на какой-то материи неподалёку от костра, что подогревал мне бок. Вокруг сидели в основном те же люди, коих я видел при первом осознании, где оказался и что тело чужое. Проведя языком по зубам, я криво ухмыльнулся. Есть бог на свете, точно скажу. Очень хотелось пить, поэтому я пошевелился, осознанно, чтобы привлечь внимание, и попросил пить. На корейском, при этом знание русского, литовского и английского у меня по-прежнему сохранилось. Конвоиры, суки, только на своих варварских языках говорили, вот и удалось со скуки выучить два языка, английский и литовский. Последние два с лёгким акцентом. Нужно лишь проверить вслух, по крайней мере мысленно выстраивать фразы получалось. Да что это, я и мыслил по привычке на русском.

Просьбу мою удовлетворили сразу. Слегка приподняли голову и дали напиток из плоской. Судя по вкусу, кипячёная, ещё тёплая вода. В Корее проблемы с чистой водой, отчего и приходится её разбавлять специями при приготовлении блюд, воду предпочитают кипятить, сырую пьют очень редко и только из проверенных источников. Видимо, рядом или колодец был, или родник. Скорее всего, второе, я слышал журчание неподалёку, но едва слышно, на грани слуха. Жадно выпив всю воду, я с облегчением откинулся на лежанку, под головой у меня что-то было, и вздохнул. Всё тело покрылось потом от этих движений, но я был доволен, главное жив, а остальное приложится. Сам я вообще атеистом был, коммунистом, пусть сдержанным, не оголтелым, встречались и такие, но всё же коммунистом, а сейчас мысленно забормотал молитву. Ну как молитву, её же ещё и знать нужно, так, обрывки, услышанные от покойной супруги, да что фантазия давала, благодаря Бога за данный мне шанс, и пусть поверит, уж я его не упущу. Слишком много у меня долгов собралось, стоило бы вернуть. Причём литовцы были не на первом месте. На втором или третьем точно, на первом американцы, эти гниды мне за четыре года мучений, которые я пережил по-настоящему чудом, своей волей и ненавистью, ответят за всё. И я не говорю про их правительство, это не оно ставило мне уколы, делало операции по живому и изгалялись в своих медицинских лабораториях. Это их молодые парни из охраны развлекались, избивая меня или издеваясь, вот их и буду убивать. И я даже знаю, как. А теперь можно описать и то, что я получил из знаний своего нового тела.

Для начала, звали паренька Пак Мун Хо, и было ему всего пятнадцать лет от роду. Приятно, конечно, но если вспомнить, что сейчас весна тысяча девятьсот сорок девятого года и я нахожусь в Корее, то можно поучаствовать в этой войне. На какой стороне, я даже и не думал, естественно на Северной, ведь американцы в составе войск ООН будут воевать за Южную Корею. Тут была лишь одна небольшая проблемка. В данный момент я находился на территории Южной Кореи и вроде как являлся её гражданином, пусть и несовершеннолетним. И согласно воспоминаниям Муна, шёл тот к портовому городу Пусан, до которого оставалось несколько километров, так что не дошёл тот не так и много. А причина получения травмы была банальна, кстати, пока я лежал и раздумывал, мои спасители и пояснили, что они видели, хотя воспоминания Муна мне и так были доступны. Тот шёл по обочине дороги, сзади нагонял тяжёлый американский грузовик с водителем одной из местных американских частей, которые

как раз покидали Корею. Америка выводила свои войска из Южной Кореи. Почувствовав опасность, Мун прыгнул с обочины и покатился с обрыва, где его голова и повстречалась с камнем, это было единственное повреждение, не считая множества синяков, грузовик его не задел. А вот то, что чуйка была права, подтвердили другие свидетели, водитель специально вильнул на обочину, чтобы задеть Муна. К сожалению, это хоть и редкость, но случается. Кто считает бедняков, а Мун, как ни крути, не только круглый сирота, но и бродяга. Однако всё же лучше начать сначала, описывая жизненный путь Муна. Тут мне дали поесть, немного риса с рыбой, пища острая, и пока было время, я размышлял, прокручивая в памяти недавно появившиеся воспоминания совсем другого человека, а теперь уже ставшие родными, всё же я занял его тело. Непонятно только, куда делась личность настоящего Муна, но её не было, кроме воспоминаний никаких намёков. После некоторых размышлений, я решил, что тот умер, или покинул тело, когда моя душа вытеснила его. Как-то другого объяснения на ум не приходило.

По поводу же Муна, то вся его жизнь может уложиться в пару строчек, но я постараюсь всё же более обширно описать, кто он и как стал бродягой, чтобы можно было понять всю глубину трагедии, произошедшей с ним. Для начала, семья паренька была не так и проста, всё же не в самое худшее тело меня подселили, что не могло не радовать. До тринадцати лет Мун жил вполне благополучно в пригороде Сеула, у него были родители и даже сестра. Отец служил в полиции, какой-то не самый малый чин, чуть ли не майором был, и в череде политических интриг с рядом других чиновников был объявлен предателем, приверженцем идеалов коммунизма, хотя тот даже сочувствующим не был. На самом же деле всё было по-другому. Тут всё решали клановые группировки, и клан, в котором состоял отец, попал под удар, вот их так и убрали, с концами, можно сказать. Захоронили в той же канаве, где и остальных расстрелянных, но где, Мун не знал, успел убежать с сестрой из дома, отец предупредил, встав на дороге у противника. Сестра долго не прожила, банальный аппендицит, который без быстрого медицинского вмешательства и привёл её к гибели. Так Мун и остался один. Что примечательно, отец Муна был мастером борьбы тхэквондо и учил детей с момента, как они начали ходить, он даже вёл небольшой кружок для молодёжи, поэтому в среде молодых корейцев имел заметную популярность. Видимо, по этой причине его и предупредили, да вот только слишком поздно. Сам Мун эту борьбу не забросил, учился яростно и иступленно. Два года бродяжничал, зачастую ел впроголодь, зимовал на шахтах. Таскал там корзины с углём, что помогло хорошо укрепить ноги и спину, так как тот всё делал правильно, по науке, организм не изнашивал, как говорится. Да и работал не за плату, а за еду, довольно сытную, надо признать, и за койку в тёплом бараке, что ему позволяло перезимовать. Многие так делали.

В данный момент Мун двигался к Пусану с планами завербоваться на одну из рыболовных лодок, поработать, всё же основная еда в Корее – это рис, овощи да рыба. Сытно будет, а это нужно, чтобы вырасти здоровым. Тут я Муна полностью поддерживал. Сам Мун до того, как уйти в бега, а его искали, имя сменил, волосы отрастил, изменил внешний вид как мог, учился в школе, и надо сказать, не без таланта. Я же говорю, отличное тело мне подобрал Бог. Учился хорошо, знал грамоту, письменность по четырём языкам изучил, корейскому, она называлась хангыль, китайскому, японскому и английскому. И знал Мун четыре языка, соответственно корейский, неплохо китайский и японский, и немного говорил на английском. Понимал всё хорошо, а говорил плохо, понять сложно. С другой стороны, у меня английский был точно подтянут, точнее его американский говор, учился-то говорить я у американцев на их базе, вот письменности не знал, поэтому знания Муна идеально укладывались в мою память.

Додумать я не успел, та немногая еда, что там – крохи, всё-таки заглушила бурчание в желудке, и сонливость, напавшая меня, отправила в сон. Я не стал этому противиться. Завтра всё додумаю, а пока стоит отдохнуть и набраться сил.

Проснулся я от шороха просыпающихся людей и запаха костра, ветерок дым на меня направил, отчего заслезились глаза и я дважды чихнул. Резко, сам от себя не ожидал. Сев, я потрогал грубую повязку на голове и осмотрелся. Вставшее солнце, что осветило всё вокруг, прогревая, вполне позволило это сделать. Находились мы в низине. За кустарником пряталось то гравийное шоссе, где Мун совершил свой кульбит и где я вселился в его тело, там было тихо, трасса пока была пуста. Дальше от низины начиналось засеянное поле, где виднелись залитые водой чеки, на которых зеленели ростки риса. Чуть ниже у трассы был каменный, явно старинный мост, под которым протекала речушка – так вот откуда шум реки! Мост был заброшен, рядом был построен новый, по которому и проходила трасса. С той стороны начинались высокие, поросшие лесом холмы, и особо посмотреть было не на что, но я всё равно поглядывал по сторонам, с удовольствием любуясь природой в яркой своей красоте весны. Давненько я этим не любовался. А то всё серые стены камер да белоснежные стены лабораторий.

Когда Мун полетел вниз со склона, то котомка осталась при нём, она у меня как раз и выполняла роль подушки, а вот дырявое одеяло, свёрнутое в скатку, отлетело, свидетели, что мне помогали, подобрали его и мне вернули, на этом всё, больше ничего у Муна не было. Только котомка, в которой съестного не имелось, так, личные вещи, одеяло да одежда. Рваные штаны, обрезанные чуть ниже колен, без обуви, и свободная рубаша, препоясанная коротким куском верёвки. Это всё, что было, ни белья, ничего остального. Собравшись, задерживать я не стал и, коротко поклонившись, поблагодарил моих спасителей за помощь, направился к трассе. Не думаю, что меня покормят, вчера это была помощь пострадавшему, а сейчас они видели, как я осторожно встал, как будто балансируя или учась ходить заново, и сделал несколько шагов, которые с каждым движением становились всё увереннее и увереннее. Даже небольшая пробежка была, кстати отдающаяся в рану. Однако телом я с каждой минутой владел всё лучше и лучше, можно сказать, окончательно укрепился в нём. А я думал, будет долгое привыкание. Пока ещё всё необычно, но управление телом стало как родным, что не могло не радовать. Так что, свернув одеяло в скатку и перекинув через котомку, что висела на правом плече, и придерживая лямку правой рукой, я неспешным шагом направился к дороге. Кстати, пока взбирался на обочину по крутому скату, успел подивиться. Насколько знал Мун, а мне стало известно из его воспоминаний, с провозглашением Республики Кореи, в Южной, где правил Ли Сын Ман, американцев стало совсем мало, советники, да и то не так много, не больше тысячи, и части, что уже заканчивали выводиться. Техника осталась в некоторых их частях, что-то передали местной армии, но то, что Муна пытался задавить именно американский грузовик, можно считать редкостью. Ведь за рулём точно сидел американский солдат, Мун успел его рассмотреть в прыжке. Я тоже хорошо запомнил эту улыбающуюся рожу, тот радовался, пытаясь задавить тяжёлой техникой мальчонку. Упырь.

Встав на обочине, мельком оглядевшись, я двинул в сторону порта Пусан, решив побывать там, осмотреться. Время ещё есть. Двигаясь по краю, чтобы если что просто спрыгнуть и уйти от таких лихих водителей, а движение по дороге стало оживлённым, уже четыре машины проехало, я продолжал размышлять. Было о чём, нужно собрать мысли в кучу, а то они разбегались от всего того, что произошло со мной за эти неполные сутки. Прежде чем продолжить, сначала представлюсь, а то столько времени прошло, а я об этом даже и не вспомнил. Уж извините мою невоспитанность, всё же столько времени в таких местах провёл, что всё человеческое сползает. Я вроде сохранил себя, но что-то потерял, думаю, это меня извиняет. Что ж, зовут меня Фёдор Геннадьевич Палкин, ветеран Великой Отечественной войны, Японской, и участник войны во Вьетнаме. Служил в авиационном полку, ИАП пилот, на Ла-7 и Ла-9 летал. Воевать начал не с начала, с конца сорок третьего, и воевал хорошо, двенадцать подтверждённых сбитых, Золотую Звезду не получил, там счёт до пятнадцати должен доходить, но награды получил немало, и всё было за что. Воевал так, что прошёл всю войну без царапинки, хотя сбивали дважды, один раз до своих смог дотянуть, за линией фронта на пузо сел, другой раз пры-

гать пришлось в немецком тылу, как раз когда штурм Берлина начался. Да уж, приключений хлебнул до предела, если учесть, что сел чуть ли не на головы эсэсовцам, занимающим часть здания. Там вообще слоёный пирог был, один этаж наши, другой немцы занимали. Причём наши ещё и в окружении сидели. Ладно, отстреливаясь, захватив ручной пулемёт, мне удалось перебраться на соседнее здание, где сидели артиллеристы с одной «сорокапяткой», поднятой на третий этаж, но без снарядов, и двух отделений бойцов пехотного батальона. Я оказался единственным офицером. Пришлось брать командование в свои руки, советуясь с опытным сержантом Ерёминым. Почти неделю воевал с ними, уникальный опыт городских боёв приобрёл, пока наши не освободили те места. Причём обо мне знали, немцы до такой степени ловили меня, получая по сопатке от бойцов, что окрестили «Белой смертью». Комбез в извёстке был, хорошая маскировка, не поймали. Синяков и ссадин в развалинах изрядно получил, но выжил с тремя бойцами и двумя артиллеристами. Там война моя и закончилась. Старшим лейтенантом продолжил службу, отвоевав ещё Японскую, став кадровым офицером. Только из-за того, что не смог поступить в Академию, что там несколько курсов повышения мастерства, на пенсию ушёл в начале восьмидесятых в звании подполковника. Одно могу сказать, технику я знал от и до и летал до самого выхода на пенсию, продолжая держать себя в форме. Во Вьетнаме провёл шесть лет советником, одиннадцать подтверждённых сбитых, летал на МиГ-17. За время службы изучил множество машин и могу сказать, что являюсь в них докой даже сейчас. Потом в Литве с супругой поселились, та оттуда родом была, из Клайпеды. Квартиру получили, двухкомнатную, вот так и жили. Детей вырастили, внуков. В середине восьмидесятых похоронил супругу, повезло ей, не видела, что будет дальше. С перестройкой грянула беда, меня объявили оккупантом, а когда я набил морду одному националисту, из тех, что служили немцам, те уже смело выползли на улицы, парады, суки, устраивали, то отправили в тюрьму. Тут ещё один местный подсуетился, отца я его сдал МГБ, было дело, встречал на фронте, тоже в СС служил, а тут ба, идёт такой мордатый по улице. Я его опознал, он тоже в розыске был как нацистский преступник, ну и расстрел после суда. А сынок, зная, кто тут постарался, сделал всё, чтобы я не вышел из тюрьмы. И у него это получилось. Откуда я это знаю? Да приходил он, хвалился. Меня тогда конвоиры хорошо отметили, а тот наблюдал. Как я понял, с отделением Литвы тот занял высокий пост, мог себе позволить подобное. При этом отдал приказ дать мне нормальное содержание, чтобы я прожил подольше и помнил, помнил, за что он меня в тюрьму упёк. Так что у литовцев дальше более или менее нормально было, остальную жёсть я от американцев получил.

Дальше тюрьму я не покидал, характера хватало, чтобы это всё пережить. Потом, как я уже говорил, меня отправили к американцам, и как я понял, не меня одного, было дело, не один раз встречал таких же подопытных в коридорах. Мужчины, женщины, были беременные, дети. Я в курсе, что за опыты над нами ставили, прививали и выводили новые вирусы гриппа для генома славян. Оттого и требовались разные поколения, от детей до стариков вроде меня. Так-то нас в одиночках держали, иногда удавалось перестукиваться. Постепенно соседние камеры пустели, пока я не остался один, повели на очередной опыт, помню, как положили на холодную лежанку из нержавейки, руки-ноги и торс пристегнули, подсоединяли к каким-то приборам. Датчики на теле крепили, а потом вспышка электроразряда. Первую я вытерпел, тяжело дыша наблюдал затуманенным взглядом, как лаборанты снимают показания с приборов, потом повторная вспышка, темнота, и вот я в теле Муна. Говорю же, это судьба.

Естественно, имея лётный навык, воевать я планировал в пилотском кресле истребителя, однако и тут есть множество препятствий, которые мне ещё нужно преодолеть. Для начала в Корейской войне я в своей прошлой жизни не участвовал, хотя заявление писал, чтобы отправили, отказали, однако после общения с лётчиками, что воевали тут, я знал разницу между нашими пилотами и корейскими. Если проще, как ни тренируйся, но уровня советских лётчиков мне никак не достичь. Тут в физиологии всё дело, наши просто крепче, и корейские

лётчики не тянули те перегрузки, что на них наваливались во время маневренных боёв в воздухе. В воздушных боях пилоты ВВС США быстро поняли, что, если МиГ-15 во время воздушного боя многократно выполняет манёвры с предельными перегрузками, то это советский лётчик. Если же он не идёт на такое, то это сильно ослабленный китайский или северокорейский пилот, которого можно не так сильно опасаться. Это правда жизни, расстраиваться не стоит и нужно принять это как данность. Для начала мне нужно набрать массу. А то натуральный дрищ, скелет скорее. Массу набрать не толстяка, есть много, но нарабатывать мышцы тренировками. Спасибо отцу Муна, тот знал, как это делать. Вестибулярный аппарат тренировать. Далее, избегать маневровых боёв, тактика «ударил-убежал» актуальна во все времена. Работать в основном не по самолётам, если только практиковать налёты на аэродромы, известных асов тут хватает и так, не выделяться, быть твёрдым середнячком, а работать в основном по земле, нанося удары по наземным частям, по противнику. По боевым кораблям, если позволит возможность. Поэтому желательно стать пилотом штурмовика, или истребителя-штурмовика. Последнее актуально больше всего. Помнится, в этой войне использовались Ил-10. Для меня то, что нужно, тем более я эту машину знал, имел возможность пилотировать её. Стояли со штурмовиками на одном аэродроме. Порядка пятидесяти часов налёта, на мой взгляд неплохо, хотя я и чисто истребитель. При этом опыт штурмовки наземных объектов имел изрядный. И «эрэсы» выпускал, и бомбы сбрасывал, у моего «лавочкина» были как направляющие, так и держатели. Это была редкая модификация Ла-7 с дополнительными топливными баками. Справлюсь.

По поводу того, как вообще попасть в лётные силы северокорейской армии, это я ещё буду думать, а остальные проблемы заключались в возрасте, моём местонахождении и отсутствии документов. Возраст ладно, можно натянуть, например, сказать, что мне семнадцать, к началу войны будет восемнадцать. Тут почему-то память Муна сбоила, я не знаю, когда станвятся совершеннолетним в Корее, считая обе области, то ли в восемнадцать, то ли в двадцать, память его мне помочь не могла. Ладно, спрошу у кого. Проведя рукой по гладкой коже подбородка, я решил спуститься к реке, что протекала метрах в ста от дороги, и посмотреть на своё изображение. Из воспоминаний Муна я знал, как выглядит это тело, но хочу посмотреть сам, теперь уже своими глазами. Кстати, зрение было просто отличным, в самый раз для лётчиков и снайперов. У меня-то зрение изрядно подсел, очки не давали, всё размыто, так что я с удовольствием любовался природой, пока шёл к городу, что уже показался вдаль. Окраины были видны и часть мачт стоявших в порту судов. При этом любованье природой, наслаждение новым телом и новыми возможностями не мешали мне размышлять.

Ну да, всё верно, симпатичная мордашка с характерным разрезом глаз и довольно длинными волосами до плеч. Нужно будет постричься. Дальше, раздевшись и дрожа от холода, я залез в ледяную воду и стал мыться. Всё-таки холодна весенняя водица. Голову не мочил, повязка осталась сухая. Потом выбрался и, пока обсыхал на лёгком ветерке, осторожно развязал материю – это было полотенце Муна, достали из его котомки, чтобы сделать перевязку, – и с шипением отодрав, осмотрел рану. Надо шить, это было сразу видно. Вернув полотенце на место – снова кровотечение открылось, лучше грязной материей рану закрою, чем заполучить пыль и грязь – и завязав повязку, оделся и, собрав вещи, направился дальше. А там, спускаясь в низину – Пусан скрылся с глаз за холмом, – я заметил, как большой грузовик, спускающийся со встречного холма, свернул к обочине и встал. Не веря своим глазам, я рассмотрел, как знакомый американский солдат, да и грузовик был тот же, на ходу торопливо растёгивая форменные штаны, рванул к кустарнику. Это судьба. Одно плохо, в кабине остался пассажир. Вчера водитель был один, я это точно помню из воспоминаний Муна. Ничего, я злой, кое-что умею, надеюсь, это поможет.

Я сразу понял: это то, что мне нужно. Во-первых, впереди враги, которых я сам же себе поклялся уничтожать. Во-вторых, при полном отсутствии средств к существованию – вот они,

которые можно добыть. Трофеи, добытые с тел врагов, слаще во сто крат. И третье, как ни странно, полная уверенность в себе и в своих силах, несмотря на не самое лучшее физическое состояние. Казалось бы, такое количество лет в заключении, да ещё с шестью попытками побега, именно шестью, должны сделать из меня боящееся своей тени нечто, но такого не произошло. Злобы у меня на всех хватит, она и помогла мне выжить и не сойти с ума. Так что эта злоба и придавала мне сил. Вот как сейчас.

Быстро осмотревшись, прикинул шансы на успех. Дорога была пуста в обе стороны, хотя со спины меня нагонял звук мотора, скоро машина появится, судя по звуку движка, что-то легковое вездеходное, вроде «Виллиса». Так что единственным свидетелем, как я сделал вид, что тоже захотел в туалет, был здоровенный негр в военной форме, что оставался сидеть в кабине грузовика, пока водитель отсутствовал. Скатившись с обочины, я спрятался за корпусом расстрелянного артиллерией японского лёгкого танка, что перевёрнутый лежал в кювете. В нём было множество отверстий разного диаметра, как будто эту машину использовали как мишень, ну а потом при расчистке дороги просто сбросили вниз бульдозером, и с тех пор тот тут так и лежал. Это была пока единственная находка, свидетельствующая о действиях американцев четыре года назад, хотя Муну свидетельства той войны встречались куда чаще. Видимо, тут у города всё было подчищено, а до корпуса этой бронемшины пока просто руки не дошли. Странно, рядом с дорогой, можно поднять и отвезти на пункт приёма металла. Однако сейчас мне этот корпус неплохо пригодился, укрытие отличное. Хм, а вон там дальше вроде хвостовое оперение истребителя торчит, с ещё видным опознавательным знаком. Японский истребитель в землю вошёл, точно говорю. Это уже второе свидетельство прошлой войны.

Поверху проехал армейский внедорожник, как я и думал, только сидели там южнокорейские военные, офицеры. Не останавливаясь, те проследовали дальше мимо американцев, лишь покосившись на машину, а я за это время сайгаком нёсся через кустарник, чтобы успеть перехватить водителя до того, как он закончит свои дела. Успел, тот ещё сидел в позе атакующего орла, как говорил один мой сослуживец капитан Горгадзе, держа в руках подсумки с магазинами или обоймами. Не знаю, чем тот был вооружён, оружие своё солдат, к сожалению, оставил в машине. На ремне был только штык-нож, а вот фляги не имелось.

Устроившись неподалёку в кустах, морщась от вони, похоже, у солдата была серьёзная диарея, я стал вытряхивать всё лишнее из котомки. Память ясно подсказывала, что тут должен быть обломок ножа с острозаточенным лезвием, и он действительно был. Старый нож с уже разошедшейся, но ещё крепко сидящей рукояткой. Сам нож обломан, однако Мун смог хорошо его наточить. Водитель, глухо ругаясь, ещё раз звонко выпустил газы и, дотянувшись, достал пачку сигарет и стал чиркать кремнем зажигалки, чтобы прикурить, при этом продолжая делать свои не самые приятные дела. Пользуясь тем, что тот особо не смотрел по сторонам, я возник у него со спины и одним ударом вогнал клинок в глаз. Хотел шею перерезать первоначально, но крови много будет, а мне трофеи нужны, рана в глазу самая чистая. Тем более я её запер, оставив нож в ране. Прихватив тело за плечи – тот продолжал дёргаться, – я положил солдата на бок, отложив в сторону ремень с подсумками. Только после этого я всмотрелся в силуэт грузовика за кустарником. Похоже, негр так ничего и не заметил. Отлично. Оставив свой нож в ране, я вытащил штык из ножен и стал подкрадываться к грузовику, стараясь заходить с заднего борта, чтобы тот не засёк.

Мне это удалось, даже смог спрятаться между задними колёсами. К сожалению, под машиной укрыться не удастся. Высокий клиренс. От пассажира возможно, но водители и пассажиры машин, что нет-нет да проезжают по трассе, легко меня там засекут, так что укрытие из двух осей колёс самое то. Хорошо, я маленький, смог залезть. Ждать пришлось минут десять, пока наконец здоровяк в кабине не выдержал и не воскликнул:

– Рядовой, ты скоро?

Меня несколько удивило, что тот столько ждал, но видимо, водитель успел предупредить пассажира, что он надолго засядет, вот особо тот и не волновался. Окликнув водилу во второй раз, негр забеспокоился, я же, переждав, когда мимо проедет автобус, скользнул под грузовик, трасса пуста была, и, стараясь не шуршать камешками, перебрался к кабине. Поэтому когда пассажир, держа в руке пистолет, прыгнул с подножки на пыльную обочину, я с ходу подрезал ему сухожилия под коленкой правой ноги, и когда тот начал падать, сделав непроизвольный выстрел из пистолета – чёрт, нашумел всё же, – я в прыжке, разгибаясь, вогнал ему лезвие под основание черепа. Готов.

Мне от того адреналина, что удалось получить, откровенно стало плохо на несколько секунд, тут и усталость, и слабость от голода – всё сказалось, однако мешкать я не собирался, потом приведу себя в порядок, поэтому сразу, ухватив негра за ноги, сбросил его вниз, помогая себе. Переваливая тело, скатил его ниже, чтобы было не видно с дороги. Успел едва-едва, сначала проехал трактор с сеном в телеге, потом несколько машин, включая пару военных. Дверь в грузовик я закрыл, чтобы не привлекать внимания. Дальше быстро обыскал сержанта, негр оказался сержантом, заслуженным, с медалью «За отличную службу» и ещё несколькими боевыми. Снял ремень с кобурой, пистолет я раньше подобрал, тот самый «кольт», с какими у нас, бывало, ходили среди лётчиков, редкость, всегда мечтал, а тут смог получить трофеем. Только что-то сейчас он не особо радовал, мечты изменились, разве что вообще появлением оружия на руках. Все трофеи из карманов я убирал в котомку. Потом и с водителем поработал, тщательно, даже зажигалку с сигаретами забрал, хотя не курил – ни тогда, ни сейчас не собирался. Забрал свои вещи, аккуратно оба ножа извлёк и отнёс о форменные брюки, не собираясь оставлять улики, подсумки с магазинами не забыл, ну и вернулся к грузовику. Перед тем как уйти, я завалил оба тела срезанными ветками. А с водителя так ещё и форменную куртку снял, не забыв кепи. Сделал это до того, как нож из глазницы извлёк, чтобы не испачкать. Надо же как-то мне маскироваться, сидя в кабине грузовика. По самой машине я бы не знал, что делать, если бы не память Муна. Тут недалеко старые шахты находились, где вполне можно спрятать машину, на первое время по крайней мере. Не тут же её бросать, чтобы внимание привлекала и помогла найти тела. Нет, пусть они там в кустарнике подольше полежат, пока не завоняют. Я за это время далеко уйду.

У дороги, дождавшись просвета в движении, сел в кабину и запустил движок – всё знакомо, такие грузовики под конец войны были, нам по ленд-лизу они не приходили, но парочку мы у немцев отбили, а те у американцев, так что на таком грузовике я пару раз ездил в ознакомительных целях. Да и ничего сложного тут. Модель машины была GMC CCKW, вполне себе пристойный, крытый тентом двух с половиной тонн грузовик. Мотор мощный, легко тянул машину в гору, где мне навстречу попала та группа беженцев, кои мне и помогли, я лишь кепи на лоб натянул и проехал мимо, обдав их бензиновым выхлопом. Отлично, у перекрёстка на месте съезда никого не было, я свернул и покатил дальше по узкой дороге, рядом с краем глубокого оврага, потом покрутился между холмами и, сбив бампером деревянное ограждение, загнал машину в туннель заброшенной шахты. Тут вроде как раньше медь добывали, пока руда не иссякла. Часть туннелей и шахт обвалились, но такие входы ещё встречались. Этот хоть облагороженный был, со входом, заделанным щитом.

Заглушив движок, я открыл дверцу и, осторожно ступив на холодную землю туннеля, осмотрелся и выбежал наружу, вслушиваясь в стоявшую тишину. Осторожно выбегал, чтобы не пропороть на разбитых досках гвоздями босые ноги. Обувь с солдат снимать я не стал, не мой размер, к тому же заметный след. Деньги есть среди трофеев, в городе всё, что нужно, куплю. Главное, грузовик спрятал, отъехав километров на семь, на время увёл поиски в сторону, в городе меня искать не будут, так что можно посмотреть, что есть в машине, забрать нужное и поскорее покинуть шахту. Сам грузовик дальше загнать не получится, хотя я об этом

думал, крыша кабины и так уже касалась свода, ещё немного, и всё, заклинит между верхом и низом.

Убедившись, что вокруг никого, если кто что заметил, то затаился и не показывается, я, так же осторожно ступая по доскам – старые полусгнившие, – вернулся к машине, прислушиваясь. Вроде звук какой-то был. На шипение похоже было. В кузове пусто, я в этом был уверен, иначе при остановке вылезли бы наружу ноги размять и подымить, да и тент плотно завязан был, чтобы груз не потерять и не пропылить, точно людей нет, груз имелся, какой не знаю, а солдат не было. Подойдя к переднему колесу, я прислушался. Ну точно, прокол, вот и шипел, выходя, воздух. Наверняка на досках пропорол, там в некоторых местах ржавые гвозди торчат. Медлить я не стал. Котомка в кабине, пистолет в руках, я его прихватил, когда спешил осмотреться у входа, так что сразу направился к заднему борту. Кабину потом изучу. Размотав верёвку, я откинул тент и только выругался. Мебель, причём качественная и дорогая. Видимо, какой-то американский офицер-советник переезжал и вёз на новое место службы мебель. Я проверил, только она, и ничего более. Плохо, я надеялся на трофеи. Например, полный кузов продовольствия. Теперь кабина, и у меня была вся надежда на съестное, а то от голода ноги подкашивались. У водителей всегда заначки были, я это точно знаю и не думаю, что американский водитель чем-то отличался от советских шофёров.

Так и оказалось. Правда, сначала я из зажимов за спинкой водителя вытащил винтовку. Знакомая, была у нас в полку такая, у старлея Егорова, он собирал коллекцию, пострелять я успел, пока тот не отбыл на новое место службы. Генеральский сын, насколько я помню, коллекцию у него так и не отобрали, он её даже увеличил, было дело, встречались в конце семидесятых. В руках я держал самозарядный карабин «М-1», причём той же модификации, что был у Егорова. На ходу вспоминая, что и как делать, проверил его – снаряжён. Поставив оружие у подножки, я продолжил обыскивать кабину и почти сразу вытащил из-под сиденья пассажира рюкзак, армейский, явно уставной, имя было нашито. Закопался в нём, откладывая всё, что было сверху, быстро нашёл две крупные банки с консервами, чуть позже нащупал третью, такую же. Судя по этикеткам, свиная тушёнка, это я удачно зашёл. Потом нашёл вскрытую упаковку галет. Медлить я не стал, тем более к рюкзаку была прицеплена фляга с водой, уже проверил, отпив. Тщательно вытерев штык, даже помыв его водой из фляги, я вскрыл одну банку и, заедая галетами, жадно работая ножом вместо ложки.

Осилил треть банки, но несмотря на то что всё равно хотелось, много есть не стал, сразу стало тяжело, а ещё в сон бросило, поэтому пока хватит. Мун голодал, и такая калорийная пища в больших количествах может только навредить. Так что я осмотрел весь рюкзак, нашивку с именем прошлого хозяина срезал. Содержимое частью бросил, зачем мне нательное солдатское бельё со штампами на нём, зато деньги нашёл, видимо заначку. И стал укладывать в рюкзак всё, что мне нужно. Вниз свёрнутое одеяло, что нашёл тут же в кабине, потом продовольствие, обе банки с консервами и половину галет, несколько штук я отложил, через часок ещё поем. Сверху легли подсумки с магазинами к карабину. Причём все магазины я доставал и по очереди вылуцивал патроны, ссылая в рюкзак. Оружие и рюкзак я решил спрятать, и вот, чтобы пружины не ослабли, так сделал. Пистолет убрал в кобуру, разрядив предварительно, патроны ссыпал в тот же рюкзак. Три магазина к «кольту» было. В кабине грузовика я нашёл три гранаты, один тип, на наши «лимонки» похожи, судя по маркировке, называются МК-2. Две разряженные убрал туда же, в рюкзак. Одну отложил, решив заминировать машину. В принципе всё. Разве что слегка потрёпанный, но чистый рабочий комбинезон водителя, также найденный в кабине, свернул и убрал сверху. Ну, и нательную рубаху, если что, как перевязочный материал пойдёт, хотя аптечки в машине я не нашёл, как и бинты. В инструментальном ящике машины были разные инструменты, я отобрал моток тонкой медной проволоки, монтажку, отвёртку, пассатижи и кусачки тоже прибрал, и только после этого завязал шнуры рюкзака. Набил доверху.

Убрав недоеденное в котомку, я поставил растяжку, благо граната была понятная, с запалом, и оставил машину – граната на топливном баке была прицеплена, между ним и рамой, использовал кусок тонкого медного провода, прицепил я его к двери, кто откроет, через несколько секунд будет бабах. После этого, забросив лямки рюкзака на правое плечо, причём меня перекосило от тяжести, висевшая на другом боку котомка не очень служила противовесом, делая мелкие шажки, я вышел из шахты и, осмотревшись, пошёл дальше, старательно наращивая темп, благо тут был уклон. Перебравшись в два захода через овраг, вещи переносил в два этапа, я добрался до другой шахты. Сигаретыгодились, табаком следы посыпал. Тут в этой шахте Мун в прошлом году полторы недели жил и успел изучить окрестности. В этой пещере под потолком хитрая ниша была, снизу не видно, тот там прятался от облав, вот в этой нише я и спрятал рюкзак с винтовкой и остальными трофеями. В котомке только деньги оставил, завернутые в несколько слоёв грязной тряпицы. Надеюсь, если меня остановят, то поленятся всё это разворачивать. Нож свой оставил, остальное спрятал. Вот так, покинув пещеру, я вернулся на дорогу и спокойно пошёл к Пусану.

За время пути останавливался я дважды – да поесть, закончил-таки в несколько заходов банку и отложенные галеты, после чего спрятал её, прикопав с помощью ножа. Ну, вот теперь точно всё, одни деньги из трофеев остались. Замечу, по местным меркам очень значительная сумма. Местных денег не было, сразу скажу, только американские в количестве сорока семи долларов и семидесяти двух центов. А вообще шагалось легко, я прошёл мимо того места, где в кустарнике лежало два тела, приятно ощущать, что это моих рук дело, и двинул дальше. Вместе с сытостью пришли и силы продолжать движение, энергия стала бурлить. Вот где-то к часу или двум дня пройдя окраины, я и оказался в Пусане. Часы у обоих солдат были, но я их оставил в рюкзаке, тоже след, который мне был не нужен. Ну какие у бедняка часы? Так что сначала нужно переодеться, сменить облик, а потом можно думать, что можно иметь при себе, чтобы меня не разоблачили. Хотя на самом деле я просто побоялся брать часы, вдруг всё же остановят, сам видел один подвижный патруль и один стационарный пост, вполне могли, но по счастью, на меня просто не обратили внимания, отчего я с облегчением вздохнул. Главное, я в городе, теперь можно дальше импровизировать. Где тут цирюльня и рынок? Хотелось бы состричь эти космы, постричь ногти да сменить одежду на более подходящую и приобрести наконец нормальную обувь. Но главное, найти врача, чтобы посмотрел и зашил рану. И вот сейчас думаю, с чего начать?

Это я к чему всё, просто, встав на перекрёстке одной из улиц, отмечал боковым зрением, как на меня косятся прохожие, особенно на голову, повязку-то я убрал, слишком демаскирует, как тюрбан, и придерживал кровь с помощью того же полотенца, но аккуратно сложенного. Вот так я стоял, размышлял, и мне вдруг попался на глаза красный крест над входом в одно из зданий. Только эта медчасть находилась за воротами, которые охранял часовой, причём в форме южнокорейской армии, а на территории ходили как корейские солдаты, так и пара американских офицеров, видимо советники. Хм, почему и нет, больше ничего похожего на больницу я не вижу, а кровь всё течёт. Побеспокоил я рану, когда снова снял повязку. Мысленно пожав плечами и включив наглость, я пошёл прямо к воротам.

– Стой! Куда? – остановил меня часовой, что прохаживался у ворот.

– Меня американский солдат сбил, на грузовике, сказал идти к вам в часть, чтобы рану зашили, – ответил я. – Он случайно, не заметил меня.

– Случайно, как же, – пробурчал рядовой. – Жди.

Подёргал за верёвку, где-то вдали зазвенело, мы дождались, когда выйдет старший наряда, и я повторил ему то, что сказал часовому. Принять правильное решение помогла однодолларовая бумажка, которую я сунул сержанту в ладонь. В памяти Муна были воспоминания о большой коррупции среди военных. Тот мельком глянул на подношение и, кивнув, повёл меня за собой. А что, на соджу заработал, это такая местная водка, национальный напиток,

особо ничего не нарушает, нормально. Тот завёл меня в медчасть, где сидел слегка вдатый американец, причём судя по тужурке, висевшей на спинке стула, сержант медицинской службы. Не офицер.

– Что вам? – хмуро спросил тот, убирая стакан со спиртом, который, видимо, хлебал. Явно разбавленным.

Старший наряда, сильно коверкая речь на английском, пояснил тому причину моего прихода, на что сержант скривился и рявкнул:

– Пошли отсюда! Мне по хрен, если какой мудозвон какую макаку придавит.

Причём судя по виду моего сопровождающего, тот этого и ждал, наблюдая, как меня отшивают в грубой форме. Развлекался, сволочь.

– Господин офицер, – взял я слово, говоря достаточно правильно. – Господин водитель, что на меня наехал, дал десять долларов, чтобы я передал их вам и вы меня полечили.

Сопровождающий скривился, а вот сержант подобрел, взмахом руки отправил прочь местного корейца, а мне велел садиться на стул. Отложив котомку, я сел – деньги я заранее приготовил, – и тот стал осматривать рану.

– Ну ты и зарос. Ладно хоть в чистоте волосы держишь, вшей не вижу. Будем брить. Давай деньги.

– Господин водитель сказал, деньги не давать, пока всё не будет сделано.

– Умные все слишком стали, – проворчал медик и, достав из ящика машинку, стал остригать всё вокруг раны, там тоже кровь была, тот не промывал, да ещё не стриг, а рвал частично, больно было. Я шипел, но терпел.

Причём остригал волосы только у раны, остальное его, похоже, нисколько не волновало. Жаль, я надеялся, он меня бесплатно обреет, мне эти космы не нравились, косички можно носить, я как привык к полубоксу, так ничего другого и не признавал. Закончив, тот осмотрел рану, промокая тампоном, после чего, приготовив инструменты в тазике, сначала почистил рану, по живому и также без анестезии, и, пропитав нить спиртом, стал шить. Восемь швов наложил. Потом не стал накладывать повязку, а наклеил пластырь, пропитав его какой-то жёлтой мазью, видимо для заживления.

– Всё, готово. Давай мои деньги и убирайся.

– Спасибо, сэр.

Низко поклонившись, я передал две пятидолларовые купюры, которые тот с подозрением проверил и убрал в карманы брюк, и поспешил выйти. В воротах я едва увернулся от пинка старшего наряда и, придерживая котомку, припустил прочь. Одно дело сделано, осталось сделать другое. То, что сержант-медик меня принял, конечно, удивительно, но в принципе объяснимо. Одетых, как я, на окраине хватало, вот меня за такого местного босняка и приняли. Да и вообще, видимо, поразвлечься над недотёпой планировали, а тут вон как оказалось, у меня деньги были, а у кого деньги, тот и прав, потому я и получил медицинские услуги. Пусть у заклятых врагов, но главное, качественные. Всё же я отслеживал всё, что делал тот медик. Рана тупо ныла, хотя недавно подёргивалась, так что терпимо.

Поспрашивав, я узнал, где находятся местные открытые торговые ряды. Как и ожидалось, они были рядом с портом, и направился туда. Добрался без проблем и задержек, там на месте стал ходить и поглядывать, выбирая одежду. Мне удалось найти неплохие брюки моего размера, потом нательное бельё, две рубахи, одна запасной будет, лёгкую куртку и широкополую шляпу, её я сразу надел, чтобы скрыть пластырь, слишком много внимания к нему, чистый и белоснежный. Тут же у одного торговца в примерочной и переоделся. Старую одежду убрал в котомку, едва вместилась, и продолжил прогуливаться. Приметив сидор, самый обычный такой советский сидор, я приобрёл его и направился дальше. Всё же хорошо, что многие торговцы принимают доллары, хотя я мог и поменять их, меняла тут работал, я подходил, такие грабительские расценки были. Нет уж, лучше напрямую с продавцами работать. Найдя непло-

хия ботинки, те, что раньше примечал, не по размеру были, эти тоже померил и понял – то, что надо, отлично сидят. Купил также к ним пять пар носков, потом взял чистое новенькое полотенце, одеяло, а всё, что при себе имел из старого имущества, продал. Котомку тоже, приметная, с заплатой на боку. Откровенно скажу, даже не за деньги, что там копейки, а просто обменял на отличный нож с ножнами, крепкий, лезвие двадцатисантиметровое с односторонней заточкой. К нему и ремень купил, сразу опоясался, только нож не вешал, в сидор убрал.

Все покупки уместились в сидоре. Придерживая его на правом плече, я покинул эти торговые ряды. Денег мало осталось, а траты ещё были. Пока я совершал покупки, то как бы между делом уточнил, где ближайшая парикмахерская, вот туда и направился. Цирюльник работал на открытом воздухе под навесом. А вообще, корейцы довольно щепетильно относятся к внутреннему убранству зданий или домов, предпочитая минимум мебели. Для них пол священен, зайти в дом или квартиру можно только сняв обувь. Если этого не сделать, то это неуважение к хозяевам и дурной тон. Варварство. На полу спят, на полу сидя едят, пол для них всегда должен быть девственно чист, и они к этому относятся очень серьёзно. Оттого я особо и не удивился, что парикмахер предпочитает работать под навесом, это правильно. Размышляя о национальных традициях корейцев, я подождал свою очередь, сел в кресло и пояснил, как стричь – да налысо. Деньги местные были, один из торговцев пару долларов разменял, по нормальному курсу. После бритья мне ещё и голову помыли, с мылом, при этом не намочив пластырь и рану, губкой работали. Ещё в парикмахерской мне постригли ногти и даже прошлись пилочкой, убирая зазубрины. Потом, расплатившись, я снова надел шляпу, маскируясь и перейдя на другую сторону улицы, зашел в местную столовую, или скорее лапшичную, не знаю, как правильно называть. Запах приятный доносился, пока я в очереди в парикмахерской сидел, с ума сводил, так что сразу, как постригся, и покушать решил. Шляпу не снимал, купил китайских пельменей, а закусочная китайской оказалась, да мясного бульону. Пельмени тоже на мясе были. Два ломтика хлеба ещё взял. Поел с удовольствием. Причём как взял обе палочки, тут не было привычных мне вилок и ложек, так стал как само собой разумеющееся есть, как будто всю жизнь это делал. Опыт Муна сказывался, так что внимания не привлекал. А мяса мне было нужно много, оттого и выбор мясных блюд, массу пора наращивать.

Приём пищи нисколько не мешал мне размышлять, чтобы строить дальнейшие планы. Вроде пока мне удаётся не привлекать внимания, но долго это не продлится, нужно что-то решать дальше. Когда я переберусь на сторону Северной Кореи? Как это сделаю? Что там говорить? Всё это нужно тщательно обдумать и проанализировать, а пока я нахожусь тут, в южной части Кореи, продолжу заниматься по методикам отца Муна, ну и вес подниму. Полдничая, несмотря на задумчивость, я не забывал поглядывать вокруг и особенно на вешмешок, что стоял под ногой. Я опытный, лямки ногой прижал, поэтому, когда его дёрнуло, успел ухватить за загривок мальчонку. Ему крепкого леща, сидор на место, и снова продолжаю размышлять. Так вот, сообщать, кто я в действительности, я никому не буду, это просто глупо. Конечно, мелькала мысль отправиться к нашим и всё выложить, но останавливало несколько моментов. Для начала я не уверен, что смогу поучаствовать в этой войне, а я собираюсь это сделать. Посадят в какую «шарашку», сиди, вспоминай, какой будет в будущем авиация. Схемы рисуй. Помня, что на мой запрос правительство России ответило отказом предоставить мне российское гражданство и защиту, это я уже в тюрьме сидел, поступлю так же, отвечу, как мне тот посол. Хрен вам, а не гражданство. То есть хрен вам, а не моя память о будущем. Я вообще злопамятным бываю, особенно в такие моменты. В будущем, после Корейской войны, я, скорее всего, переберусь в Союз, в тот же Казахстан, и устроюсь там, всё же менталитет ближе. Но сейчас нет, Корею до конца лета пятьдесят третьего года я не покину. Значит, нужен план. Надо подумать.

Хорошо поев, я прихватил полупустой сидор, что там рубаха, полотенце, запасные носки да нож, одеяло сверху было закреплено как скатка, и направился обратно на рынок. Я, конечно,

у американских солдат взял трофеями по местным меркам очень приличную сумму, но всё равно она шла на убыль, осталось двадцать два доллара двенадцать центов. Закуплю-ка я продовольствие, особенно то, что долго хранится, ну и посуду нужно взять, раз я бродяга, что спит и ест под открытым небом. Однако по пути к рынку, тут недалеко было, я заметил двух парней лет двадцати, что, смеясь, шли по улице. Это корейцы были, и одеты они в военную форму, курсанты военного лётного училища, судя по лётным крылышкам на воротниках. Как интересно. А ведь это идеальное прикрытие, побег курсанта к северянам. Надо подумать. Проверки, конечно, будут, наверняка особый отдел жёстко будет работать, чтобы выяснить, настоящий я перебежчик или шпион, а потом примут решение... Вот только сомневаюсь, что перебежчикам доверят штурвал боевого самолёта. Да, надо подумать.

Придерживая сидор, а потом вообще накинув лямки, чтобы тот за спиной висел, я спокойным шагом направился за курсантами. Нужно выяснить, где у них находится училище. Оказалось, можно и не следить, сделал умильную мордашку, наговорил прохожему, как мечтаю летать, ха, кто даст, небо в Корее для избранных, и не с моим лицом в это влезть, как мне попутно объяснили, но хоть сообщили, где находится это лётное училище. Бывший аэроклуб, переквалифицированный в военное учебное заведение. Так что я развернулся и снова направился на рынок. Посуду удалось купить в магазине рядом с рынком, он на этом и специализировался. Был бы я не один, купил бы чайник, а так взял литровую кружку, двухлитровый котелок, небольшую сковороду, глубокую тарелку, ложку, вилку, две качественно выделанных палочки, ну и столовый нож. Кстати, в этом магазине доллары не принимали, пришлось сбежать к тому торговцу и наменять необходимую сумму. Купил, что нужно, а заметив флягу знакомого вида – японская, явно не на литр, ненамного, но чуть больше, – осмотрел и тоже купил, пробка понравилась, крепкая, винтовая, не проливает, я проверил. У нас были в полку такие фляги, когда мы в Японской войне участвовали. Кстати, мне удалось поучаствовать в воздушном прикрытии захвата бывшего Порт-Артура. Это так, к сведению.

Сидор полный, и я решил купить котомку, только поновее и чуть больше, оценив необходимость и незаменимость такой тары. Продал котомку, и теперь без неё как без рук. Нашёл подходящую и приобрёл, дальше стал покупать продовольствие, благо всё, что нужно, тут имелось, были бы деньги. Взял две пачки галет, в походе пригодятся, два килограмма риса, от Муна мне досталась любовь к корейским блюдам, и к рису в том числе, потом несколько кусков вяленой рыбы, её долго можно хранить, кочан капусты, узелок с солью, тут же купил перец и перемешал с солью. Меня этому один боец из БАО научил, чукча, между прочим. Я часто так мешал и ни разу не жалел, очень действенная и неплохая приправа. Взял немного и местной приправы, ох и жгучая, но мне теперь благодаря пристрастиям Муна они были привычны. Один торговец предложил консервы. От рыбных я пока отказался, но у того было шесть банок с американской тушёнкой. Той самой, что я сегодня ел. Взял все шесть, долго торговались, я старался сбить цену за опт, но взял. Пять утрамбовал в сидор, одна в котомку ушла к остальному продовольствию. Подумав, и две с рыбой взял, пусть будут как НЗ, тем более цену за них торговец не драл, ходовой товар. Ещё я взял немного чая, тут он не такой и дорогой, китайский, и на этом всё. Взял бы крупы, той же картошки, но товар дефицитный и стоил ну очень дорого. Кстати, обнаружил, что один мужик продаёт сухари, ржаные, на развес. Я даже заметил на боку знакомый штамп. Да наши сухари, советские, явно контрабанда. Денег не оставалось, взял на всё полкило, завернул в тряпицу и убрал в котомку. Ну, вот и всё, и сидор и котомка полны, даже внимание привлекаю, раз есть, что хранить, значит богат.

Покинув рынок, я направился к училищу. Вскоре стемнеет, стоит обустроиться неподалёку, найдя подходящее место для ночёвки и начать разведывать. А шагая, достал из кармана куртки сухарик – я один отложил – и с удовольствием понюхал. Родной же запах, аж слюнки потекли. Есть не стал, его размочить нужно, зубы поберегу, убрал обратно. По пути, побренчав мелочью – деньги трофейные закончились, те, что американские, это то, что на сдачу получил

– и подсчитав, сколько осталось, зашёл в лапшичную. Поел я недавно, и двух часов не прошло, а до заката, по моим прикидкам, часа три осталась, и хотя пельмени сытными были, молодой растущий организм снова требовал есть. Протерев тряпицей котелок, местная прислуга сжалась и помыла его кипятком и положила туда холодной лапши, называемой куксу, с овощами на рыбном бульоне. А в тарелку положили ещё одно национальное блюдо под названием кимчхи. Это такой салат. В данный момент состоявший из квашеных овощей, приправленных красным перцем. Впрочем, в лапше перец тоже был. Одну порцию взял, на более денег не было. Этот котелок я и понёс дальше, крышки не было, так я сверху тряпицей накрыл. Это чтобы не запылить. А тарелку в руках держал, её полотенцем накрыл. Готовить вечером не хотелось, деньги были, вот и купил. Не хотел продовольствие тратить, как НЗ оно у меня. Лучше побережь, мало ли придётся быстро уходить из города. У меня тут всё на волоске висит, тоже понимать надо. А по поводу лапши и салата, хотелось самому попробовать, а не просматривать воспоминания Муна, например, по его вкусу пельмени были пресноваты, да и харчевня та была китайской, и подавали там именно китайские блюда, а тут лапшичная чисто корейская была, и чего только в эту лапшу не напихали, не только рыбу, но и мясо крабов, осьминогов и разного такого, я уж не говорю про специи и перец, острая пища в Корее норма, традиция, а попробовать всё равно хотелось, вот и купил.

Лавируя мимо хмурых прохожих – ни одного улыбающегося корейца пока не видел, да и не принято это у нас, – ещё не хватало расплескать мою ценную ношу, я ушёл от порта в сторону лётного училища. Найти его удалось, только вот я не обнаружил ни лётного поля, ни ангаров, ни самолётов. Пспрашивал у местных и выяснил, что тут только училище, летают курсанты в другом месте, аэродром километрах в двадцати. Плохо, но пока планы это мои не меняет. Устроился я довольно далеко от училища в развалинах дома, его явно бомбой накрыло, судя по воронке. Никто не восстанавливал, видимо место не особо престижное. А я ничего, сделал лежанку и ближе к темноте поел сначала салата, на удивление понравилось, а потом и холодной лапшицы. Причём, протянув руку за вилкой, стал есть и не сразу обнаружил, что делаю это палочками. Вот что значит привычка прошлого тела. Бульон с края котелка выхлебал. Да, остро, но вкусно. Интересно, как я с такими вкусовыми качествами на картошку с котлетой по-киевски и подливой отреагирую?.. Чёрт, слюной чуть не захлебнулся. Потом, отмыв котелок и тарелку, травой почистил и у колодца помыл, вернулся и стал размышлять, лёжа на одеяле и рассматривая звёзды.

Пока я был у колодца, там женщин хватало, то постарался разговорить некоторых. С одной повезло, её муж работал в училище, как я понял, завхозом. Та была любопытной в делах мужа и с охоткой стала мне сообщать всё, что знает, я лишь небольшими вопросами выводил её на нужную мне тему. Хм, я и не знал, что после разделения Кореи вся авиация Японии, заводы и инфраструктура достались Южной Корее, Северной мизер, фактически пшик, и, как я понимаю, ВВС Северной Кореи нужно создавать практически с нуля. Да и лётчиков тоже обучать, так как те корейские лётчики, что служили японцам, подверглись гонениям. Информированная дамочка, это даже хорошо, та просто не поняла, как порадовала меня. Если с авиацией у северян так плохо, то мне уже легче влезть туда, опытный пилот им пригодится. После проверки, конечно же.

Дождавшись темноты, я прокрался к забору, за которым находилось училище, и, прыжком взобравшись наверх – часовой был дальше у ворот, тут пусто, – мягко спрыгнул с той стороны и тихо направился к подсобным строениям. Со второго этажа того почти завалившегося здания мне удалось рассмотреть, как в этот сарай местный служащий закатил велосипед, а мне нужен был транспорт, его тут охраняли, на замки закрывали, а этот велосипед мне показался неплохой добычей, вот я и решил рискнуть. Вскрыть замок удалось без проблем. Да по сути я его и не вскрывал, куском арматуры, подобранной у развалин, просто отжал щеколду, вырвав её из петель, и тихо, чтобы стальная полоса не звякнула, положил на землю. Потом приоткрыл

дверь, чтобы не потревожить щеколду, и шмыгнул внутрь. Дальше пришлось действовать на ощупь. Ничего кроме спичек у меня не было, да и те в котомке остались, были бы, всё равно не стал зажигать, не хватало ещё привлечь внимание отсветом из-за двери. Тем более отбоя ещё не было, вон, несколько курсантов прогуливалось. Найдя велосипед, сразу проверил шины, накачаны хорошо, остальное тоже было в порядке. Нормальный велосипед, да обычный, у нас тоже такие были. Вот только звонок на руле, он может выдать меня в любой момент случайным звяком, так что я нашёл инструмент в бардачке велосипеда и на ощупь его скрутил и убрал в карман. Пока было время, пошарил по полкам и по стенам, ища что интересное. Дождавшись отбоя, я вывел велосипед и докатил до забора, там запрыгнул наверх, поднял велосипед на верёвке. Тут аккуратно перевалил его и спустил с другой стороны, потом спустился сам, не забыв смотать так хорошо пригодившуюся и попавшуюся мне при поиске в сарае верёвку, и докатил велосипед до развалин, где оставил вещи. Забрав их, я покатил прочь из города. Не по дороге, рисовыми полями, закатав брюки до колен и сняв обувь, это и позволило мне обойти посты. Катил я к тому самому аэродрому, где проходят лётную практику местные курсанты. Есть у меня одна идея. Помнится, в сорок четвёртом в соседнем полку «як» угнали, и это при хорошо организованной охране. Немецкий агент снял часового, спокойно сел в заправленную машину и, не обращая внимания на ночь, улетел. А что ему, задание выполнил, транспорт таким вот способом добыл, вот и отправился к своим докладывать о выполнении. Наглости его можно было только позавидовать. Тревогу подняли, конечно, но куда там, улетел. У них тогда комполка сняли и особиста, под трибунал попали, а вот замполит и начштаба удержались на своих местах. Оправдывались своим отсутствием, их действительно тогда не было, в штаб дивизии уезжали. Раз тот диверсант смог, то и я смогу. Где находится аэродром, я знаю. Точнее, нашёл в памяти Муна. Когда женщина о нём говорила, я мысленно сразу нашёл нужные координаты и самую лучшую дорогу. Не прямую, скорее незаметную. Она для меня лучше. Мун там бывал, издали наблюдал за аэродромом, но не приближался. Так что разведать всё придётся самому.

За ночь я действительно смог добраться до нужного места, счастливо избежав патрулей, думаю, они были, а может, и нет, война же пока не объявлена, так, приграничные стычки и конфликты, не более. А тут глубокий тыл. Да, думаю, охрана если и есть, то сильно ослаблена. Добрался до аэродрома я ближе к утру и, найдя подходящее место, заросший кустарником овражек, замаскировался и, завернувшись в одеяло, спокойно уснул.

Разбудил меня рёв авиационного мотора, что взревел неподалёку и, немного поработав на разных режимах, заглох. Завозившись, я потянулся, потом сел, сонно осмотрелся. После этого, не вставая, больше по-пластунски, подобрался к краю кустарника и всмотрелся в сторону ангаров вдаль, где стояло несколько самолётов. Увиденное заставило меня разочарованно поджать губы. Я думал, что стоящее будет, а там одни связные, наблюдательные да учебные, да и то наверняка заезженные до предела. Так не вижу, но уверен, раз их используют как учебные. Боевых не было, видимо на другом аэродроме держат. Ладно, посмотрим позже, может, что стоящее подберу? Тем более два ангара стояли, может, внутри что есть? А так по конфигурации, сборно-щитовым домикам и вышке, это явно бывший американский аэродром, переданный местным. По поводу же моего недовольства, на то были причины, а всё дело в том, что все эти учебные самолёты, может, и обладали отменными лётными качествами, для лётной практики курсантам самое то, но были тихходными, а мне нужно что побыстрее. На этих машинах меня мигом перехватят... Хм, если только лететь ночью. Да, ночью шансов куда больше, тут лишь одна проблема, не взлёт, это легко, опыт ночных полётов у меня изрядный, я имел в лётной книжке отметку о том, что являюсь «ночником», а дело в посадке. Да и карта нужна, хоть какая-нибудь, чтобы сориентироваться и не заблудиться. Так-так-так. Если угонять такой учебный самолёт ночью, то это лучше делать под утро, чтобы быть у северян утром и спокойно

при свете солнца совершить посадку. Дальше сориентируюсь. План составлять смысла не вижу, всё равно импровизирую, а там всё до первого выстрела. Да и что тут планировать, приземляюсь, если никого вокруг, вещи в руки, и бегом от места посадки. Если будет возможность, заберу с собой велосипед, он мне понравился плавным ходом. Если заметят, окружают, что ж, придётся играть перебежчика. Думаю, выкручусь.

Ночью лагерь я разбил слишком близко к аэродрому, так что, свернув всё, нагрузил на велосипед и покатил его подальше. Отличное место для скрытой стоянки я нашёл под вечер, всего в трёх километрах от аэродрома. Нормально, будем обустриваться.

* * *

Вот уже неделю я живу рядом с этим аэродромом, в основном на рисово-мясной диете, хотя один раз для разнообразия и рисовый супчик с рыбой сварил, и капусту потушил, да и жарить удавалось, но ничего, все калории уходили, так как я возобновил тренировки, с каждым днём ещё больше осваивая своё новое тело. В качестве тренажёра и велосипед использовал, поднимал его на вытянутых руках, мышцы качал, потом садился с ним на плечах, бегал. Удары отработывал, доводя их до автоматизма. Тренировки были по утрам и по вечерам, днём, прихватив сухпай, я отправлялся к аэродрому, наблюдая за ним с разных ракурсов, с интересом глядя, как прошло несколько тренировочных полётов с курсантами, их на автобусе привозили. Один раз ночью я проник в диспетчерскую, ничего не трогал, но осмотрелся хорошо, запоминая, что где лежит, и успел уйти раньше, чем вернулся дежурный, посещавший туалет. Ну не мог я не воспользоваться таким удобным моментом, тот убежал в спешке к характерной будке, дверь открыта, радист спал в другом помещении, вот и проявил здоровый авантюризм. На мой взгляд, всё правильно сделал. Тихо пришёл – тихо ушёл. Что за техника стоит в ангаре, я уже знаю, мне было приглянулся там небольшой двухмоторный самолёт с грузовым отсеком, эта машина могла поднять до тонны груза, но один мотор был снят, там техник лениво возился, и я видел по его работе, что в строй введёт тот самолёт не скоро. В общем, из трёх наличных самолётов на аэродроме я выбрал один. Да и как не выбрать, если он единственный всегда заправлен. Это была «Сессна», если я правильно определил силуэт, вроде Л-19, связной самолёт, да ещё артиллерийский разведчик и корректировщик, тут он использовался как тренировочный. Помнится, дальность у него за восемьсот километров, да двести пятьдесят километров в час предельная скорость. Тот очень сильно был похож на немецкий «Шторх», которым мне не доводилось управлять, но видеть видел, и не раз, да ещё один на счету записан. Связника тогда сбил.

Продовольствие у меня заканчивалось, стремительными темпами уходило, есть постоянно хотелось с этими тренировками, так что я решил твёрдо, этой ночью улетаю, как я это сделаю, уже успел продумать, прикинув варианты, что могут возникнуть в разных не запланированных ситуациях. А они могут возникнуть. Вот так под вечер, когда начало темнеть, я уже укрылся в том кустарнике, где провёл первую ночь. И сейчас мне это укрытие пригодилось. Убедившись, что всё тихо, я завернулся в одеяло и уснул, перед этим выпив чуть ли не литр кипячёной воды.

Внутренний будильник сработал, в полночь я проснулся как по звонку и мелкой рысью сбегал в кусты, чтобы сбросить излишки жидкости. Нормально, вовремя встал, судя по стоявшей на небосклоне луне. Прихватив велосипед – все вещи на нём закреплены, лишь скатку одеяла сверху набросил, – повёл свой транспорт к самолёту, что стоял не так и далеко от домика дежурного, приткнувшегося к наблюдательной башне. Что примечательно, аэродром скорее полувоенный, охрана тут была чисто номинальная, все специалисты, что тут работали и жили на окраине аэродрома, были специалистами, техников несколько, инструкторов да начальства. Вблизи населённых пунктов не имелось, до ближайшей деревушки пять километров, они тут

ничего не опасались, всего отделение солдат, что стоит постом на въезде, и всё. Даже зениток нет. Хотя аэродром вроде как действующий, хотя и запасной, я всего три раза видел, как тут садились военные самолёты, все поршневого, два транспортных, для дозаправки, и один британский штурмовик, все имели обозначения ВВС Южной Кореи. Так что с угоном самолёта проблем я не видел. Поэтому, пользуясь темнотой, добежал до самолёта, укрылся в тени его корпуса и приступил к делу. Сначала снял все вещи, уложил в салоне, за спинками сидений, потом стал ключом – взял его из кожаного бардачка – снимать колёса и руль. А велосипед был полностью укомплектован, и ключи были, и насос на месте. Так вот, разбирая велосипед, я поглядывал по сторонам. Закончив, стараясь не брякать, я сначала убрал в салон колёса и руль, еле втиснул в небольшой дверной проём, однако замеры были правильные, вошли, потом раму так же всунул в салон, положив спинку сиденья пассажира. Уф-ф, всё-таки вошло, удалось дверцу закрыть.

После этого я провёл все необходимые процедуры для запуска самолёта, пусть и ночью, но что делать знал, сколько раз видел, как инструкторы гоняли курсантов, проводя подобные работы, потом убрал стопоры с крыльев и колодки из-под колёс. Последние, ощупав, также убрал в салон, вещь нужная, стопоры тоже. Колодки не заводские, самоделки, явно сделанные тут, но качественные, со шнурами для переноски, пригодятся. Отлично, это всегда дефицит. Только после этого, машинально тронув висевший на боку в ножнах нож, пригибаясь, я добежал до помещения с дежурным и заглянул в окно. Ну, как всегда. Радииста нет, спит в соседнем помещении, он у них вообще один, дежурный тоже спит, но с наушниками на голове, если будут вызывать, проснётся. Я вообще поражаюсь безалаберности местных, службу несут спустя рукава. Я понимаю, что аэродром запасной, но не до такой же степени?

Рисковать я не стал, ступая босыми ногами по полу – дверь открыта была, только противомосkitная сетка висела, – я подошёл к дежурному. Тот завозился полусонно, почуяв чужого, но ушёл в более глубокий сон после моего дозированного удара по голове. Специально дубинку сделал. Хм, я уж подумал, действительно почуял, но засомневался, при тренировках попотеть мне приходилось, но не так далеко речка, оттуда местные воду брали, я там мылся каждый день, так что чистым был, уверяю. Проверив – хороший удар, – я снял у него с пояса ремень с кобурой, где находилось табельное оружие, связал руки спереди, с виду тот лежал на столешнице как обычно, наушники на голове, это чтобы не сразу заметили, что что-то не так, да и его не так сильно наказывали, мол, вырубил и всё такое, а сам прошёл в соседнее помещение, не то, где радиист спал, в другое, тут висели лётные костюмы, шлемофоны, парашюты и очки. Также было несколько старых планшетов. Быстро подобрал под свой размер пару не сильно изношенных костюмов, хорошо, что курсанты не слишком по комплекции от меня отличаются, есть нужные размеры, потом шлемофон, очки с зеркальным напылением, у нас в полку такие были, немецкие, трофейные, редкость жуткая, всего три экземпляра на весь полк, берегли их как могли. Планшет тоже прихватил, сверху на тюк положил, а вот парашют брать не стал, смысла не видел.

Вернувшись в помещение с рацией и дежурным, я положил тюк у входа, а сам, подойдя к шкафу, стал отбирать карты. Потом, плюнув, забрал всё, свернул в рулон, только одну сложил и убрал в планшет, под прозрачную вставку, чтобы смотреть, куда лечу. Фонарик, наручные часы и бинокль у дежурного ещё затрофеил. Вернувшись к самолёту, забросил трофеи в салон, ничего надевать не стал, были мысли на этот счёт, надел сандалии и, забравшись в салон, не стал медлить, а запустил мотор электростартером. Со второй попытки движок заработал, мотор работал как часики, моторист на аэродроме знал своё дело туго, за время наблюдения я это понял хорошо. Немедля, не дожидаясь, пока мотор прогреется, я сразу отпустил тормоз и покатыл по полю, видя, как за спиной загораются огоньки в домах. Разбудил я местных. Да поздно было, набрав скорость, машина легко оторвалась от полосы и стала карабкаться в небо.

Поднялся я на сто метров, хватит пока. Перед уходом телефон и рацию я испортил, так что пока восстановят, успею перелететь границу. Десять раз успею, тут всё так близко.

Шлемофон, что я надел перед тем как запустить мотор, плотно охватил голову и подбородок, удобная модель, очки я на лоб поднял, кабина закрытая, надобности в них нет. В наушниках шорох был, в кабине рация стояла, я к ней подключился и, пока летел, поработал в настройках, на некоторых каналах морзянка слышна была, на других переговоры, но ничего интересного. Чуть больше часа прошло, и внизу промелькнула граница, вроде ориентиры правильные, точно сказать не могу, только-только светать начало, но ничего, летим дальше. Сменив курс, я направился к Пхеньяну, хотя до этого делал вид, что летел к Вонсану, находившемуся на другом побережье, том, что омывали воды Японского моря. Это чтобы если на границе засекли, передали неправильный мой маршрут. Мало ли самолёты поднимут для перехвата, а они могут поднять. Так что дальше, укрываясь складками местности, я летел куда нужно. И кстати, судя по усиливающимся радиообменам, мой пролёт всё же был замечен, только я ничего не понял, переговоры шли кодовыми словами.

Над военным аэродромом на окраине Пхеньяна я появился явно внезапно, так что в царившем там сонном царстве с ровными шеренгами не таких и многочисленных самолётов вызвал переполох. Никто не ожидал моего появления, а радары не предупредили. Ну ещё бы, я для того на бреющем и шёл. Радар тут точно был, вон установка на вершине сопки, она меня и пропустила. Сейчас-то видит, конечно, я свечой поднялся метров на двести, но до этого засечь меня не должны были. Почти сразу внизу забегали. Несмотря на утро, на аэродроме почему-то оказалось довольно много народу, видя, как несколько зенитных расчётов шустро разворачивают стволы в мою сторону, я покачал крыльями и с разворотом на левое крыло пошёл на посадку. Не скозлил, сел мягко на три точки, покотившись к зданиям на другой стороне поля. Со всех сторон ко мне бежали вооруженные люди, в основном местные, хотя в стороне у барачков я заметил несколько человек, что отличались, здоровее и выше были, светлые, точно наши из советников. Двое в трусах стояли, мой прилёт их явно из койки поднял. Ещё бы, такая рань. И всё же, откуда тут столько вооруженного народу?

Докатившись до конца полосы, я свернул и притормозил, тут меня уже ждали, я больше скажу, несколько солдат шагали рядом, держась за крылья, так что, выключив мотор, я приоткрыл дверцу со стороны пассажира и стал расстёгивать шлемофон, отсоединив штекер от рации. Заглянувший в салон офицер, явно особист, этих легко опознать по взгляду, с подозрением смерил меня взглядом, явно удивившись увиденному, и махнул рукой, мол, вылезай. Повесив шлемофон на штурвал, я уцепился за верхнюю стойку и одним слитным и изящным движением выскользнул наружу, встав на ноги. Потом, задумавшись, сунул руку в салон, помешать мне не успели, и достал колодки, протянув их ближайшему солдату, дёрнувшемуся было ко мне, и указал на колёса. Тот взял, но ничего делать не стал, так и висели у него в руке. Тут наконец ко мне протолкались несколько офицеров, явно из старших, не ниже майора, причём все одеты по форме, все пуговицы застегнуты, вот один из них, не знаю местных знаков различия, и обратился ко мне:

– Кто таков? Перебежчик?

– Мне шестнадцать лет, какой перебежчик? Скорее беженец-доброволец, – с укоризной сказал я и сразу продолжил, пока не остановили и особисты не увели для разговора без свидетелей – кажется, это приват называется? – Меня зовут Пак Мун Хо, я сын бывшего чиновника из Южной Кореи, два года назад мою семью расстреляли под надуманным предлогом. Якобы мой отец и остальные из клана, где он состоял, симпатизируют идеям коммунизма. Мне удалось с сестрой бежать, она умерла, аппендицит. Тогда я последовал заветам отца и отправился в Советский Союз, где и прожил полтора года. Отец мне дал координаты одного военного лётчика, и я нашёл его, тот выполнил просьбу отца и научил меня летать. На советских военных самолётах. Предполагая, что скоро будет война, я решил участвовать в ней и отправился к вам.

Правда, контрабандисты, которые меня должны были доставить к вам, оплошали, сильный ветер отогнал их судно к южанам, и сторожевое судно нас остановило, пришлось сбрасывать вещи за борт, меня бы за них расстреляли, деньги только оставил. Бежал в порту Пусана, угнал этот самолёт с запасного аэродрома, и вот добрался до вас. Это мой трофей, и я официально при свидетелях сообщаю, что дарю его ВВС Северокорейской армии. Это подарок от меня, это хороший наблюдатель и артиллерийский корректировщик, рация в салоне есть. Прошу только позволить мне забрать мои вещи из салона.

– Есть оружие? – успел вклиниться в мою речь тот офицер, что заглядывал в салон.

– Да, трофейный пистолет, – кивнул я. – Он там в кобуре сверху на вещах лежит.

– Это приятный подарок, мы его принимаем, – слегка кивнул один из местных старших офицеров, но задать свой вопрос не успел, его опередили.

– На каких самолётах вы летали? – вдруг услышал я вопрос сбоку, на чистом русском языке.

Посмотрев в ту сторону, я почувствовал, как у меня слабнут колени, там стоял мой ведомый, полтора года вместе немцев были. Я и не знал, что он тут был. Это был Лёха Куницын, точно он.

– У-2, Ут-2, Як-18, Ил-10, Ла-7, Ла-9, Ла-11 и... МиГ-15, – всё же справившись с собой, ответил я на русском, причём на чистом русском, без акцента, что заставило того поднять брови. Хотя, думаю, не это его удивило, а последние мои слова. Я должен показать себя для местных незаменимым специалистом, к этому и шёл.

Приметив стоявшего рядом с Лёхой переводчика, я понял, как тот слушал меня, всё же с местными-то я общался на корейском, а бывший ведомый этого языка не знал, ну возможно, кроме нескольких нужных слов. Тот несколько секунд изумленно рассматривал меня, но ничего сказать не успел, у местного начальства были свои мысли и планы, тот старший офицер отдал приказ откатить самолёт в сторону, чтобы освободить взлётную полосу. Только тут я понял, почему было это несоответствие с присутствием большого количества офицеров, оказалось, начальство ожидало прилёта какого-то высокого чина, потому тут и собрались в такую рань. Шум авиационных моторов уже был слышен, вот и поторопились солдаты, под контролем одного из офицеров, откатить самолёт в сторону, ну и колодки поставили. Я заикнулся было о своём имуществе в салоне самолёта, но местный особист успокоил, всё будет цело, там поставили часового, чтобы охранял бывшую технику противника. Войны пока не было, но уже все чувствовали её приближение, это как гроза, что грохочет вдали. Тем более подготовка к ней так и шла, северяне сами хотели атаковать и сделать Корею общей, без северных и южных частей. Ждали только, когда американцы свои части выведут.

Меня забрали особисты, при этом обыскали и забрали нож из ножен. Я успел предупредить, что помню, что находится в салоне самолёта, до последней детали из моих вещей, а моё – это моё, к своей личной собственности я относился ну очень серьёзно. Над этим моим бзиком ещё на той войне смеялись, а потом ничего, привыкли. Знали, попросить, я дам, но с возвратом, брать без разрешения можно, но чтобы обязательно вернули. Говорю же, привыкли. А то так возьмут, заиграют и забудут. Бывало и такое, а это особо бесило. Меня сопроводили в одно из зданий, и один из особистов стал со мной работать, остальные поспешили встречать начальство, самолёт, судя по звуку, «Дуглас», уже шёл на посадку. Особист молодой был, по сравнению с нашими полковыми волкодавами салага ещё, но я особо и не врал, описал всё, как было в истории с Муном, как жил, как учился, как наступила беда и за семьёй Муна пришли, как отец прикрывал, а я с сестрой смог уйти, забрав немногочисленные вещи. Смерть сестры описал и место её могилы, потом отклонился от темы, точнее дальше история пошла уже выдуманная мной. Как с контрабандистами отравился в Китай, но дальше рассказывать не стал. Мол, помогали мне хорошие люди, я не хочу их подставлять. Потом как вернулся, как к южанам попал, побег из Пусана описал подробно, как меня чуть американский солдат

не задавил, и я, проявив наглость, посетил медика в южнокорейской воинской части, заплатив за лечение. Кстати, сообщил, что рана дёргается, и особист вызвал медика, пока я продолжал. Потом описал, как ходил вокруг лётного училища, как велосипед прибрал, что привёз с собой, это компенсация за якобы выброшенные мной вещи с борта судна контрабандистов, и доехал на нём до аэродрома. Тут я всё описывал без утайки, особист заинтересовался, узнав, что отец Муна мастер борьбы и меня тоже учил. Ну и по угону самолёта выслушал ну очень внимательно. Это я описывал, шипя от боли, медик сказал, что швы нужно снимать, подёргав их, после чего ушёл. Закончить с рассказом я не успел, только как обыскивал помещение диспетчерской, особист успел заволноваться, узнав о картах, но тут дверь отворилась, и кабинет заполнился военными, было тут и несколько наших советников. Среди офицеров выделялось несколько с надменным видом, видимо совсем старшие офицеры. Оказалось, чин, что прилетел на аэродром, был генералом, командующим ВВС, с ним были китайские и русские советники.

По привычке вскочив, я вытянулся, глядя на того. Особист то же самое сделал, даже успев раньше меня. С интересом осмотрев меня, генерал спросил на корейском:

– Уставу отец учил или русские?

Слегка подивившись, что местные успели генералу доложить не только о моем прилёте, ага, попробуй не доложи, но мой рассказ, где это всё было сказано, я спокойно ответил:

– В Союзе. Там за любую провинность заставляли строевые проходить с проштрафившимися. Один раз у меня при посадке левое шасси сложилось, винтом бетонную полосу задел, повредив его, командир полка обиделся, криворукой макакой меня назвал. Потом месяц ходил только строем с песнями и отрабатывал теорию посадок.

Генерал засмеялся, мне удалось, припустив в голос обиды, описать неплохой случай, чтобы произвести нормальное, хорошее впечатление. Подобное в действительности происходило со мной, только в декабре сорок третьего, через месяц после того, как я попал на войну, меня тогда на месяц дежурным по полку сделали, и теорию посадок тоже учил. Посмеявшись, генерал уточнил у советского советника:

– Такое могло быть?

Переводчик перевёл вопрос, он также переводил всё, что я говорил, и те, кто не знал корейского, были в курсе того, о чём мы общались. Стоявший у правого плеча генерала светловолосый парень лет тридцати лишь пожал плечами, ответив:

– Всякое может быть, товарищ генерал, но я лично сомневаюсь. Хотя проверить можно легко.

– Это как? – уточнил командующий.

– Провести тренировочный бой. Если он категорически отказывается говорить, где его обучали у нас, то стиль пилотирования сразу покажет, врёт или нет. Я видел на стоянке несколько Ла-7, пусть подготовят две машины, у одной заблокировав вооружение. Проведём тренировочный вылет.

– Хм, а вы заинтересовали меня, майор, – задумался генерал и, с интересом покосившись на меня, добавил: – Я даже решил задержаться и посмотреть на ваш бой. Полковник, обеспечьте.

Начальник аэродрома, думаю, это был он, тут же сорвался с места и, отдав несколько приказов, вернулся, преданно глядя на командующего. Мы все вышли из помещения и направились к стоянке. Там дальше мы с майором оговорили правила боя. Да никаких правил, расходимся и атакуем друг друга. Кто дольше удержится на хвосте другого, тот и победил. Обычная тренировка. Надев шлемофон, что мне выдали, проверил, как держатся очки, и неловко из-за парашюта забрался в кабину, с помощью техника закрыл колпак. Нормальная машина, свежая, плексиглас колпака не пожелтел, видимость нормальная. Дальше, проверив мотор на холостых, я следом за машиной неизвестного мне советского майора вывел свой аппарат на начало взлётной полосы, майор после разгона уже поднимался в воздух, поэтому, тоже дав

газу, я стал разгоняться. Подняв машину, я стал наворачивать круги, следом за противником поднимаясь выше. Наконец тот по радиации сообщил, что высота достаточная, и мы разошлись, после чего, одновременно развернувшись, сигнал отдали по радиации с земли, стремительно атаковали. Первая проверка на характер, летели мы друг на друга, и я не отвернул, это пришлось сделать сопернику, да и то успел в последний момент, иначе таран и обломки полетели бы вниз. Мгновенно развернувшись, я даже застонал от навалившихся перегрузок, слишком резко это сделал, и сразу ушёл вниз, так как майор тоже разворачивался, и завертелась круговерть боя. Тут всё легло в основном на мастерство. Как я ни тренировался в последние дни, но всё же физических данных не хватало, после нескольких перегрузок, что мне удалось выдержать, корпус истребителя тоже стонал от них, сил у меня осталось мало, но мне удавалось сбрасывать с хвоста соперника и трижды самому заходить. Причём один раз так уцепился, что тот минут пять не мог меня сбросить, в какие только крайности ни бросался. Однако наконец пришёл сигнал с земли, и мы пошли на посадку. Сначала я совершил её, подгоняя машину к месту стоянки, а потом и майор. Мою одежду выжимать можно, сняв очки и шлемофон, я провёл рукой по слегка отросшим мокрым волосам, коснулся зарубцевавшейся раны. Повязку медик снял, пластырь я давно потерял, а новую не накладывал, видимо думал, что я после общения с особистом у него побываю и тот снимет швы. Да ладно, успею ещё.

Потянув на себя шарик ручки запорного устройства, я сдвинул фонарь назад и, отстегнув ремни, с помощью техника выбрался. Помощь мне его была нужна, сам бы не вылез, не сейчас точно. Выложился я всё же изрядно, да и для моего тела такие нагрузки стресс, не привычно оно пока к ним. Меня одно порадовало, встав на крыле, я посмотрел на соперника, что вылезал из кабины своей машины. Гимнастёрка со знаками различия офицера северокорейской армии у майора тоже была мокрой от пота, полоса на спине и пятна под мышками. Значит, заставил я его попотеть, что не могло не радовать. Могём.

Я уже немного пришёл в себя и, наблюдая, как несколько легковушек остановилось около нас и из них вышли генерал и его сопровождение, прыгнул с крыла на бетон полосы и, слегка потянувшись, вернул шлемофон с очками технику и прошёл к сопернику. Тот протянул руку, которую я с улыбкой пожал и услышал от него:

– Хорош, чертяка. Удивил.

– Так что, майор, вы подтверждаете, что парень учился у вас?

– Точно у нас, никаких сомнений. Стил и повадки наши, не путаешь, я сколько лет уже инструктором, разбираюсь. Машину он чувствует как родную, явно не раз в ней сидел. Сколько налёту у тебя на ней? – спросил тот у меня.

– Почти сто часов.

– Об этом я и говорю. Если его кто учил из наших, из тех, что у заклятых друзей живёт, была бы видна однобокость обучения, но тут сразу видно, что обучало несколько инструкторов, причём учили хорошо, с отдачей. Парень отлично маневрировал и правильно реагировал на все мои действия. Это школа, и это наша школа.

– Хорошо, – кивнул генерал и, посмотрев на меня, сказал: – Нам нужны лётчики и нужны опытные инструкторы. Возраст у тебя мал, но для инструкторов годишься. Я помогу получить документы, гражданство, в школу походишь. Заодно переводчиком поработаешь. После собеседования с контрразведкой и другими лётчиками они решат, куда тебя назначить инструктором. Мало у нас лётчиков, учить нужно.

– Благодарю вас, товарищ генерал. Я получу то, о чём мечтал, разве что по школе... Находясь в Советском Союзе, я учился там в школе, закончил восьмой класс. Жаль, документы пошли на дно вместе с теми вещами, что я сбросил с борта контрабандиста, пригодились бы.

После этого генерал отбыл, покинув аэродром – отправился в город, а за меня взялся тот полковник, видимо под его началом я и буду проходить службу. Для начала мне помогли забрать вещи из салона самолёта, причём я достаточно быстро собрал велосипед, там, как я

уже говорил, ничего сложного, проверил натяжение цепи, навесил на него вещи, оружие, точнее пистолет, уже забрали, да вещи мельком проверили, три банки американской тушёнки и одна с рыбой их заинтересовали, но я пояснил, что купил на рынке Пусана, рис и остальное закончилось, а на одном мясе не проживёшь, потому рискнул угнать и вылететь. Поселили меня в казарме, где квартировала охрана, выделив койку. Велосипед я снаружи оставил, к стене казармы прислонил, а вещи где на койку сложил, где в тумбочку. Карты контрразведка уже забрала, включая ту, что в планшете была. Комбезы осмотрели, планшет, бинокль, шлемофон и очки, и оставили мне, пусть моим имуществом будет, тем более мой размер. Остальные вещи и посуду тоже не без интереса изучили, не найдя ничего предосудительного. Но вот столовый нож тоже забрали и стропорез, что я прибрал, когда был в диспетчерской. Забыл про него.

Дальше с сопровождением я сначала посетил медика. Тот снял швы и наложил пластырь, пока так похожу, потом была столовая, позавтракал, и снова к особистам. Вот там и началось самое тяжелое, особо никаких методов ко мне не применяли, но работая совместно, и советские особисты, и местные, в перекрёстных допросах серьёзно насели на меня. Выдержал всё же, смог остаться вне подозрений, но особисты всё равно подозревали, на что я не особо опечалился, работа у них такая. Вот так весь день, с перерывами на обед и ужин, и прошёл. За мной записывали показания да заставили самому написать их, в двух экземплярах, на русском и корейском. Наши спецы и так и эдак крутили меня, чтобы выяснить, в каком авиационном полку меня обучали – то, что в истребительном, уже догадались, как и кто тот знакомый отца, что этому поспособствовал. Причём упирали на то, что вряд ли такое знакомство может заставить знакомого отца Муна пойти на такие должностные преступления. Всё же как ни крути, но ресурс техники и топлива тратить на кого попало не будут, нужна была мотивация. Вот и пытались у меня вызнать её. Профи работали, признаю, поэтому, не выдержав, я устало вздохнул и попросил оставить меня с одним из советских специалистов один на один, то, что я скажу, не для чужих ушей. Ну и пояснил ему свою версию, пусть ложную, но она хоть как-то объясняла, снижая недоумение и подозрительность спецов. В общем, я пояснил, что, сбегая из дома, забрал накопления отца, он сам велел это сделать, объяснив, для чего нам с сестрой это нужно. Запасы в золоте были. Знакомство отца и того советского офицера действительно было поверхностным, чтобы так помогать мне, но золото выручило. Знакомый был уже генералом, он просто отдал приказ командиру одного из своих полков обучить меня, и тот выполнил, вот и всё. Спец скривился, но эту мою версию принял, такое как раз могло быть, вполне укладывалось в мой рассказ. Только вот это в рапортах отображать я отказался, и вообще, если повторно об этом попросят рассказать, ничего не скажу. Не хотел навредить хорошим людям. Неприятно врать, но ничего не поделаешь, пришлось.

Уже темнеть начинало, когда спец под конец допроса спросил, почему отец Муна вдруг решил из него лётчика сделать и золото для этого копил.

– Не для этого. Золото нужно было нам, чтобы устроиться в Советском Союзе, а знакомый отца мог пособить с этим. Только сестра умирала, а я всегда мечтал летать, вот и решил, буду учиться, и так сделал, я готовился к войне с южанами, учился. Даже отдельную специальность лётчика-штурмовика изучил. Правда, налёт на Ил-10 у меня всего чуть больше пятидесяти часов.

– Ты их так сильно ненавидишь? За отца и мать мстить хочешь?

– За сестру тоже, но честно скажу, на южан мне наплевать. Ведь если будет война, войска ООН в стороне не останутся, будут участвовать, а я люто ненавижу американцев. Воевать я буду против них, к этому и готовился.

– Причина такой ненависти? – насторожился тот.

Остальные, что вернулись после того, как я со спецом пообщался, тоже насторожились.

– Это моё дело. Скажу лишь, что ненависть ест меня изнутри, и американцы это заслужили. Надеюсь штурмовиком стать, чтобы их «эрэсами» и бомбами накрывать, штурмовать

тварей, чтобы их к нам в плен как можно меньше попало, и в гробах твари домой отправлялись, радуя семьи своим грёбаным патриотизмом, – последнее я скорее не говорил, шипел от ненависти. – Хм, учтём, – переглянувшись со своими корейскими коллегами, пробормотал спец. – Американцы – ладно, это твоё дело, а что по южнокорейским войскам, не будешь атаковать?

– Почему? Прикажут, легко. Просто если рядом будут стоять американцы, атакую сначала их, для меня это первоочередная цель.

– Ладно, потом поговорим об этом, на сегодня достаточно, сейчас тебя проводят в казарму. Завтра продолжим.

Спец не обманул, следующие три дня я только и делал, что общался с особистами, а потом резко как-то всё прекратилось, хотя те и выжали меня досуха, однако от своей версии я не отступил и придерживался только её. Причина, почему от меня отстали, я думаю, в приказе сверху, меня как будто всего осмотрели, внутри и снаружи, вывернув наизнанку, взвесили и решили, что я им подхожу. Поэтому когда за мной пришёл адъютант полковника Пака, мы с ним однофамильцы были, командира истребительного полка, что тут стоял, я не сразу понял, что от меня хочет этот офицер, но всё же слегка заторможенно кивнул, последние допросы были самыми тяжёлыми, ладно хоть физические методы не применяли, и, встав со стула, поправил комбез и направился следом. После первого дня я последующие ходил в трофейном лётном комбинезоне, споров нашивки того училища. А что, светло-зелёный, вполне симпатичный, и мне подходил. Свою пропотевшую после тренировочного полета одежду я постирал, выгладил и убрал в сидор.

Провели меня в кабинет полковника, где тот пригласил усаживаться. Без особых предисловий тот пояснил причину вызова:

– Проверка закончена, и было принято решение относительно тебя. Пока примем тебя вольнонаёмным пилотом-инструктором, сам осмотришься, мы к тебе присмотримся, потом по оформлению документов уже примем на постоянной основе. Окончишь офицерские курсы, они у нас полгода длятся, получишь звание офицера.

– Благодарю, товарищ полковник, – вскочил я со стула.

– Сиди, – отмахнулся тот. – Я ещё не закончил. Значит, сейчас пойдёшь, сделаешь фото, получишь документы вольнонаёмного работника. Пока временные, завтра уже изготовят постоянные. С ними можешь жить как на территории аэродрома, так и в городе. Мой адъютант поможет написать заявление на предоставление гражданства, он же отвезёт его в нужную службу. Также поможет тебе оформиться в школу, нам нужны грамотные офицеры. После оформления документов вольнонаёмного получишь документы с инструкциями, пройдёшь проверку летных и технических знаний, а также собеседование с ответственным офицером по технике безопасности. Это ещё не всё, твой прилёт вызвал шумиху, нужно отреагировать, пообщаешься чуть позже с корреспондентами. Перед этим тебе пояснят, что и как нужно говорить. На этом всё.

– Благодарю, товарищ полковник, – встал я, сообразив, что аудиенция окончена.

Выйдя в приёмную, я вместе с адъютантом прошёл в другой кабинет, где под его диктовку написал несколько заявлений. Сначала на работу в полку вольнонаёмным, на должность инструктора, и пока я писал следующее, тот отнёс его в отдел кадров. Пришлось ещё фотографа полкового посетить. И уже через час я имел на руках временное удостоверение пилота-инструктора. Завтра получу уже нормальное, с моим фото в нём, а также пропуск на территорию военной части, коей являлся этот аэродром. Остальные заявления адъютант забрал и уехал, их ему нужно развезти по организациям, а за меня взялись те самые особисты, оказалось, текст с теми ответами, что я должен был говорить, уже написан. Хм, ну ладно, это их дела, политика, я понимаю. Кстати, тут было указано, что я тайно обучался в Союзе, смысла не было это скрывать, я сам при множестве свидетелей об этом сообщил после посадки, просто

это закрытая тема. А так да, обучался. Сразу после этого меня повезли на штабной машине в столицу, в штаб ВВС, где и было всё организовано. Час мучений, но я ответил на все вопросы, позволив себя сфотографировать, а я всё так же ходил в трофейном комбинезоне, что было отмечено прессой. Тут и советские корреспонденты были, всего двое. Это странно, так как большинство военных советников в Корее имели документы представителей ТАСС. Ну да ладно, меня отвезли обратно, и я оказался предоставлен сам себе. Завтра с утра меня ждут для проверки моих возможностей, а также буду изучать инструкции и расписываться. Да обычное дело, видно, что формируют части тут по советским стандартам, а пока я свободен.

Для начала, вернувшись из столовой, обед хоть и поздним был, полдник практически, но всё равно покормили, так что я стал с ходу решать бытовые проблемы. В казарме спать среди солдат охраны я не хотел, да и койку мне выделили временно, вот ножи, например, вернули, пистолет нет, поэтому я решил обустроиться тут же на территории, надеюсь, тут есть отдельные квартиры для офицеров. Квартиры были, и все заняты, да ещё очередь была. Я записался в неё, вон, шесть домов и отдельно гостиница строились, но когда ещё закончат, так что придётся снимать комнату в городе. Для начала я посетил бухгалтерию, показав документы пилота-инструктора, и попросил выдать аванс. Бухгалтер сначала начальству позвонил и, получив добро, выдал мне вполне приличную сумму в вонгах. За месяц вперёд. Новые банкноты, недавно ввели в обращение. Тот так и сказал, хватит оплатить за три месяца жильё, или за два с приобретением продовольствия и своей готовкой. Покинув здание штаба, я дошёл до казармы, где, оседлав велосипед, покинул территорию аэродрома и покатил в столицу. Нужно где-то тут поблизости жильё снять, так многие делали. Советники в основном на аэродроме жили, но те, что из корейцев, проживали в городе с семьями, ожидая, когда достроят новые дома.

Разогнавшись с уклона, я поглядывал по сторонам, радуясь скорости, ветру в лицо, свежему воздуху, да и вообще всему. Первый этап прошёл, как я и спланировал, мне удалось если не попасть, то закрепиться на первоначальных этапах в ВВС Северной Кореи. Теперь предстоит второй этап, пока идёт время до начала войны, поднять свои физические возможности и навык пилотирования, я должен быть готовым к началу. Дальше уже третий этап, сама война. Посмотрим, как получится. Вот так раздумывая да рассматривая дома той улицы, по которой я ехал, мысленно хвалил себя за отличную идею. Личной техники у жителей было очень мало, в основном велосипеды и реже мотоциклы, я уж не говорю про автомобили. Мотоциклов по сравнению с ними было куда больше. Так что свой транспорт тут это не только нужная вещь, но и вполне роскошь, показывающая достояние владельца.

Время от времени останавливаясь, я уточнял у прохожих, старался обращаться к женщинам, где можно снять комнату, если есть, желательно с отдельным входом и своим водопроводом с канализацией. Не сразу, я просмотрел три предложения, что меня не устроили, но всё же нашёл вполне неплохое помещение. Самое главное, обстановка по европейским стандартам, а не минимум, как принято у корейцев. Раньше в пристройке жил советский советник из комендатуры. Для начала пристройка была качественная, из двух комнат. Помещения меблированы. Первое – это кухня, столовая, гостиная, да и вообще прихожая в том числе. Сюда можно заказывать велосипед и держать его. На кухне имелась дровяная печь, только топить нечем, это мне самому покупать придётся. А дрова дорогие. Так вот, печь была, раковина с водопроводом, буфет и стол, его можно использовать как для готовки, так и для приёма пищи. Втроем можно сесть за него, правда стула было всего два. Тут же имелся диван у противоположной стены и коврик на полу. Это всё из наличной мебели. Второе помещение являлось спальней, стояла кровать, неплохая панцирная. Бельё имелось, два комплекта постельного. Тут же был шкаф, небольшой письменный стол и ещё один стул, циновка на полу и старый, уже выцветший ковёр на стене. Окна выходили во двор. Сортир тут же во дворе. Да и вообще, чтобы попасть в него и оказаться у двери этой жилой пристройки, нужно пройти по длинному коридору между двух

зданий, отмечу – узкому коридору, с велосипедом тут тяжело, и будет дворик, куда и выходили двери этой жилой пристройки да задняя дверь хозяйского дома. Зато отдельный вход с улицы, не надо через хозяйский дом проходить. Теперь по хозяевам, женщина, вдова, имевшая двух маленьких детей, только-только в школу пошли. Ничего так, миловидная, фигуристая, очень даже симпатичная. Не знаю, где она столько мебели смогла найти, всё же для местных та не привычна, но я был доволен. По опросу вдовы я понял, что она пристрой оформила специально для европейцев, те платили больше, но вот долго клиента не могла найти и решила сдать комнаты мне. Немного поторговавшись, я оплатил за два месяца вперёд, цена меня устроила, получил ключи от двери и от калитки, за которой и был выход на улицу, и, забрав велосипед, покатил в часть, нужно вещи забрать и закупить продуктов. Да, и печка мне сейчас не нужна. Куплю примус, на нём буду готовить, керосин для него уж найду. Мне калорий нужно много, буду в столовой питаться, там в основном рыба да рис, и у себя, чтобы вес набрать. Мне это нужно. Да, и полы нужно отмыть в комнатах, традиции Кореи и для меня были святы, пол священен и должен содержаться в чистоте.

У штаба меня перехватил дежурный, сообщив, что подготовил все инструкции, можно начать изучать, только выносить их из кабинета запрещено, вот я ему и пояснил, что обживаюсь, если время есть, завтра этим займусь, как и планировал. Тот подтвердил и, уточнив мой адрес, внёс в книгу учёта, а также данные хозяйки дома записал, где я буду квартировать, а я, забрав свои вещи, сначала скатался на место постоя, где сложил их пока на диван, а потом, прихватив пустой сидор и котомку, поехал на рынок – где он находится, мне хозяйка пояснила. Сама она собиралась на работу, в больнице работала, медсестрой в ночную смену. Жаль, я уже хотел конфет купить и бутылочку «Макколли», рисового вина, пригласить, так сказать, на новоселье, может, что и получится. Вдовая, наверняка давно без мужского внимания. Я сам так давно был без женщин, что уже и забывать стал, что это такое, вот только гормоны нового тела напомнили, и это уже становилось проблемой. Ладно, ещё что-нибудь придумаем, а пока приналяжем на педали, нужно на рынке до закрытия побывать, вечер всё же.

Поездка на рынок ничем примечательным не выдалась. В принципе, наличка мне особо и не нужна была, если только мелочёвка, так что можно потратить всё. В столовой кормили бесплатно, хоть я и вольнонаёмный работник, я уточнял этот момент, меня внесли в список. Уточнял у того дежурного, с коим общался час назад, и также уточнил у него по планам начальства насчёт меня. Тот и сам точно не знал, но хотя бы подтвердил, что учить я буду не желторотых птенцов, а преподавать искусство высшего пилотажа и боевого маневрирования молодым офицерам, только-только прибывшим из военных училищ, буду помогать им набирать опыт. Мой бой с тем майором видели почти все лётчики, что находились на аэродроме, и успели оценить высоту моего мастерства. Как тихо сказал дежурный, не все имеют такой класс пилотажа среди корейских или китайских пилотов, которых в полку также немало, это тоже может вызвать зависть. Стоит побережиться. Правда, на какой технике обучать буду, тот не знал, это выяснится завтра после общения с замполком по лётной части одного из двух полков, что дислоцировались на этом аэродроме. И да, я числился в истребительном, второй бомбардировочный был, я там почему-то и «илы» видел. Двадцать штук стояли в ряд.

Так вот, по поводу местного рынка. Для начала я купил канистру керосина и хоть и использованный, но рабочий примус. В сидор убрал последний, а канистру на раме закрепил и, ведя велосипед за руль, направился по рядам дальше. Потом купил зубную пасту, та, что я в Пусане купил, к концу подходит, взял соли пару кило, капусты три вилка и овощей полмешка, мёда две банки, чаю, крупный такой узелок, две буханки хлеба, нашёл, где продают из-под прилавка тушёнку, уже советскую. Купил четыре банки. Последним взял мешок риса, а что, пусть будет, приправы-то тоже взял, связку красного перца не забыл, мне в последнее время стала нравиться острая пища, тем более желудку привычна, и, толкая, покатил обратно. Деньги почти все ухнул, мелочёвка осталась, но продовольствия, если так посмотреть, закупил более

чем на месяц, и это хорошо, запасы всегда нужны. Добрался до снятого жилья я достаточно быстро, час, пешком же, и застрял в проходе к дому, мешок не дал проехать. Пришлось запирать калитку и в три этапа переносить все покупки на кухню, а потом и велосипед завести. В дом не стал, снаружи к стене прислонил.

Посмотрев на часы, время ещё было, я стал обустриваться. Всё продовольствие и утварь сложил в буфете, канистру у порога поставил, проверил примус, вскипятив чаю в кружке, хозяйской кухонной посуды тут не было, своей пользовался, чай неплохо с мёдом пошёл. Одежду разложил в шкафу спальни. Не так и много у меня её, обычная гражданская, стиральная, напомним, запасной комбез, второй на мне, и ботинки, сам я в сандалиях ходил, жарко. А хорошо, что комбезы есть, я же вольнонаёмный, никто меня на довольствие ставить не будет, всё сам. Потом стал мыть пол, три раза прошёл, пока результат меня не удовлетворил. Уже наступил ужин, так что, закончив расстилать постель – пока накрыл кровать покрывалом, – я проверил всё, выключил свет в спальне и, заперев входную дверь, забрал велосипед и покатил к аэродрому. Вечер, столовая должна работать. Успел вовремя, ещё не закрыли, так что, поужинав одним из последних, как и планировал, я, придерживая висевший на правом плече сидор, направился в сторону казарм, где, как я видел, квартировали военные советники. Постучавшись в первую же попавшуюся дверь, дождался, когда она откроется. Вышел незнакомый мне парень, хотя среди советников я его видел.

– О, чего тебе? – удивился тот.

– Я же из Союза недавно прибыл, в полку теперь, жильё снял, представиться пришёл, свои же люди.

– Традиции знаешь, – усмехнулся тот. – Заходи.

Оббежав соседние номера, тот вызвал ещё парней. Посмотрев, сколько набилось народу – двенадцать было, включая того майора, что меня экзаменовал, – я достал из сидора вторую бутылку водки, одной точно не хватит. «Столичная», дорого стоит. Помимо советской водки, достал местную. Национальный напиток, соджу называется, крепость как у нормальной водки, правда была всего одна бутылка. На пробу купил. Потом достал буханку чёрного хлеба, один из парней сразу стал нарезать, и шмат солёного сала, что вызвало одобрительные восклицания, духовитый тот был, с чесноком, пару головок чеснока и луковиц встретили не менее восторженно. В общем, быстро соорудили стол и разлили по первой, я тоже держал стакан в руке, хапнули первый тост – за тех, кто не с нами.

Чтобы разрядить обстановку, я сказал:

– Свежий анекдот. В полку рассказали, прежде чем я уехал. – Все замолчали и прислушались, так что я продолжил: – Значит, так... Поймали чукчу за кражу золота. Милиционер допрашивает, а переводчик переводит. «Куда спрятал золото?» – спрашивает милиционер. «Он говорит, не брал», – отвечает переводчик. «Скажи ему, – говорит милиционер, – если сейчас же не скажет, то прикажу его расстрелять». «Он говорит, не скажешь, где золото, стрелять тебя немножко будет», – сообщил переводчик чукче. «Под ярангой в кувшине зарыл», – признался вор. «Он говорит, – переводит переводчик, – стреляй! Все равно не скажу».

Это действительно разрядило обстановку, и дальше стало веселее, окно открыли, потому как многие закурили и было не продохнуть. Двух бутылок всё же было мало, кто-то принёс канистру с местным мутным пойлом, и продолжилось веселье. Ох и оторвался я, за все двадцать пять лет, а ведь обещал ни капли в рот после того, как супругу свою схоронил, но сейчас можно, даже нужно. Только сегодня, больше не буду, потому как я считаю, алкоголь для лётчика – смерть, для истребителей тем более. А посидели действительно хорошо. Вон, те из парней, что уже давненько тут, всё выпрашивали у меня, где я такую шикарную закуску достал, и сильно изумлялись, когда узнавали, что на местном рынке. Надо правильно формировать в словах свои желания, а как они спросить могут, если по-корейски ни в зуб ногой? Надо переводчиков брать. Потом мы песни попели, помню, корейские парни заглянули, из летчиков и

офицеров. Помню, я громче всех горланил песню «Три танкиста», приобняв сидевших рядом парней, покачиваясь с ними в такт с боку на бок, особенно по несколько раз выводил, как решили узкоглазые перейти границу у реки. На этом всё, больше ничего не помню, всё же организм у Муна был для алкоголя слабоват, перепили меня.

– Мун, – почувствовал я, как меня трясут. – Мун, вставай.

Говорили на русском, кто-то из парней, с которыми я вчера отмечал мою службу и новоселье.

– О-о-о, – застонал я и, держась за голову, сел. – Кажется, у меня началась птичья болезнь.

– Это что за болезнь такая? – удивился тот.

– Перепил называется.

Заржав, тот предложил мне подлечиться. Я взял протянутый стакан, на доньшке которого действительно колыхалась мутная жидкость, это самогон был, парни гнали, и, передёрнувшись, но зная, что это действительно лекарство, одним глотком закинул в себя живительную жидкость. Лежал я на полу, по бокам ещё двое похрапывали, слева дежурный полка, помнится он говорил, что сменился, слева Антоха, из советников. Ага, это мы в соседнем номере, кровати заняты были, так нас на полу расположили и одеялом накрыли, понятно.

– Ты вчера просил поднять, мол, в девять утра нужно в штабе полка быть, – пояснил мне Сергей, так звали хозяина этой комнаты, которую он делил ещё с кем-то, уж не помню с кем.

– Точно. И ведь обещал, что больше пить не буду, для лётчика спиртное смерть, но традиция, куда деваться, – проворчал я и, вернув стакан, осторожно встал, голова уже не так шумела и колокола били потише.

– Спиртное смерть, это да. Так у тебя же нет запланированных вылетов сегодня?

– Это точно, нет, инструкции изучать буду, сдавать, да остальное. С лётчиками полка поговорить, с замполка по лётной части пообщаться. Он теперь мой прямой командир получается.

– Твой командир в соседней комнате спит, не смог уйти на своих, пришлось тут положить, так что общение ваше на сегодня откладывается. Вряд ли отойдёт. А вообще ты молодец, совместная пьянка сближает, а то мы сами, они сами, хоть нормально общаться стали, вчера было видно. А по поводу пить не пить, ты из корейцев последним лёг, ещё песни орал, говорил, что шикарную песню про лётчиков-истребителей знаешь. Только спеть не успел, уснул. Правду сказал или нет? Мы вчера полночи спорили по этому поводу.

– Есть песни, даже несколько. Один парень написал, Вова Высоцкий, москвич. В следующий раз спою, только, чур, если и буду пить, то чисто символически.

– Хм, там посмотрим.

– Ну хватит бухтеть над ухом. Хотите поговорить, идите наружу, – недовольно проворчал Антон и завозился, переворачиваясь на бок.

– Да, действительно, пора.

Покинув комнату, я забрал велосипед, он тут стоял, рядом с казармой охраны. Пустой вещмешок был прицеплен к багажнику. Заехал в штаб, стараясь не попадаться на глаза офицерам, через помощника дежурного передал, что у меня проблемы с жильём возникли, займусь ими. Но после обеда буду как штык и всё сделаю. Тот понимающе усмехнулся, приняв обещание, но пообещал прикрыть, так что я рванул домой, а теперь это съёмное жилище можно смело на два месяца называть домом, и думаю, до начала войны, если полк не сменит место дислокации, я так и буду там жить, понравился мне тот пристрой.

Добравшись до места, не снимая запачканный, в пятнах комбинезон, я напился чая и стал делать зарядку во дворе, места хватало. Сначала туго шло, а потом нормально, разошёлся, только пил много, но и потел изрядно. Следом на отработку ударов перешёл. К обеду сварил рисовую похлёбку с тушёнкой, плотно поел, а потом снова за тренировки. Хорошо пропотел, но

пришёл в себя. Помывшись, налил воды из крана в тазик и омылся губкой, я её на рынке купил с куском мыла. Надев свежий запасной комбинезон на голое тело, грязное нательное бельё и такой же грязный основной комбинезон бросил отмачиваться в тазике и, забрав велосипед, покатил на работу, теперь я был в полном порядке. Обувь ту же оставил, сандалии, жарко.

В штабе полка моему появлению удивились, свежий, с румянцем на щеке, но показали, где что, и я засел за инструкции. Я же говорю, всё советского образца, всё знакомо. Кроме них были методички по знакам различия и званиям, как южан, так и северян. Я это тоже мог изучить, но не обязательно. А я изучил, запоминая. Заместитель командира полка по лётной части так и не появился, я сдал нормативы по инструкциям одному из офицеров, а потом прошёл инструктаж у начштаба по технике безопасности, и тот поставил отметку в личном деле. В принципе за два часа я всё сделал, а распоряжений насчёт меня не было, я уточнил у дежурного, поэтому направился в сторону трех ангаров. Там, распахнув их нараспашку, чтобы ветерок духоту разгонял, работали техники с несколькими истребителями. Кстати, один из них был японским, старая модель «Тип-3». Ещё один был в процессе сборки. Это я про ангар. Пообщавшись с техниками, познакомился, это нужно, даже обязательно, всё же жизнь лётчика зависит от того, как техники будут обслуживать машину, нужно знать, каковы они, кто лучше, кто хуже. До ужина там время провёл, дежурный, если что, знает где, а потом, поужинав в столовой, это тоже одна из причин, почему задержался, халявная еда, и забрав велосипед со стоянки, у казарм была специальная стоянка для них, покатил домой.

Там после стирки развесил одежду сушиться, тут верёвки бельевые имелись, до самой темноты занимался. Техники в ангаре мне сделали самодельные гантели и гирию, гантели по пять кило, гирия десять, так что не только занимался, ну и гирию тягал. Правильно это делал, как требует инструкция, чтобы не повредить себе ничего. Между прочим, в прошлой жизни я был кандидат в мастера по гиревому спорту. Как лётчик-профессионал я скажу, это необходимо заниматься лётчикам, чтобы быть в отличной форме. К тому же у входа в сарай была железная труба, я проверил, сидит намертво, вот и турник, попробовал, нормально, надо только наждачной бумагой пройти, а то ржавая, и можно «солнышки» крутить. А подтягиваться и сейчас уже можно. Мой режим тридцать, я подтягивания начал, делая это на ветке дерева, ещё когда самолёт планировал угнать, наблюдая со стороны за аэродромом.

После тренировки доел похлёбку – и чтобы не испортилась, и мясо всё же, – и, приведя себя в порядок, почистив зубы, направился на боковую. Вот так у меня окончился пятый день нахождения на территории Северной Кореи. Пока всё устраивало.

Утром попил чаю, я позавтракать планировал в лётной столовой, и покатил на рынок, по этой причине и встал пораньше. Двое парней из наших попросили закупить им там: и картошку надо, и сало хотят, чего только нет, – деньги выдали в мятых купюрах. Я уже пьяный тогда был, велел списком написать, мне и написали, я его среди купюр обнаружил. Ещё удивился, откуда деньги взялись, забыть успел, вот список память и освежил. Гуляя, я сначала купил джутовый мешок, они дешёвые, и складывал в него всё, что удалось прикупить, и сало взял, хлеб ржаной, не знаю, откуда он тут взялся, и водки шесть бутылок, включая три соджу, и остальное. Там овощи, лук, чеснок, огурцы были, картошки нашёл, взял три кило. Пару кочанов капусты, и китайскую взял для пробы. Мешок полный был, на велосипеде так и довёз до ворот, там его проверили и пропустили. Выглянувшие на стук парни удивились и начали отнекиваться, они тоже забыть успели, напомнил списком, предъявив его. Признали, их почерк. Так что, сдав покупки и вернув сдачу, отмахнулся от благодарностей и направился в штаб. Особо не спешил, до начала рабочего дня, а это девять часов, полчаса оставалось, успею позавтракать. Действительно успел, а потом направился в штаб, где дежурный перенаправил меня в нужный кабинет. А там две новости, с гражданством всё нормально, вскоре получу, удостоверение личности через четыре месяца, по достижении шестнадцати лет. Отказались мне год лишний приписы-

вать. Но не это главное, сейчас идут экзамены в школах, вот с одним из директоров и договорились, что я сдам у них экзамены за восьмой класс. Приплыли. И всего два дня на подготовку. Ладно, с переносом память освежилась, помню, как сам учился, и есть воспоминания Муна, надеюсь, поможет.

* * *

– Построиться! – приказал я, хмуро рассматривая шесть молоденьких офицеров.

Неоперившиеся птенцы, только-только из военных училищ. Почему-то с момента моего попадания в полк так повелось, что, в отличие от советских специалистов, я получал одних недотёп и разный неликвид. Я не скажу, что они соображают плохо, или ещё что, но по количеству попаданий в разные неприятности мои ученики впереди всех. Таких выявляют ещё в училище и распределяют по инструкторам в полках. Так-то те уже числились ведомыми или ведущими в парах разных звеньях и эскадрильях, но тренировку и спаиваемость во время полётов – это дело инструкторов, нам нужно сделать так, чтобы во время боёв молодёжь не терялась, хотя бы не отставала от ведущих. В общем, мы подтягивали их в лётном пилотировании, постепенно давая высший пилотаж и боевое маневрирование. Эта группа за тот месяц, что я работаю в этом полку, уже вторая. Первую я учил всего три недели, и как только начали проявляться результаты, а парни учились с полной самоотдачей, так у меня их забрали и распределили по другим эскадрильям и полкам. Не в нашей части, те отправились на другие места дислокаций разных авиачастей. Эта шестёрка уже нашего полка пилоты, их оформили, в отличие от первой группы. Я больше скажу, комполка, что меня вызвал к себе, сообщил, что вся шестёрка будет служить в одной эскадрилье, они все ведомые более опытных пилотов, что станут ведущими и командирами звеньев. Первую группу я тренировал на Ла-9, а вот эта уже будет летать на Ла-11. Машины им для вновь формирующейся отдельной эскадрильи, приписанной к нашему полку четвёртой, уже выделили. Эскадрилья считалась истребительно-бомбардировочной, то есть и наносить удары по наземным целям будут, и смогут драться с противником в воздухе. Срок мне дали два месяца. Если так подумать, то хватит, даже вполне, вот и будем работать.

А так этот месяц интересно прошёл, тут и сдача экзаменов в школе, средний балл, но сдал все, обживание, учёба, редкие экскурсии по городу, столицу изучал, купался на пляже у реки, уже можно. Жаль, до моря добраться не успел, все выходные заняты были, хотя тут близко, рукой подать. Вот с хозяйкой моей, как ни странно, с того момента, как я оплатил за жильё за два месяца вперёд, так больше и не виделся. Детей её видел, одно окно дома во двор выходит, мелькали, выглядывали, глядя, как я занимаюсь, а её нет. У нас режим работы не совпадал. Да ещё учёба и работа так закрутили, что мне просто было не до противоположного пола, и тренировки до изнеможения гасили гормоны.

Закончив знакомиться с офицерами – те вчера прибыли и обустроились в казарме, – я сказал вступительную речь, чего я от них жду, и сообщил, что обучение у них начнётся с кросса, а потом будет спортгородок. Я хочу знать, чего они стоят в плане физических возможностей, это поможет мне решить, кому усилить нагрузки, кому, наоборот, начать. Будущие боевые лётчики не роптали, видимо уже узнали в казарме мой стиль работы, так что побежали. Сначала в казарму, переодеться в спортивное трико, то есть трусы и майки, а дальше кросс и спортгородок. Так наблюдая за парнями, сам не отлынивал, с удовольствием занимался на перекладинах, я вдруг замер и прислушался. Очень знакомый звук двигателей. Я не я буду, если это не МиГ-15, которых до этого момента на нашем аэродроме отродясь не было. Причём по звуку ясно, что шло несколько машин. Сразу видно, идут на посадку. Четыре машины.

Даже группа бросила занятия и глазела на стремительные силуэты «мигарей», которые шли на посадку – к нам, похоже, звено перекидывали, вроде говорили что-то такое в штабе, группа перехвата у нас будет дислоцироваться, защищать небо столицы, но не уточняли, что

это будут «пятнашки» и всего звено. Может, это просто первые ласточки? А вообще странно, прежде чем перегонять сюда реактивную технику, нужно создать тут требуемую инфраструктуру, а ничего подобного тут не было, всё чисто для поршневых машин. Дивясь на это, тут я заметил, что лётчики отлынивают, и продолжил учёбу, после обеда у нас по плану пилотирование. Взлетать не будут, все действия они будут отрабатывать до автоматизма в кабинах, чтобы знать, где что находится. Лётчикам эти машины были незнакомы, сегодня они их увидят впервые и познакомятся со своими механиками. Там командир эскадрильи будет присутствовать. С ним и ведущими молодые пилоты уже были знакомы. И да, согласно составленному нами с командиром эскадрильи графику, учить работать в кабинах молодых пилотов будут их ведущие. Это и лётчикам знания, и им дополнительная практика. Хотя получше познакомятся со своими ведомыми. Мы так договорились, и тот был со мной полностью согласен, а ведь нужно учесть, что он и сам лично будет учить своего ведомого, понимал, что в бою это может стоить ему жизни. Чем лучше выучит, тем больше шансов выжить.

Всё же «миги» прилетели к нам, и дислоцироваться у нас будет целая эскадрилья из двенадцати машин. К полудню на аэродром прибыла колонна грузовиков, техника, механики, командование и всё, что требовалось для обслуживания этих машин. На складах начали запаковать боеприпасы для «мигов». В отличие от других лётчиков, я не стал ходить к этим машинам и изучать их, зачем, я их и так до последнего винтика знаю, а потому закончил занятия на сегодня, то есть передал группу командиру эскадрильи – ознакомление с машинами, теорию пилотирования в кабинах те будут проходить без меня, я на начальном этапе просто не нужен, поэтому сходил к техникам в ангар, они мне должны были помочь с одной штукой, а именно сделать кастет. Оружия у меня не было, не считать же им нож, что я ношу на бедре, чтобы на виду не был, поэтому кастет будет.

Причины, чтобы получить его, были достаточно веские, я, конечно, достаточно неплохо подготовлен как боец, и даже нашёл пару парней из корейцев, знающих этот стиль, а мне нужны спарринг-партнёры, мы совместно тренировались на площадке из песочной подушки за спортгородком, но всё равно лучше иметь козырь. Так вот, кастет мне нужен для усиления удара, да и чтобы руки не травмировать, всё же я лётчик, и несмотря на это, за мной ни одной машины так и не закрепили, летаю на дежурных, сопровождаю учеников в воздухе во время боевого пилотирования и подсказываю по рации как, что нужно и где у них ошибки. Обычная практика, советские советники так же поступали. Три дня назад у меня увели велосипед, я уже перестал закатывать его в дом, двор закрытый, чего бояться, вот и увели, взломали калитку и укатали. Вчера я его нашёл, случайно увидел, как парень моих лет катит на нём, выследил, попытался забрать, действуя по закону, но мне посмеялись прямо в лицо, брат вора был полицейским, он и меня-то не привлёк, потому что я работал у военных, пусть вольнонаёмный, но всё же. В общем, как тот сопляк сказал, у кого сила, тот и владеет, вот я и решил, будет по их, но мне нужен кастет, дружков у сопляка с десяток. Справлюсь, но удары должны быть убийственными, чтобы ударил, и не встали, не хочу противника оставлять за спиной, эти шакалы и со спины напасть не постесняются.

– Ну как? – уточнил я.

– Готово, можешь померить, как влитой должен войти, – ответил тот и, вытирая руки тряпкой, сказал: – Я вообще удивлён такому заказу, как в детстве делали, было дело. Случилось что? – Да так, надо показать одним соплякам, кто прав, а кто нет, – пробормотал я, примеривая кастет.

Механик, к которому мне пришлось обратиться, был старшим бригады, он оказался настоящим мастером, отличный кастет, вылизанный точно по руке. Таким при ударе повредить кисть – это постараться нужно.

– Я вижу, что ты не просто так эту штуку заполучить решил. Рассказывай.

Пожав плечами, я без особых сомнений описал, что у меня произошло.

– Значит, брат полицейский? – задумавшись, пожевал тот губами. – Что-то я никогда не слышал о такой наглости. Знаешь, а сходи-ка ты к нашему полковому особисту, это как раз для него работа.

– Вот ещё, сам справлюсь, – отмахнулся я. – Ладно, спасибо за игрушку, держи, как обещал.

Механик работал не просто так, сторговались мы за моток олова, оно сейчас в дефиците тут, а мне этот кусок бесплатно достался. Парни подарили, когда я на гитаре исполнил «Я як-истребитель» и «Песню лётчика-истребителя». Аншлаг был полный, эти песни мигом распространились по всем авиаполкам и отдельным эскадрильям, где есть наши советники. Зачем мне это олово сунули, и кто, чтобы вернуть, я не знаю, потом уже нашёл в кармане, а тут, гляди, пригодилось. Ещё раз поблагодарив механика, я покинул ангар, а этот старый кореец, убрав плату в верстак, направился помогать бригаде, у них там, как всегда, аврал, один молодой лётчик сел так, что повредил шасси, сейчас идёт восстановление машины.

Следующий час я работал в штабе, оформлял некоторые бумаги и писал докладную записку своему начальнику, раз я вольнонаёмный, то начальник, а не командир, тут-то в кабинете меня и нашёл наш особист, с ходу поинтересовавшись:

– Что там за история с велосипедом? Рассказывай.

Поморщившись, я всё же без утайки всё рассказал, а вот особист изрядно озаботился, взял с меня слово не лезть в это дело, пообещав вернуть велосипед, координаты, где я видел ту банду малолеток, взял и быстро ушёл. Пожав плечами, я продолжил работать, потом посетил своё начальство, что задёргалось, увидев меня. Простить мне не может, что я в прошлый раз через его голову к комполка обратился. Дело в том, что я написал служебную записку, описывая разницу в рационах советских лётчиков и корейских, и что будет в итоге. Мой начальник записку дальше не пропустил, кто будет для корейских лётчиков высококалорийную еду покупать? Вот и пришлось через него. И, что удивительно, были проведены тренировочные полёты, и всё подтвердилось, хотя об этом вроде как и так знали, просто не обращали внимания, советники даже в одиночку против групп выходили победителями. И тут не только дело в мастерстве, и среди корейцев уже отличные лётчики проявлять себя стали, а в выносливости. Решили провести эксперимент, и вот уже две недели меню в столовой для лётчиков, остальных это не касалось, кардинальным образом поменялось. Результатов пока нет, так это и не быстрое дело. А командир мой, похоже, обиду затаил, злопамятный, как и я. В этот раз ничего такого я ему не принёс. Тот изучил бумаги и докладную записку, она касалась моей работы, и, подумав, поставил свою резолюцию, одобрив её.

На этом всё, вечер уже, так что я довольный направился в столовую. Причём хочу отметить, я в лётный состав официально не вхожу и обновлённое меню меня не касается, так что пищу принимаю как все. А закончив, покинул охраняемую территорию. В этой стороне трамвайных путей нет, так что возвращался я домой пешком. Добрался нормально. Помню, как калитку открыл, и всё, темнота.

Очнулся я от рокота мотора, такое впечатление, что работал тот прямо надо мной, оглушая. От вибрации и грохота я чуть снова сознание не потерял, неприятные ощущения, как будто нахожусь в камертоне, между его луками. Да и состояние было так себе. Пошевелившись, я понял, что связан. Голова серьёзно так болела. Что, мне опять по голове прилетело? Не удивлюсь, если снова рваная рана будет, ситуация вполне позволяла подобное предположить. Ни осмотр, ни шевеление ничего мне не могли дать. Осмотреться мешал мешок на голове, плотный, но при этом дышал я свободно, руки и ноги связаны. Причём профессионально, выше локтей и колен тоже. Тот, кто вязал узлы, знал, что делает.

В том, что меня похитили, сомнений не оставалось. Особа в столице я теперь довольно известная, даже на улицах узнают. Это русские или другие бледнолицые для нас корейцев на

одно лицо, как, впрочем, и мы для них, а друг друга мы быстро узнаём. Фото моё в газетах недели две печатали, я ещё дважды давал интервью, но постепенно, а для меня к счастью, это тема остыла, нашлись и другие. Газеты я той много накопил – да проблема тут была с туалетной бумагой, вот и сделал запас. Однако как бы то ни было, резонанс всё же был громкий, американцы, как, впрочем, и сами южнокорейцы, требовали моей выдачи и возвращения угнанной техники. Если проще, в ответ их послали, довольно изящно и глубоко. Вроде всё подзабываться стало, а тут это. Как так-то? И ведь нашли, вычислили, дали по голове, погрузили куда-то, вывезли, загрузили в этот самолёт, а мы летели, я это чувствовал, причём швыряло нас заметно, кажется, ветер крепчал. При этом вслушиваясь в рёв двигателя, я всё никак не мог понять, на какой машине лечу. Что-то знакомое, а что, не разберу. Хотя-я... помнится, мы захватили у японцев несколько самолётов. Летали на них до износа ресурса, что-то разбили, что-то как цели использовали, часть союзникам ушло, тем же китайцам и корейцам. Я тоже полетал на разных аппаратах, на «Зеро» удавалось полетать, хорошая машина, на других самолётах, и среди трофеев была летающая двухмоторная лодка. Гидросамолёт, японцы его использовали как учебный да для патрулирования побережья. У нас его зампотылу быстро к рукам прибрал и долго для своих нужд использовал, я у него иногда штатного пилота замещал. Но я сейчас не об этом, звук мотора был схож с той лодкой, характерный, звонкий, с металлическим звоном. Понятно, что подобные моторы использовались и на других самолётах, и так точно не определишь, только у того гидросамолёта, о котором я говорю, экипаж от пяти до восьми человек, и место для такого сублильного пленника, как я, точно найдётся. По крайней мере ни головой, ни боками, ни ногами я не ощущал стенок или препятствий, как будто лежу в центре грузового отсека. Вот только тот самолёт двухмоторный был, а тут точно один звучал.

Услышав, как начал задыхаться мотор, работая с перерывами, рывками, я задумался. Если один из моторов встал, то моя догадка может быть верна. Ещё беспокоили потоки ветра, что обдували тот отсек, где я лежал, хлопки странные, тишина и заметная болтанка. Самолёт явно влетает в непогоду, можно же с лётчиками и фразами обменяться, может, я бы услышал? Хотя от этого грохота мотора поди услышь что. Пошевелившись, я замер, ожидая последствий. Однако похитители никаких действий не предприняли. Плохо. Решившись, я повозился, сел и стал отползать в сторону, почти сразу нащупал борт и сел, облокотившись на него. Это единственно, что я смог сделать, ещё голова дала о себе знать тупой болью. Хорошо меня приложили. Однако при этом я снова не обнаружил какого-либо внимания к своей персоне, так что стал активно извиваться, напрягая и ослабляя мускулы, чтобы ослабить узлы и попытаться освободить хоть что-нибудь. А снаружи, похоже, совсем погода разыгралась, молнии были, вспышки даже через материю доставали, да и грохотало, заглушая рёв мотора. Единственно, что мне удалось, сильно наклонившись вперёд, уцепившись за материю на голове кончиками пальцев, больше не получалось, потихоньку стянуть мешок, он не был завязан, свободно надет. Сначала пальцы сорвались, но я уже частично снял колпак, и при повторной попытке уже крепче ухватил, материя свисала, позволяла, так что я рывком сорвал его и огляделся. Сплюнув неведомо как оказавшуюся во рту травинку, я только поморщился. Ну точно, «Аичи» и есть, тот самый гидросамолёт, модели Н9А. Вот только при вспышках молний, что били снаружи, я осмотрел пустой салон, штурвалы свободно крутились, сбоку у кормы хлопала незакрытая дверь-люк, а напротив меня была пустая ниша. Я помнил, что там обычно хранилась надувная спасательная лодка. Тут по фюзеляжу и гондоле самолёта забарабанил дождь, снаружи начался ливень.

– Твою же мать, – только и прошептал я ошарашенно.

Это ж надо в такую ситуацию попасть, врагу не пожелаешь. Хотя нет, врагу я такое как раз бы и пожелал. Мне как-то резко захотелось жить. Так что, извиваясь, я попытался встать, но рывок самолёта снова уронил меня. Чёрт, как плохо всё. В бойнице в центре корпуса свободно торчал, покачиваясь, зенитный пулемёт, да и тот, что на носу, на месте, сиденья экипажа,

радиостанция – всё присутствовало. Как бы развязаться-то? Заметив при очередной вспышке, что из другой ниши свисает ремень, я в отчаянной надежде рванул туда и, уцепившись за него, рывком дёрнул, падая с ним вместе на гофрированный пол, радуясь, что неизвестные похитители не привязали руки к торсу, что совсем бы лишило меня возможности нормально действовать. Оказалось, это был армейский вещмешок. Такие у японских солдат были. Осторожно работая пальцами – связали меня крепко, но чувствительности те не потеряли, – я открыл клапан и перевернул вещмешок, рывками вытряхивая из него всё, что есть, продовольствие меня сейчас не интересовало, а было в основном оно, но тут из бокового кармашка выпал складной перочинный ножик. Увидев его, с деревянными накладками на рукояти, я с радостью схватился и стал неловко открывать, попытался бы зубами помочь, но никак, связан так, высоко руки не подниму. Однако и пальцами смог открыть, и тут же, зажав коленями рукоятку, остриём вверх, стал перепиливать режущей кромкой верёвку у кистей рук, до локтей всё равно не добраться. Сложно было, напрягался, верёвки буквально впивались в тело, особенно на локтях, да и нож поправлять приходилось, его уводило, но смог перерезать первые петли, благо нож был остро заточен. Дальше, стряхивая верёвку, постепенно освободил их до локтей, и тут, изворачивая правую руку, попытался достать до локтя, нет, не получается. Перерезав верёвки на ногах, чтобы можно было нормально ходить, а не семенить или прыгать, задумался. От колен, если снова удерживать нож, тоже не смогу достать до локтей, я уже пробовал. Осмотревшись, я встал и открыв крышку ящика, зажал между ним и крышкой нож, причём защёлкнув замок, вроде нож заклинен, однако всё равно ходил туда-сюда как на шарнире, но при этом постепенно я смог перепилить верёвку. Срезал-таки узлы. Отлично, я свободен.

Машинально убирая сложенный ножик в карман, я рванул к штурвалу и сел в кресло, застёгивая ремни, осмотрелся. Ни черта не видно, тут ещё ливень усилился, пришлось щётки и прожектор включить, но вроде внизу, при вспышке молнии, рассмотрел высокие хмурые волны моря. Самолёт явно снижался, ладно хоть не пикировал, скорее планировал. Тем более на одном моторе, как мне помнится, сложно удержать подобную летающую лодку на одной высоте, второй нужен. Потянув штурвал на себя, я обнаружил, что тот не слушается меня, и, выругавшись, нашел автопилот, выключил его, после чего не сильно и без резких движений потянул снова на себя. Некоторое время самолёт летел на одной высоте, но потом я понял, что всё равно идёт снижение. Второй мотор так и молчал, лишь лампочки помигивали на панели, так что, найдя стартер, попытался запустить. Зачихав, мотор несколько секунд поработал, но потом замолк, однако я не оставлял попыток. Чудо, мне удалось его запустить, и я сразу потянул штурвал на себя, волны плескались совсем близко, так что я стал набирать высоту, постепенно, но море стало удаляться вниз. Осмотрев приборы я, снова тоскливо выругался – баки были почти пустые. И почему подобные проблемы наваливаются раз за разом? Ладно, будем решать их по мере поступления, всё равно топлива нигде взять, чего печалиться тогда?

Бьющие совсем рядом молнии и грохотание грома изрядно пугали меня. Добровольно я бы в такую бурю не сунулся, но делать нечего, пришлось взять на себя своё спасение. Выключив снаружи прожектор – щётки продолжали работать – и включив осветительную панель – лампа над головой загорелась, разгоняя тьму в салоне, – я рассмотрел на сиденье второго пилота планшет и, схватив его, стал изучать карту. На неё был нанесён маршрут, самолёт вылетел из окрестностей города Нампхо, что рядом с Пхеньяном, от пустынного берега, и, судя по отметке, конечная точка маршрута находилась в окрестностях... Пусана? Так и знал, южане в моём похищении замешаны. Вот только почему отсутствует экипаж и самолёт ещё летит? Проявим логику, или метод дедукции, как говорил незабвенный Шерлок Холмс. Экипаж отсутствует, нет парашютов и спасательной лодки, да ещё один мотор не работал. Судя по проложенному маршруту, тот сначала шёл в глубину Жёлтого моря, потом резкий поворот, и уже проложен путь к Пусану. Следы после похищения замечали, это видно. Хотя и глупо, на мой взгляд, тут лететь-то пару часов, и на месте, а с этими зигзагами все семь часов, но кто я, чтобы их

учить или осуждать? Вот так, если и думать методом дедукции, то выходит, что экипаж, попав во внезапный шторм, тут это обычное дело, испугался, а когда отказал один мотор, не знаю, почему, у меня он ровно работает, покинули гидросамолёт, прихватив спасательную лодку, но оставив меня. А может, наоборот, сначала засбоил и отказал мотор, и те повернули к суше, обратно к Корее, а тут сообщение по радию, надвигается страшный шторм, те поняли, на одном моторе не вытянуть, однозначно смерть, вот и решили, что в лодке на воде шансов выжить больше. Фиг его знает. Теперь разве угадаешь? Машинально проведя ладонью по голове – коротко постриженные волосы шуршали, два дня назад в парикмахерский был, – я нащупал на темечке большую шишку. Как рог вырос, но, к счастью, ран не было. Вот это радует. Ещё чесалась спина, повозившись, я достал из-под воротника несколько травинки, да и в карманы набились. Откуда они у меня?

Высота уже была километра три, поэтому поставил автопилот – топливо слишком быстро уходило, что мне не нравилось, но тут и понятно, с перегрузкой поднимаюсь, да ещё в ненастье. И мотор второй греется, пока ливень сбивает температуру, но мне не нравится, как тот стал в последние пять минут неровно работать. Похоже, и в прошлый раз его перегрели, и тот встал, или сами отключили, что тоже может быть. В общем, отстегнувшись, я закрыл наконец дверь, что продолжала хлопать, вон, воды сколько натекло, и, взяв вещмешок, стал собирать катавшиеся по полу банки, пакеты и коробки с продуктами и убирать внутрь. Не знаю, куда я лечу, компас не работает, заклинило в одном положении, сейчас ещё радию проверю, шлемофон нет, но есть наушники на месте радиста. Собрав всё, я повесил вещмешок на спинку пилотского кресла, а сам сел за радию. Ну так и есть, всё пробовал, а с рациями работать я умею, и молчок, похоже, окончательно сдохла. Неприятно.

Вернувшись в кресло пилота, я отключил второй мотор, температура подходила к критической отметке, планировать и на одном можно, причём довольно долго, да и горючее меньше уходить будет. Лишний час протяну. Проверив автопилот, я вернулся в салон, включил тут свет, а то в потёмках лазил, и стал изучать, что ещё есть, может, что интересное найду, например, парашют и ещё одну лодку. Проверив пулемёт на носу, поводит его туда-сюда, это был знакомая модель «Тип 92», снаряжён. Рядом запасные коробки с лентами. Ладно, оружие есть, но непонятно, пригодится оно мне в такой ситуации или нет. Изучая все тайники команды, я нашёл свёрток, обрадовался, думал, действительно надувная лодка, но это палатка оказалась, судя по описанию, четырёхместная. Тоже японская. Из той же ниши, откуда палатку достал, вытащил ещё один вещмешок, но в этот раз это был армейский американский рюкзак, и нашивка владельца на месте. Ну как без них, везде нос свой суют, сволочи звёздно-полосатые. Нисколько не сомневался, что в экипаже были американцы, хотя бы в качестве советников, а может, вообще в полном составе их группа тут была? Не знаю, разве что гадать могу.

Быстро распотрошив рюкзак, обнаружил лишь личные вещи хозяина, четыре банки со сладкими фруктами, видимо владелец был сластёной, тут ещё и кусковый сахар имелся в нераспечатанной коробке. Кроме них, две гранаты, знакомый тип, я такой растяжку на грузовике ставил, потом пачки патронов к пистолету «Кольт», так на коробке было написано, но вот самого оружия не имелось. Флягу тут же нашёл, полную, и я жадно напился – вода, смешанная с вином, и главное, тут был нож, отличный нож, охотничий, явно качественная самоделка какого-то кузнеца, и баланс просто восхитительный. Я бы повесил его на ремень, благо у ножа были странные меховые ножны, но ремня не было, ни его, ни кастета, даже нож, что я на ноге носил, нашли и сняли, карманы пусты были. Тут я своих вещей не обнаружил. Хотя пока не весь салон осмотреть успел.

Я начал складывать находки обратно в рюкзак, нож лишь убрал в карман комбинезона, как самолёт трянуло, и тот стал ложиться на крыло, видимо резкий порыв ветра был. Рванув, я успел добежать и отключить автопилот, пригнувшись через спинку, выровнял машину, после чего сел в кресло, пристегнулся и вытер пот на лбу, чувствуя, как меня бьёт озноб. Да я мокрый

был, такой стресс. Ладно, хватит салон изучать, непонятно, что вообще делать. О том, что приводниться нужно, и гадать не стоит, в такой шквал и парашют не поможет, закрутит и запутает в куполе, а вот приводнение на высокие волны... Да, ни так, ни эдак, и лампочка на панели стала мигать, топливо заканчивается. Вот и всё, долетался. Минут на тридцать осталось, и мотор встанет.

Мотор ещё работал, но высота всё равно терялась, сейчас уже ниже двухкилометровой отметки, и тут я заметил, что не только в салоне светло, лампу я не выключал, но и снаружи сереть стало. Выключив подсветку, убедился, что так и есть, похоже, утро наступает. Значит, самолёт вылетел со мной на борту глубоко ночью, тогда по времени и уровню топлива всё сходится. Продолжая до предела планировать, я за полчаса опустился до трёхсот метров. Дождь уже прекратился, ещё больше посветлело, и тут я в просвете, к своей дичайшей радости, заметил сушу. Кажется, это был остров, хотя я могу и ошибиться. Видимость ни к чёрту. Ни о каком маневрировании и речи не шло, мотор чудом работал, вот-вот заглохнет, так что я с правым разворотом повернул в сторону суши, которую снова скрыла эта хмарь с начавшимся мелким дождиком, щётки так и работали. Однако и солнце поднималось выше, и ненастье отступало, но сушу я стал видеть отчётливо и, опустившись практически к волнам, заметил что-то вроде залива, но небольшого, и пошёл на посадку. С этой стороны острова было тихо, невысокая гора защищала берег от ветра, так что волны хоть и были крупными, но не такими, как в открытом океане, и есть шанс нормально приводниться. Так и оказалось, потрясло, конечно, изрядно, из двух потолочных ящиков за спиной вывалились какие-то вещи, но сбрасывая скорость и ревя мотором, гидроплан оказался в бухте и приткнулся носом к песчаному пляжу, после чего я отключил мотор и откинулся на спинку кресла, дичайшее напряжение, что держало меня всё последнее время, наконец начало отступать, и я сам не заметил, как вырубился.

Очнулся я от скрежета. Открыв глаза, увидел, что это скрипят по стеклу щётки, скрип аж передёргиваться заставлял. Я их отключить забыл, так что, дотянувшись, выключил, да и вообще обесточил воздушное судно. Встряхнувшись, я с силой размял лицо, прогоняя сонную одурь, и, расстегнув ремни, привстал и выглянул, осматриваясь через передние и боковые обзорные окна. Нос воздушного судна высоко поднялся, врезавшись в берег, хороший якорь, не снесёт, но осмотреться всё же было можно, кустарник вокруг виднелся, и никого живого, даже следов пребывания людей. Хм, интересно, где я?

Выбравшись в салон, стараясь не наступить на разбросанные вещи, я добрался до пулемёта, что прикрывал заднюю полусферу гидросамолёта, и снял его с держателя. Это непросто было сделать, инструменты требовались, и они имелись в инструментальном ящике под крышкой пола, то есть ящик был скрыт в полу. Тут их, кстати, хватало, нужно будет позже осмотреть всё, что тут имеется. Сняв пулемёт, я нашёл подсумок для него, в нём запасные ленты носить можно, и в этой сумке находились сошки, которое я сразу установил, с ними удобнее. Поставил пулемёт на сошки у входа, теперь я вооружён, есть чем отбиться в случае нужды, после чего взял флягу и напился. Жажда очень мучила. Выдул всё, что было. При этом в желудке так забурчало, что я снял вещмешок со спинки пилотского кресла и, найдя гречневую кашу с говядиной, вскрыл и стал есть вприкуску с галетами. Всю банку осилил.

С появившейся энергией я решил изучить сушу, которая, как ни крути, спасла меня, так что, открыв люк, что находился в центре гондолы, и выглянув, поморщился. Тут вода была, точно по пояс в неё ухну. Перебравшись на нос, тут над стрелком был второй люк, открыл его и, спрыгнув на песок, забрал пулемёт, я его наверху поставил, еле дотянулся, высоко. Очередная волна окатила мои ноги, намочив брючины до колен, отчего я поспешил отойти от кромки воды. Вот обуви не было, видимо потеряли мои сандалии за время транспортировки. Ещё я пожалел, что в сумке со средствами обслуживания пулемёта и сошками не было ремня для

него, повесил бы на плечо, удобно, а так в руках приходилось держать. Хотя я не в курсе, идёт ли к нему ремень в комплекте вообще, так, скорее предположил.

Берег тут был узкий, от кромки берега, куда набегали пока ещё высокие волны, видимо очнулся быстро, щётки разбудили, жаль, часов нет, чтобы со временем определиться, те, что у меня на руке были, со всем остальным моим имуществом нападающие затрофеили. Так вот, от кромки берега до даже на первый взгляд непроходимого кустарника было метров десять, видимо, когда более высокие волны бывают, они и до кустарника достают. В общем, не самое надёжное укрытие, если волны будут выше, они мне самолёт к чёрту разнесут. Нос гидроплана вылез на берега метра на полтора, остальное в воде, слышен плеск волн, что разбивались о хвост. Сама бухта формой напоминала подкову, на две трети к берегу близко подступал кустарник, а с другого берега стояли скалы, высокие. Смерив их взглядом, понял, я не такой скалолаз, чтобы рисковать, взбираясь на них.

Взвалив пулемёт на плечо, я двинул по берегу к выходу, там вроде можно осмотреться. Может быть, дальше двигаясь по берегу, я найду возможность уйти вглубь суши, подняться на ту возвышенность и осмотреться. Правда, пока бухту покидать я не планировал, кроме ножей в карманах и пулемёта с одной лентой на плече, ничего при мне не было, а перед вылазкой нужно подготовиться и припасы прихватить, благо они имелись, по примерным прикидкам на неделю хватит, если не экономить. А можно вообще не трогать, пищи под ногами хватает, я кореец, всё съем. Тем более в вещмешке американца видел пластиковый пенал, тяжёлый, думал, что ценное, и угадал, соль там была, обычная пищевая поваренная крупнозернистая соль. Кстати, вместе со флягой и ложка с вилкой были. Видимо, этот солдат с немцами воевал, трофейный прибор, с одной стороны ложка, с другой вилка. У меня тоже такая под конец войны была, из трофеев. При переезде потерял, до сих пор жаль, хорошая и качественная вещь, а тут снова такую заполучить смог, как не порадоваться? Хм, надо бы ещё палочки вырезать, привык я к ним.

А вообще, никого вокруг из живых я не заметил, имея в виду прямоходящих двуногих, зато, заметив движение, увидел небольшую змейку, знакомая порода, ядовитая, но вкусная, отошёл в сторону, поставил пулемёт на сошки, не на песок же его класть, и, срезав ножом длинную палку с рогаткой на конце, сначала сбросил змею с ветки, а потом двумя ударами убил. Тут же и разделал. Пулемёт и змею я не трогал, оставил на месте, последнюю на плоском камне, где её разделявал, и, дойдя до берега, на который накатывали волны открытого океана, осмотрелся. Да, тут можно по берегу отойти подальше и уйти вглубь суши. Возвышенность есть, поднимусь и осмотрюсь, а пока вернёмся к самолёту, нужно лагерь разбить, осмотреть трофеи на борту, что пригодится и что нет. Ценное лучше спрятать на берегу, а то если снова шквал налетит, и самолёт разобьёт, и всё, что в нём есть, потеряю. Рисковать не хотелось. Вернувшись, я собрал сухие ветки и, разведя костёр – зажигалок даже две было, одну в вещмешке нашёл, другую в ранце американца, – стал жарить змею, хорошенько её посолив. Но не перебарщивая, соль невосполнима, не хотелось бы есть пресную пищу. Да и есть не хотелось, обжарю и уберу в самолёт, это на обед и, возможно, на ужин. Прожарить хорошо нужно, чтобы до вечера мясо не испортилось. Этим и занимался, а закончив, начал тщательно осматривать салон самолёта, вынося все находки наружу, включая инструменты. Оказалось, на борту много что было ценного.

Тяжело дыша, нагруженный как тот ослик, я поднимался, подминая босыми ногами высокую траву, по склону холма на вершину, принятую мной ранее за гору, при этом не забывал глядеть под ноги, чтобы не пропороть ступни. Обуви у меня так и не было. У самолёта я провёл почти сутки. Мне потребовался полный день, чтобы прорубить найденным топориком небольшой, замаскированный листвой проход вглубь кустарника, сделать там укрытие и перенести всё ценное. И вот, проведя ночь на борту самолёта, наутро я позавтракал ещё одной змеей, но

уже нафаршированной найденными местными ягодами и травками, получилось замечательно. Тем более эти ягоды, а было два вида, да и травки я знал, всё благодаря памяти Муна. И утром отправился в путь. Время примерно часов десять дня было, когда я вышел, тут тоже посчитать нужно, и готовка завтрака и последние остаточные сборы повлияли на время выхода. Проблемой было отсутствие воды, пришлось под корнями деревьев подкапывать и набирать воду мокрой землёй, выжимая её через платок, так и попить набралось, и флягу заполнить, но не более.

Покинув бухту, я по берегу ушёл подальше и, найдя проход, стал подниматься на каменистый, поросший травой холм. Час на всё про всё у меня ушло, а поднявшись, я удивлённо осмотрелся. Ну да, это был остров, но с населением. Внизу, с другой стороны острова, виднелось селение, человек на триста, а может, и больше. На другой оконечности острова тоже светлели крыши домов, но мало, больше похоже на отдельный хутор. Там, кстати, и возделанные поля виднелись квадратами, блестели водой чеки рисовых полей, хотя вроде в паре мест имелись другие посадки. Может, пшеница, может, ещё что, отсюда не видно, но не рис точно.

Сев на траву, сложил рядом ношу, особенно этот тяжёлый пулемёт, что на шее уже наверняка мозоль натёр, и стал изучать как селение, так и довольно приличного размера бухту. Для крупных морских судов она, конечно, маловата, что доказывал сухогруз, выброшенный на берег, там сейчас часть населения помогает команде. Правда, что делает, непонятно, вроде разгружает, кажется, с мешками бегают. Ну вот, что в самолёте оптики не было? Как бы она сейчас пригодилась! В такие моменты и вспоминаешь про трофейный бинокль, что лежал в шкафу у меня дома среди других вещей. Ещё в бухте на берегу было вытащено с десятков рыбацких лодок и пара крупных баркасов, может быть даже моторных. Да точно моторных, мачто, в отличие от лодок, нет. Также в бухте стояла небольшая, но ладненькая морская яхта, а на флагштоке трепыхался такой знакомый флаг. Тот самый, звёздно-полосатый. А селение японское, точно скажу. Интересно, где я сейчас?

— Красивая яхта, — задумчиво пробормотал я, изучая её. После чего, взяв висевший сбоку планшет, стал изучать карту, нужно определиться с местоположением.

Мельком осмотрев карту, как будто что новое увижу, я вчера её вдоль и поперёк изучил, пытаюсь прикинуть, где нахожусь, но карта крупномасштабная была, Корея, её окрестные воды, но Япония сюда не вся входила, разве что часть Китая и земли у Владивостока. Ясно, что похитители имели свой маршрут и сходить с него никак не планировали, гады. А селение точно японское, только они строят такие характерные дома. В Пусане они встречались, помню архитектуру. Пока я сидел и изучал селение да земли вокруг, то понял, что делают с судном. Да разгружают, чтобы с мели его снять. Возможно, корпус не повреждён, вроде скал у того берега нет, песок, мог и не пропороть днище да борта, а в таком случае шансы снять с мели есть, особенно если разгрузить и другое судно для буксировки использовать. Яхта для этого не подойдёт, размеры не соизмеримы, да и не думаю, что её владелец будет буксировкой заниматься, статус не тот, а вот вызвать помощь, у сухогруза виднелась антенна, вполне было можно. Вот и разгружают, пока не подошло другое судно для буксировки. Видимо, этот сухогруз пытался укрыться или в бухте у селения, если там глубина позволяет, слишком вода голубовата, скорее всего глубины там небольшие, или стоял под прикрытием берега, вот и выкинуло шквалом, не удержали якоря.

Ладно, тут долго гадать можно было, да и не интересен мне этот сухогруз, откровенно говоря. Заинтересовала бы яхта, но я увидел, как она снимается с якоря и на моих глазах уходит в открытое море, которое за эти сутки окончательно успокоилось. Сухогруз непонятно в каком состоянии, так что стоит договориться с владельцами баркасов, что лежат на берегу, доставить или до материка, или до порта, где можно купить билет на рейсовое судно. Пока сидел на холме, я успел всё обдумать. Деньги у меня есть, не так много, как хотелось бы, но на билет должно хватить. Тут главное, чтобы был прямой рейс хоть в Северную, хоть в Южную Корею, только сомневаюсь, что такие будут, значит, нужны деньги. А что, если продать самолёт и всё,

что я нашёл на борту, кому из местных? Наверняка найдутся покупатели, тем более самолёт им будет стоить практически копейки. Оружие тоже продам, оно мне, так получается, без нужды. Самолет не имел опознавательных знаков, серая машина, используемая разово в акции моего похищения, оттого почти всё оборудование на борту и оснащение японское, включая вооружение. И продавать лучше всего не местной власти, она просто отберёт, нисколько не сомневаюсь. Нужно найти тут зажиточных жителей и заинтересовать их. Может, и получится, благо японский я более или менее знаю, пообщаться можно будет.

Разобрав вещи, что были при мне, оставил только японский армейский вещмешок с удовольствием, нож и флягу, остальное сложил тут. Пулемёт стоял на сошках и смотрел в сторону селения, если что, попытаюсь оторваться, добегу, и всё, смогу отбиться. Пусть тут стоит. Повесив вещмешок за спину, я быстрым, можно сказать, скорым шагом направился в сторону селения, особо не плутая. Чуть позже удалось найти тропинку, тут, похоже, скот гоняли, в стороне виднелись точки нескольких коров, с десятков, и белели пятнами бараны, или козы, далеко, не рассмотреть было. Тропинка позволила мне минут за сорок дойти до окраины селения и пройти на территорию. Выглядел я не особо примечательно, но всё равно взгляд привлекал, зелёный комбинезон, штанины закатаны до колен, вещмешок за спиной, непокрытая голова. Местные одевались по-другому, тут сразу видно, что я чужак. Да и внешность выдавала.

Большая часть мужского населения, да и некоторые женщины покрепче, работали у сухогруза. Там краном спускали из трюма мешки, и их местные, явно работающие за плату, таскали и складировали на берегу, постепенно разгружая судно. Судя по штабелям мешков, давно работают, могли и вчера начать с перерывом на ночь. Однако всё же жители в селении встречались, девушки, старухи да дети, подростков не было, все на берегу. К женщинам я и обратился. Первая отвечать не стала, смерила меня взглядом и, опустив его, мышкой шмыгнула мимо. Тяжелый случай. Ладно, со второй и третьей тоже не получилось, пришлось обратить своё внимание на детей, что стояли и глазели на меня в стороне. Достав из рюкзака банку с фруктами, я показал её детям и подождал. Когда те подошли, я сказал:

– Я отдам эту банку тому, кто скажет, кто из жителей селения самый богатый, у кого есть деньги, и как его найти.

Изучив этикетку, вперёд вышел самый старший из детей, а может, и самый храбрый, тот и пояснил, что таких богатеев, о каких я говорю, в их селении трое. Это владельцы баркасов и владелец лавки, единственной в селении. Последний вроде как контрабандой занимается. Подивившись тому, что мне всё так выложили, я отдал банку, парень честно её заработал, и направился к лавке, где и должен быть владелец. Кстати, у него тоже своё судёнышко было, но оно ещё неделю назад ушло куда-то и пока не вернулось, может, из-за шторма в каком порту задержалось. А вообще, судя по описанию парня, это была небольшая грузовая джонка, парусная, но с мотором. Хозяин её ещё как рейсовое судно для жителей использовал, если кому надо побывать на других островах.

Где находится лавка, мне уже описали, да и лавкой её зря называли. Подходя к двухэтажному строению, я решил, что это скорее неплохой такой магазин с двумя отделами, продовольственным и хозяйственным. Хорошо японец развернулся. Зайдя в магазин, я уточнил у продавца насчёт хозяина. Тот был на берегу. Не работал, наблюдал. К тому же ему удалось со скидкой за опт купить несколько мешков муки, среди груза была и мука, а так в основном рис. Узнав, как зовут нужного мне человека, я добрался до берега и, дополнительно уточнив у местных, что с любопытством на меня глазели, подошёл к сидевшему на камне пожилому японцу.

– Добрый день, Накимура-сан, меня зовут Пак. Вы меня не знаете, я недавно прибыл на остров. У меня есть к вам деловое предложение, которое вас наверняка заинтересует. Если возможно, желательно поговорить наедине.

Говорил я с сильным акцентом, но тот меня, похоже, понимал, настороженно рассматривая. Японцы вообще традиционно настороженно относятся к обращениям к ним посторонних. Как правило, они общаются только со своими знакомыми и избегают контактов с незнакомцами, поскольку от этого испытывают дискомфорт, не зная, как вести себя с ними при общении. По этой причине все новые знакомства у японцев совершаются обычно с помощью посредника, общего друга или третьей стороны. Мне же пришлось обращаться напрямую, надеясь, что старый контрабандист не так закостенел в традициях, как другие японцы.

– Кореец? – немного скрипучим голосом осведомился тот.

– Точно, – кивнул я и, осмотревшись – вблизи лишних ушей не было, – добавил: – Я бежал из Северной Кореи, угнав гидросамолёт. Думаю, он вам пригодится в вашем деле. Как мне сообщили местные жители, вы заинтересованы в быстрой доставке разных грузов. Даже не совсем законных. Самолёт почти в порядке, у него пустые баки и нужно провести обслуживание левого мотора, греется. Также есть инструменты в комплекте и оружие. Такая летающая лодка может взять немало груза, до полутора тонн. Иметь на острове самолёт, тем более способный взлетать с воды, что может быть лучше? Тем более не думаю, что северяне будут его искать, самолёт приготовили для диверсий, опознавательных знаков нет, а документы, думаю, с вашими связями сделать будет не проблема.

– Это влияет на цену, – спокойно сказал японец.

– Так я и не собираюсь продавать его дорого. Договоримся, меня устроит и небольшая сумма. Желательно в американских долларах, хотя иены меня тоже устроят. За пятьсот долларов самолёт, вооружение и всё, что мне не пригодится, будет ваше. Ещё мне нужна будет помощь покинуть остров и добраться до ближайшего порта, где ходят рейсовые суда.

– Что за самолёт?

– Японский, «Н9А». Патрульное воздушное судно.

– Заинтересовал ты меня, молодой Пак. Нужно посмотреть, что ты мне предлагаешь.

Подозвав одного из мальчишек, лет десяти, что-то ему нашептал, и сорванец кинулся с места, причём побежал не в селение, а вдоль берега куда-то в сторону, кажется, там я и видел крыши отдельных строений, хутора вроде как. Проводив его взглядом, я посмотрел на старого контрабандиста, что, встав с камня, отряхнул штаны и направился в сторону селения, отчего мне пришлось последовать за ним. Кстати, сухогруз японским был. Флаг и иероглифы на борту выдавали. Направились мы к лавке, оказалось, сзади была харчевня, или трактир, на втором этаже номера гостиницы, всё это тоже принадлежало старому контрабандисту. Мы зашли в него, тот отдал несколько распоряжений местному работнику, больше никого не было видно, хотя с кухни и доносились приятные ароматы, и предложил садиться за один из крохотных низких столиков.

Говорить ни о чём этот японец умел, чтобы тянуть время, потом перевёл разговор на самолёт, пару раз пытаюсь узнать подробности моего якобы побега, но если по самолёту я что говорил, тот тут сказал, что это моё дело. Главное, у меня есть товар, у него деньги. Однако чем больше я сидел, нам и пообедать принесли, время обеденное, тем больше понимал, что совершил ошибку. Слишком неприятные ассоциации у меня вызывали те взгляды, что на меня нет-нет да бросал японец, а вспомнив, как те себя вели за время оккупации Кореи, за людей не считали, становится понятным, что тот и самолёт заберёт, и платить ничего не будет. Кто меня искать, беглеца, станет? Да, теперь я точно уверен, живым мне не выйти. Оттого и обед, что мне принесли, есть не стал. Японец меня понял, демонстративно палочками взял кусок рыбы с блюда и съел, тогда уже и я приступил к обеду. А вкусно, мне понравилось.

После обеда, попив зелёного чая, я обдумал всё, и вот что сказал собеседнику. Мол, опасаюсь за свою жизнь, японцы в Корею не лучшим образом вели себя, поэтому предлагаю поступить так. Тот отправит доверенного человека к самолёту, тот проверит, и старый контрабандист платит мне всю сумму, а я после этого сообщаю, где спрятаны вещи, оружие и инстру-

менты с самолёта. Ну и то, что оставил на холме, тоже, со вторым пулемётом. Всё это время я пробуду тут, в селении на глазах жителей. Японец как сидел с непроницаемым, как будто пропечённым лицом, оно всё в морщинах было, так и сидел, и когда я закончил, лишь кивнул, сказав, что нужный человек у него есть, как раз лётчик бывший, живёт в деревне на мысу. Как тот прибудет, то сходит посмотрит самолёт, он доверял его мнению как специалисту.

Дальше как и договорились. То есть этого старичка всё устроило, мы ударили по рукам. Как я уже говорил, у японца на втором этаже над лавкой и трактиром номера были, но все заняты, офицеры и часть команды с сухогруза второй день проживали, так что, походив по домам, я снял комнату на сутки. Думаю, этого мне хватит, тем более старый контрабандист как-то смог вызнать, что к острову идёт ещё одно крупное судно, приписанное к порту Кагосима. И да, находился я на острове Агуни, рядом с Окинавой. Вот это я, однако, дал. Улетел к чёрту на куличики. Я думал, поближе к Японии где нахожусь, а тут за тридевять земель улетел.

Всё же мне удалось всё так провести, чтобы у старого японца не было возможности меня убить и всё прибрать к рукам, а у него явно возникали такие мысли. Чуечка меня предупредила. Пятьсот долларов свои я получил, проверил, вроде не фальшивые, уж не знаю, откуда они у японца, но просто отлично. Как тот пояснил, иен у него самого не было, а за последний товар заплатили долларами. Также японец сам должен был договориться, чтобы меня довели до Японии, то есть это за его счёт. Поэтому, когда сухогруз сдёрнули с песчаной банки, я поднялся на борт старого углевоза и прошёл в каюту, она была четырёхместной и два места было занято, я на третьем устроился. Сложив вещи, я вышел наружу и стал смотреть с палубы, как баркасом, одним из тех, что ранее лежал на берегу, в бухту буксируют мой гидроплан. И да, старый японец мало того что был контрабандистом, владельцем трактира и лавки, он ещё и главой местного селения являлся. Это я уже потом узнал, от хозяйки дома, в котором передневал и попопдничал. Подумав, я пообщался с ним и, заплатив десять долларов, получил на руки бумажку с печатью. Там было указано, что я являюсь жителем одной из деревень Окинавы. Филькина грамота, конечно, но прикрыться можно. Если что спросят, скажу, что плыву в Токио, чтобы поступить в один из тамошних университетов.

Углевоз уже снялся с якоря и отходил от берега, а я продолжал стоять и размышлять. Где тайник с остальными вещами и где второй пулемёт, я сообщил сразу, как деньги получил, а через два часа получил билет на борт угольщика, который как раз отдавал концы после того, как снял с мели сухогруз. Так что и часа не прошло с того момента, как я поднялся на борт, а уже покидаю остров. Вечер сейчас, скоро стемнеет, а так мы неторопливо уходили. Угольщик оказался на удивление неторопливой калошей, грязной и ржавой, но главное, что остров остался позади и вскоре я могу оказаться в Японии. Там решу, что делать, а если так, то, прикинув расклады, я вот какой предварительный план составил. Добираюсь до Японии, оттуда до Южной Кореи, регулярные рейсы и сообщение морем должны быть, ну и сориентируюсь дальше на местности. В планах было снова угнать самолёт, может быть, с того же аэродрома. Посмотрим, чего гадать. Я же ещё не у южан.

Приятный тёплый ветерок обдувал меня, я стоял с наветренного борта. Закончив разглядывать буксировку гидроплана – тут и его в бухту затащили, и остров мы стали обходить, селение уже скрылось с глаз, старый контрабандист найдёт, как его официально по документам провести, – я отошёл от борта и через дверь прошёл вниз, спустившись по лестнице, где были каюты. Устроившись на койке – мои вещи были в порядке, – я стал размышлять. Билет был хоть и самым дешёвым, но мне его взяли с питанием, скоро ужин, так что поедим. Один сосед спал надо мной, на верхнем ярусе, второй отсутствовал, тоже по палубе гулял, я его там видел, это позволило мне немного отдохнуть, пока не вызвали на ужин. А хорошо вышло, сегодня и самолёт японцу предложил, и сегодня же покинул остров. Думал, на сутки задержусь, ан нет, удалось в этот же день отчалить, благодаря так вовремя подошедшему угольщику. Теперь

дождаться, когда прибудем в порт, я спрашивал у вахтенного, завтра вечером должны быть, и можно дальше думать, как добраться до Кореи.

А ночью меня разбудила сирена и ревун, да дрожь по корпусу, мы явно дали полный назад. Но больше ничего не случилось, и я уснул дальше.

Утром во время завтрака выяснилось, что мы ночью подобрали двух лётчиков со спасательного плотика, что заставило меня насторожиться. Первый звоночек. Пусть они в ужасающем состоянии, два дня шторм переживали, обезвоживание и остальное, но то, что оба американцы, не вызывало сомнения. Их в полубредовом состоянии сняли с плотика, оба одеты в лётные костюмы, шлемофоны, но без опознавательных знаков. Второй звонок. У одного укусы на руке, вроде как человеческие, у другого ножевая рана на бедре и защитные порезы на ладонях, но ножа на плоту найти не удалось. И что произошло, непонятно.

Превратившись в одно большое ухо, я сидел в кают-компании спиной к врачу, который всё и рассказывал любопытному третьему помощнику, а я не говорил на борту на японском, делал вид, что не знаю, и те общались без опасений. А вот я чем больше слушал врача – точнее, фельдшера, откуда тут врач взялся, просто баталер тут по совместительству ещё и медик, – тем больше понимал, кто это были. Недоумение баталера и третьего помощника вызывало то, что оба выживших были в японских лётных комбинезонах, под ними нательное бельё без штампов, а говорят с характерным американским акцентом. Третий помощник только ругнулся, знал бы, мимо прошёл, американцев мало кто из экипажа любил, помнили, что сделали с той же Хиросимой. Именно третий помощник и был тогда на вахте, когда кок, что выплёскивал ведро, и заметил мигание фонарика на водах, теперь пообещал ему фингал поставить. О спасённых также уже сообщили, и от Японии навстречу шёл американский эсминец, что снимет их. Через час должны встретиться.

Я же сидел как обухом ударенный, вот это сходил позавтракал называется. Ну, кто эти спасённые, и гадать не стоит, понятно и так, мои старые знакомцы. Вот только как они оказались так далеко от того места, где должны были покинуть самолёт, оставив меня в пустом салоне летающей лодки, непонятно. Тут или течение поработало, или шквал их гнал по волнам и пригнал сюда, что они оказались на маршруте угольщика. А может, всё вместе. По поводу укусов или ножевых ранений, тут особо я и не гадал. Зная подленькую натуру американцев, ничуть не сомневался, что в лодке кроме них был и остальной экипаж, который те попытались без затей спровадить за борт, чтобы освободить себе место и получить больше шансов на спасение. Вполне в их духе, в чём я нисколько не сомневался. Но южнокорейские лётчики, похоже, не сдались без боя, отчего американцы слегка и пострадали. Хм, нашим особистам будет это интересно, раздуть эту историю до небес. Надо с медиком пообщаться, если удастся снять показания.

Поев, я ушёл в каюту и не выходил из неё, пока к нам подходил эсминец, встав к борту, отчего был слышен скрежет трущихся бортов, минут двадцать стоял, после чего отошёл и помчался на полном ходу в одному ему известном направлении, а мы пошлёпали дальше. Я уже вышел на палубу и, стараясь не показываться на глаза, наблюдал, как боевой корабль уходит. Тот очень спешил. Покачив головой, я направился на поиски медика, обнаружил его в медчасти, тот убирался после пациентов.

– Доброго дня, – поздоровавшись, вошёл я в помещение.

– О, так ты говоришь по-японски? Я думал, ты кореец.

– Я кореец, но японский знаю. Разрешите представиться, Ли Си Цин, журналист одной известной газеты Сеула. Тут был такой горячий материал, я не мог пройти мимо.

– Извини, парень, но нашему капитану посоветовали молчать по поводу спасённых, сообщая, если будут вопросы, что мы сняли рыбаков со спасательного плотика.

– За ваше интервью – пятьдесят американских долларов. А если вы своей рукой опишете эту историю, подписавшись, то сто.

– Двести.

– Сто, и ни цента больше.

Дальше начался торг, и я всё же смог уговорить баталера за сто сорок долларов написать всё, что мне нужно, и надо сказать, справился тот отлично, описав и поднятие их с воды, полное внешнее описание, включая одежду, раны и бред, а английский он знал, и часть слов, что слушал от них, тоже написал, так что расстались мы довольными друг другом. Даже подсказывать ничего не надо, чтобы раздуть историю, того, что тот описал, с лихвой хватало. Я знал, что такое информационная война, если правильно раздуть эту историю в прессе да раскидать листовки над территорией Южной Кореи, это сильно подмочит репутацию американцев и их советников, что находятся в Корее. По крайней мере, южане будут меньше им доверять, раз предали экипаж, выбросив его в море, то и их предадут. Подлая нация. Я это знаю, теперь нужно, чтобы об этом узнал весь мир. Да, и придётся описать эту историю, связав с моим похищением. Отдельно она будет смотреться не полно, как кастрированная. Опишу в мемуарах само похищение, пусть в газетах всё это расскажут, думаю, разведка, или тот же отдел пропаганды со мной согласятся.

К вечеру, уже когда начало темнеть, наш угольщик наконец встал на якорь. К пирсу не подходил, все места заняты, видимо завтра встанет, однако для нас спустили лодку, и шесть пассажиров, что находились на борту, были отправлены в порт. Там высадились, таможенного досмотра не было, как и регистрации, что меня удивило, и мы разошлись. Направился я в сторону ближайшей гостиницы. Жаль, что тут в городе не было железной дороги, она бы пригодилась добраться до Фукуока, что находится на северной оконечности острова, оттуда ближе всего было к Корее. Купил бы билет на тот же почтовый пакетбот и добрался до Пусана или до другого порта, куда ходят суда. Но лучше всё же Пусан, там я хоть был и знаю, что и как. Разберусь.

Ранним утром посетив порт, я поинтересовался в здании администрации, есть ли попутные суда. Отлично, одно судно шло во Владивосток, с заходом в Фукуоку, там и сойду. Где стоит нужное грузовое судно, я нашёл быстро, отчалить оно не успело, хотя до девяти утра уходит, там пообщался с вахтенным, что стоял у трапа, тот вызвал вахтенного начальника, он и оформил меня в двухместную каюту. Судно оказалось вполне современным, не то что прошлый углевоз. Уже через час мы отошли и стали покидать порт.

Основное время пути я занимался тренировками, изучал свою память. Несмотря на то что, казалось, я забыл о Корейской войне, нужные даты помню, особенно о высадке десанта в тылу северокорейских войск, включая место и дату. Значит, надо сделать так, чтобы десант просто не дошёл, подготовиться к этому. Это то, что предрешило исход войны, северокорейские войска попали в окружение и были переварены в котле, защищать дальше было некому, и вскоре вступили в войну Китай и СССР, что тоже не сильно помогло. Там дальше не важно, отправная точка изменений истории этой войны – тот самый десант, если его не допустить, история действительно пойдет по-другому. Значит, к тому моменту я должен сделать себе имя, иметь возможность влиять на командование, хотя бы иметь под командованием своё подразделение. Десант им не разбить, а я имею в виду потопление десантных кораблей, но попридержаться, чтобы наши успели перегруппироваться и их не застали врасплох, вполне могу. Но идеально тут было бы совсем утопить десант, вот уж за что я обеими руками. Пусть рыб кормят. Помнится, в первом эшелоне шла полнокровная американская дивизия, вот и отправим на дно, может, и других эшелонов не будет. Дату и место высадки я знаю, будем готовиться.

Устроившись на койке, а в каюте я был один, второго пассажира не имелось, билет дорогой, и положив затылок на ладони, я с улыбкой размышлял. А что, если книгу написать про

подобного перемещённого? Перемещенец во времени – звучит. Ведь тема новая, сомневаюсь, что и в будущем пишут книги про подобных перемещённых во времени. Кому такое в голову придёт? Не знаю, эти годы я был изолирован, читать мне приносили, но не то, что я просил, а католические писания да другие разные христианские. Намекали. Да нет, думаю, да даже уверен, не пишут таких книг, слишком это новаторски, значит, я буду первым. Надо подумать, интересная идея. Надо только подумать, под каким именем писать, под русским псевдонимом или корейским? Издавать буду в Союзе, у нас там и читателей больше, и интерес к книгам выше. А написать я смогу, было дело, написал несколько рассказов в журнал «Роман-газета». Их очень неплохо встретили. Правда, дальше уже руки не доходили, семья, дети появились, и я больше не занимался творчеством, а сейчас кто мне мешает это сделать? Вот и я думаю, что никто.

Ладно, темнеет уже, спать пора. Послезавтра в порт поздно ночью войдём, утром сойду на берег. Да, ещё надо одежды купить, мой комбинезон всё же внимание привлекает. Обувь есть, деревянные самодельные сандалии купил в том селе, где самолёт продал, но нужно что получше. Чтобы в этих ходить, нужен некоторый опыт, не хочу его нарабатывать, всё равно обувь считай одноразовая. Я бы тут, в Кагосиме, всё что надо купил, но судно нужное вот-вот отходило, пришлось поторопиться. Надеюсь, в Фукуоке есть рынки, ну или магазины посетую, рынки мне просто как-то привычнее.

Ступив деревянной подошвой на деревянный пирс порта, я окинул окрестности взглядом. Нас высадили не у бетонных причалов, где шла разгрузка множества судов, а в стороне, неподалёку от здания правления порта. Тут рядом были причалы для джонок. От вставшего на якорную стоянку судна досюда было ближе всего, а лодка весельная. Нас – это двенадцать пассажиров. Судно, на котором мы плыли, было грузопассажирским, я на стене схему эвакуации изучил, до тридцати пассажиров брать могло. Бывшие попутчики сразу стали расходиться. Один подзывал носильщика с тележкой, что скучал вдалеке, в лодке был солидный багаж, это не я с одним вещмешком. Вот и я тоже направился в город, лавируя между людей. Даже на окраинах жителей хватало, отмечал, что иностранцев тут немало, и китайцы были, и корейцы, европейцы встречались, но больше всего всё же японцев – местных жителей.

На борту судна нас не покормили, последняя услуга – ужин, мы должны были сойти ещё ночью, так что надо спасибо сказать капитану, что позволил нам сойти именно утром. Это я к чему, среди разных закусовых и забегаловок, как их называют в разных странах, я заметил явно китайскую лапшичную, мне нравились их пельмени, как ни странно. Пусть они размер имеют больше, чем привычные мне, но едятся как родные. Тут продавались разные, я заказал с говяжьим мясом, самое дорогое блюдо. Ничего, подождал минут десять, пока приготовят, тут их лепили и варили на ходу, и с хлебом из рисовой муки, лепёшки брать я не стал, отлично поел. А пока был тут, пообщался с китайцами, хозяевами этой пельменной. Разговаривали на китайском, и им приятно, и мне разговорный навык, а его нужно поддерживать, хотя на китайском я немало и на работе поговорил, там хватало китайских специалистов, и на других языках общался, чтобы не забыть их. Вот и выяснил, где можно всё что нужно купить. Те отсоветовали идти на рынок, а дали адрес своего знакомого, тоже китайца, у него был магазин подержанной одежды и обуви. Разный ассортимент имелся, помимо одежды. Можно всё что угодно найти, даже почти новое встречается, и не так дорого. А вообще в Японии царила бедность, вон сколько мужчин ходило в старой военной или полувойенной форме со споротыми знаками различия. Не так и давно война закончилась, чтобы достаток успеть накопить. Как мне это знакомо по прошлой жизни!

Магазин назывался «Пандао», узнать его можно по нарисованной панде на вывеске. Маршрут мне уже сообщили, так что, попив зелёного чая, мне он очень понравился, я направился согласно проложенному маршруту по улочкам города. Идти действительно оказалось

недалеко, и панда на вывеске была, это такой китайский чёрно-белый пятнистый медведь, если кто не знает. Пройдя в магазин – а тут были покупатели, трое, японка и двое корейцев, своих я сразу узнаю, – немного замешкался. Встав так, чтобы не привлекать внимания, я стал просматривать выложенный, или точнее вывешенный товар, ожидая, пока салон магазина освободится. Однако не тут-то было, одни ушли, другие зашли, так что подойдя к продавцу, что уже давненько на меня поглядывал, попросил помочь подобрать мне одежду. В зале было двое продавцов, мужчина и женщины, оба работали по клиентам своего пола, примерочные тут тоже имелись, да и вообще неплохо всё так было сделано и оснащено. Зеркала имелись. Я даже удивился, думал, ошибся, но нет, это был не магазин элитной одежды, а именно ношенной, как её тут называют, подержанной. Как-то это всё не вязалось с тем, что я на улице видел, хотя военной формы и тут было изрядно, стопками лежала.

– Что именно вам нужно? – спросил продавец на китайском. Обратился я к нему на том же языке, вот и ответил на нём.

– Костюм, очень хороший костюм. Тройку с жилеткой, пару рубаш в запас, нательное бельё, трусы, майки, носки. Штиблеты в тон костюму. Можно шляпу, кепку или котелок, но чтобы к костюму подходила. Не выделялась.

– Подберём, – уверенно известил тот меня.

И, что меня удивило, действительно подобрал. Костюм был как раз под меня. Правда, брюки немного длиннее, чем нужно, но выяснилось, что в магазине в подсобке стояла швейная машинка, и продавец, сам сняв мерки, перешил, теперь брюки отлично сидели. Туфли были ярко начищены и блестели, привлекая внимание. Отлично, маскировочный костюм я купил, ну кто подумает, что этот лощёный и дорого одетый кореец – тот, кого так искали южнокорейские власти. К тому же меня у северян пару раз приглашали на разные официальные встречи, где была пресса, и мне приходилось занимать на время костюм, чтобы там побывать, а теперь свой будет, уж я постараюсь его довести до Пхеньяна и повесить на вешалке в шкафу в моём доме. Привык я к своему пристрою, уже действительно стал считать его своим. Берлогой, можно сказать, где мне было уютно.

Поправив белую фетровую шляпу, я постукивал изящной тростью – как увидел, не мог удержаться, тем более трость хоть и была не новой, но с сюрпризом. Именно то, что вы подумали, с клинком внутри. В магазине помимо одежды и другие вещи продавались, но не на витрине, их спрашивать нужно. С тростью мне просто повезло, рассмотрел рукоятку в форме тигровой кисти. А так я был полностью одет в костюм, даже краешек белоснежного платка из кармашка торчит, в руке нёс небольшой чемодан из коричневой кожи, куда убрал комбинезон и три комплекта запасного белья, вещмешок тоже сложил и убрал внутрь, а его содержимое, две гранаты, нож и продовольствие, уложил в чемоданчике так, чтобы всё уместилось. Ушло действительно всё, хотя чемодан я едва закрыл. Тяжело, но ничего страшного, для меня вес не был таким уж невыносимым. Даже делал вид, что тот не особо и тяжёлый. Вот сандалии бросил в мусорную корзину, уже не нужны. И да, в магазине мне легко обменяли часть долларов. Но не через кассу, продавец, как я понял, из своих это сделал, явно решив подзаработать на разнице курсов. Обманул тот меня не сильно, на билет до Пусана должно хватить, так что я направился в порт, решив не задерживаться в Японии.

Сначала зашёл в управление портом, где проходили регистрации заходившие суда. Но выяснил, что ближайший борт пойдёт в Пусан только через три дня. Печально, но не смертельно. Служащий посоветовал мне обратиться к частникам, в тот порт частенько ходили грузовые джонки, и среди них можно легко найти подходящее попутное судно. У тех были свои стоянки и свои пирсы, там и пакгаузы находились, где они разгружались или загружались. Поговорил я именно с грузчиками, кому как не им знать, в какой порт какое судно идёт. В основном джонки работали по островам и по побережью Японии, доставляли продовольствие и разные хозяйственные вещи, даже были такие передвижные лавки с тысячей мелочей. Среди

подобных судов мне называли даже два, что шли как раз в Пусан. Эти джонки находились всё ещё на загрузке, мне на них указали, так что, постукивая тростью по деревянному пирсу, я подошёл к первой из джонок. Тут мне отказали, сославшись на отсутствие свободных мест. С интересом покосившись на ящики, что загружали в джонку – что-то не похоже, чтобы там продовольствие было, больше на укупорку промышленного оборудования смахивало, – я прошёл дальше. До следующей далековато было идти, в конце пирса находилась, но когда дошёл, быстро сговорился с капитаном о месте на борту. Причём тот уступил мне свою каюту, других мест всё равно не было, а три пассажирские каюты были заняты. Ушлый мужик, наполовину кореец, наполовину японец. Да и груз у него мешки да бочонки, не такой подозрительный, как у первого.

Обустроиваясь в каюте, я сел у небольшого оконца и стал рассматривать нос стоявшего рядом судна, такой же джонки, и задумался. Думать в последнее время мне приходится часто, так что это, как ни крути, для меня обычное времяпровождение. Вот на работе – а я был вольнонаёмным, о чём вроде как уже упоминал, поэтому о своей работе на аэродроме так и говорил, а не как офицеры о своей службе, – я только на аэродроме отходил душой, мне нравилось там работать, как в молодости, я ведь двадцатилетним лейтенантом закончил войну. Во Вьетнаме был, честно признаюсь, хотя и подписал разные бумажки о нераспространении. Шесть лет, одиннадцать сбитых, но это к нашей теперешней истории никак не относится. Честно скажу, я там летал и сбивал для души, да и в форме чтобы себя держать, но основная моя работа была в штабе, планирование операций уровень эскадрилья-полк. Те штабы, что выше, до дивизии, своих советников имели. Может, в те времена и начала у меня зарождаться ненависть к американцам, а потом уже в Литве, где четыре года на их секретной базе провёл, эта ненависть трансформировалась просто в манию. При этом я владел своим разумом и головой и вполне контролировал себя, не бросался с кулаками на первого же попавшегося американца. Нет, терпеть я умел. Мне проще дотерпеть до начала американского десанта в Корею, чтобы уничтожить тысячи, чем прибить одного и получить от этого проблемы. Так и терпим. А те двое на грузовике – это так, для души. Всё же и мне подобная разрядка нужна, пружина внутри закручивается туго, но и у неё есть предел прочности. Будет возможность, повторю, раз уж судьба вывернула всё так, что я снова окажусь у южан.

Наконец погрузка закончилась, как я понял, последними загружали мешки с фасолью, это если правильно разобрал бормотание снаружи, после этого где-то подо мной дробно застучал двигатель, наверху на палубе послышалась беготня матросов, и судно стало, медленно разворачиваясь, отходить от пирса, а на его место уже устремилась следующая джонка. Чтобы это всё увидеть, мне пришлось выйти из каюты на палубу. Судно выходило из порта, а я смотрел вокруг и, чем дальше, тем больше понимал, что если это не закат джонок, то близко. По крайней мере, их точно станет меньше, вытеснят их многочисленные сухогрузные и разные грузовые суда. Обернувшись, но придерживая шляпу, чтобы её не сдул свежий ветер, я изучал город, который медленно становился всё хуже различим. А ведь хотел посетить местный ресторанчик, испробовать японские национальные блюда. В Пусане такие рестораны тоже есть, один я точно видел, но это не то. Японские блюда есть в Японии – это высший шик. Не я сказал, один из знакомых лётчиков. Из моего полка парень. Пройдя переквалификацию и обучение, он летал на гражданских рейсах «Аэрофлота», в том числе и в Японию, так что знал, что говорил. Ничего, может, это не последнее моё посещение Японии, загадывать наперёд мне бы не хотелось.

Я тяжело опирался на трость – хромать для вида начал, ещё отходя от магазина подержанных вещей, тоже для создания ложного образа, всё же к врагам, пусть и будущим, плыву, без этого никак. Всё из-за тех фото, что были в газетах Северной Кореи. Могут и опознать, если они попали к южанам и их, например, перепечатали. Вот так хромая, я спустился в каюту и велел меня не беспокоить до обеда. Каюту я снял с питанием. Причём я выяснил этот вопрос, когда ещё насчёт каюты общался, камбуз на джонке как такового не было, готовили по ста-

ринке на жаровне на открытой палубе, ну и питались. Мне обещали носить в каюту как привилегированному пассажиру. Не скажу, что приятно, сам-то я из простой семьи, привык жить без особых излишеств, к роскоши равнодушен, а тут вынужден, всё для дела. Плыть нам до Пусана сутки, быстрее будет, если ветер поможет, тогда ночью придём, сейчас мы плыли на механическом ходу, двигатель работал, ветер встречный был. Всё же желательно ночью, днём для меня может закончиться печально. Может, я и накручиваю себя, но я считаю, что лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорил наш комиссар полка в марте сорок пятого, меняя магазин в пистолете. На полк тогда вышла группа окруженцев. Очень крупная, еле отбились, шесть машин нам сожгли, сволочи. К чему я это, если бы комиссар не настоял на том, чтобы установить у аэродрома огневую точку зенитных счетверённых пулемётов, да ещё закопав, дошли бы они до нас. А так одна мясокосилка и сорвала атаку на не подготовленный к обороне аэродром. Мясокосилкой её уже комполка называл, наблюдая, как бойцы охраны грузят трупы немцев в машины. Много их тогда вывезли. Эсэсовцы были, впереди они гнали простую пехоту, а сами сзади шли с автоматами и пулемётами. Так-то простая пехота в те времена с охоткой сдавалась, а тут ситуация заставила. Комиссар наш был настоящим комиссаром, хотя правильно было называть замполитом, но тот заслужил наше уважение. Между прочим, это был единственный замполит, которого я действительно уважал. В пору моей службы мне встречались достойные люди, но такой был один.

Ладно, прочь старые воспоминания, лучше спланируем дальнейшие шаги по прибытию в Пусан. Хочу я там в одно место заглянуть.

Проснулся я от стука в дверь своей каюты. Сонно вопросив, чего надо, услышал ответ матроса, что мы прибыли, можно собираться. Есть свободное место у пирса, тут повезло, можно сразу на берег сойти, минуя лодку. Собрался я быстро, даже умылся, мне тазик с водой принесли, и матрос, что обслуживал меня, держал его, пока я мылся, а потом я снял с его плеча полотенце и вытерся. Дальше, застегнув подтяжки, ремня у костюма не было, собрался и покинул каюту, постукивая тростью сначала по палубе, а потом по трапу. Мы уже причалили, и сходил я одним из последних. В порту горел свет, и у пирса стоял не то таможенник, не то пограничник. Когда дошла моя очередь, тот изучил японские иероглифы на бумаге, явно не разобрав, что там написано, толмача-то под рукой не было, и спросил на корейском, что мне нужно, на что я с сильным акцентом, с японским акцентом, замечу, ответил на том же языке, что прибыл к родственникам. Каникулы у меня. Это того удовлетворило, записал мои данные, поставив отметку о прибытии, после чего занялся следующим пассажиром, что стоял за мной, а я направился прочь, убрав сложенную бумагу в карман. Повезло, что смог купить её у того главы села на острове, в который раз уже пригосажается. Да и билет без подобной бумажки я бы не купил. Это, конечно, не полноценный паспорт, но я молод, и иметь подобную замену для школьника вполне мог.

Отойдя, я обернулся, разглядывая слегка освещённый прожекторами силуэт джонки. Как ни странно, именно это путешествие, когда мы шли под парусом, мне понравилось больше всего, лучше, чем на том же углевозе или грузопассажирском судне. Очень понравилось это недолгое суточное плавание, оставило след в памяти. Такие воспоминания называют приятными. Я весь день провёл на палубе, общался с капитаном, его единственным помощником, местным боцманом или матросами, узнал много нового и интересного, мне всё было любопытно. Да и те, видя такой интерес явно юноши из обеспеченной семьи, легко шли на контакт, объясняли и, если нужно, показывали. А я смотрел на них и завидовал, завидовал их единению с природой, их свободе и их дружбе. Было и такое, команда была как одна семья, хотя в ней и было всего семь человек плюс капитан с помощником. Я за время плаванья даже серьёзно задумывался купить джонку и отогнать её в Пхеньян, подняв по реке, да жить в ней. Между прочим, это не редкость, так многие делали не только в Японии или Китае, но и в Корее. Как такового порта в Пхеньяне нет, но на реке я видел покачивающиеся ряды джонок, а свой дом

всё же это свой дом. Но потом быстро отбросил эту мечту, а идея уже в неё трансформировалась. Я же почти военный человек, с началом войны точно стану, какая джонка? Вот потом, если не надумаю возвращаться в Союз, в этом теле поеду впервые, тогда можно вернуться к этой мечте, быть свободным от всего и от границ, ходя в разных водах и морях. Филиппины, Манила, Малайзия, Индонезия, Австралия и остальные города, острова и государства. В Индии можно будет побывать. Интересно же.

Эх, мечты-мечты. Развернувшись, я скрылся в темноте, постукивая тростью. До рассвета немного осталось, всё же ветер сменился, и мы смогли идти под ветром, что было не намного быстрее, чем под двигателем, просто запас хода в топливе был невелик. Однако всё равно чуть быстрее шли под ветром, раз ещё ночью прибыли в Пусан. Кстати, я удивился, узнав, что хозяин джонки, он же капитан, недолго думая поставил на судно обычный бензиновый двигатель от армейского японского грузовика. Это он так модернизацию проводил, раньше у джонки двигателя не было.

Покинув порт, я внимательно поглядывал по сторонам, ограбления тут не редкость, так что нужно держать ухо востро, один раз я уже расслабился, подходя к дому, и дал подкрасться к себе со спины, огреть по голове, сейчас я подобного решил не допускать. И не зря, не успел я далеко отойти от порта и повернуть в одну из улочек – помнится, в той стороне и был рынок, – как заметил, что меня преследуют две тени, причём, в отличие от меня, обходя световые пятна фонарей, всё время держались в темноте. А то, что те повторяют все мои повороты, заставило насторожиться ещё больше. Этого ещё не хватало. Причём я был уверен, что это именно грабители, так как вычислить моё тут появление было нереально, и я был уверен, что меня считают мёртвым. Выжить в той ситуации было просто невозможно, но я сделал это невозможное.

Слегка увеличив скорость хода, я убедился – это за мной, те не отставали, тоже прибавив шаг. Что ж, придётся избавляться от налётчиков. Хм, теперь их трое, ещё один присоединился. Уйдя за угол, я поставил чемодан и, вернувшись к углу, быстро извлёк лезвие из трости. Нож в чемодане был, быстро не извлечёшь, так что воспользуемся клинком. Похоже, не зря я купил эту трость. Встав у угла, чтобы сразу ударить первого, кто появится, я всё же оплошал, преследователь появился так внезапно, что я вздрогнул, никакого шума при движении тот не издавал, и при этом, увидев блеск клинка, свет отразил от дальнего фонаря, закричал:

– Бежим!

Мгновение, и никого не осталось, только удаляющийся топот ног. Подивившись такой молниеносной реакции одного из преследователей, ударить-то я ударил, но уже в пустоту, убрал клинок в трость, в душе порадовавшись, что так никого и не убил, не было у меня к ним никаких чувств, ни злости, ни ненависти, пытался убить только по необходимости, так что, забрав чемодан, я отправился дальше. Гостиница, которую я запомнил рядом с рынком, нашлась не сразу, темнота плохой помощник, однако всё же нашёл. Постучался в дверь. Долго стучать пришлось, пока не загорелся свет и не вышел сонный служащий, он же меня оформил, номер даже показывать не стал, выдал ключи да махнул рукой в направлении лестницы, мол, сам найдёшь, и отправился спать дальше. И ведь не ошибся, я нашёл. Постельное бельё уже было застелено, видимо это был дежурный номер, готовый принять таких внезапных ночных постояльцев. Обустроившись на кровати, я спокойно уснул. Всё же несмотря на ранний подъём и стресс от встречи с грабителями, спать всё равно хотелось, так что я достаточно быстро погрузился в сон.

Внизу на первом этаже было кафе в европейском стиле, мне об этом вчерашний портье сказал, когда ключ выдавал, поэтому я решил утром посетить его. Также тот сообщил, когда оно открывается. Часов не было, чтобы определить точное время, когда я проснулся, но если по солнцу судить, что ворвалось в открытое окно – я так от духоты спасался – и упало мне на лицо, близился десятый час дня. Потягиваясь, я отошёл от окна. Повезло с номером, оно выходило

на рыночную площадь, и ведь не разбудил шум, а солнце легло, я стал делать разминочный комплекс, что заняло у меня более получаса, после чего, блестя от пота, накинул на плечо гостиничное полотенце и направился в душ. Он один на этом этаже, и к счастью, две из трёх кабинок были свободны. Так что, заняв одну, я стал, напевая, мыться. Просто окатывался, смывая пот, мыла и мочалки при мне не было. Это тоже одно из того, что нужно будет тут купить, мыло у северян дороже стоило, да и вообще, если сравнить цены севера и юга, разница заметна. Ладно хоть мне как специалисту зарплату довольно высокую назначили, жить можно, даже общественные бани трижды посещал. Хотя и тазика на дому хватало, да и душевые на аэродроме есть, я там частенько бывал, смывал пот после жаркого дня, учёбы и тренировок с молодыми пилотами.

Выйдя из кабины, я нос к носу столкнулся с девушкой, может, на пару лет старше меня. Причём то, что я был обнажён, а мои вещи стопочкой лежали на скамейке, её нисколько не волновало, уперев руки в бока, та в одном красивом ажурном женском белье, белом, которое просто шикарно смотрелось на её теле, с полным возмущением смотрела на меня. Полотенце, которым я повторно вытирал волосы, тело уже вытер, тут же перекочевало на уровень бёдер.

– Оп-па, – только и сказал я, на что девушка зашипела:

– Ты читать умеешь, остопоп?! На входе ясно написано, что сейчас женский час для душа.

– Я думал, он мужской, женский на другой стороне коридора, – несколько растерянно пробормотал я, продолжая удерживать полотенце у паха. Не видел я никаких табличек, не говорить же этой красавице об этом.

Честно говоря, меня женским телом не удивишь, тем более та была почти одета, хотя бельё больше демонстрировало, чем скрывало, и, как мне кажется, это было сделано модельерами специально. А прикрывал из-за реакции организма, всё же девушка была на удивление красива, и я не ошибусь, если скажу, что кто-то из её родителей европеец. Так что реакция моя на неё была вполне естественная, что, видимо, девушку забавляло. Судя по влажным волосам, именно она находилась в соседней душевой, когда я сюда пришёл. Стопка вещей на одной из лавок и лежавшая расчёска, та расчёсывала свои длинные волосы, когда я вышел из кабинки, подтверждали это.

Тут та на меня задумчиво посмотрела и сказала, протянув:

– Где-то я тебя видела.

Несмотря на то что я сразу напрягся, ответил ей легкомысленной фразой, чтобы отвлечь:

– А ты красивая.

Скептически осмотрев меня с ног до головы, та ответила:

– И не надейся. Собирайся и проваливай.

Пожав плечами, я убрал полотенце, на что та густо покраснела и, слегка отвернувшись, изредка косясь, наблюдала, как я надел бельё, потом брюки, накинул подтяжки и, надев туфли, покидаю помещение душа, накинув полотенце на плечо, не забыв прихватить грязное бельё. А закрывая дверь, услышал в спину возмущённое:

– Пф-ф!

Дойдя до номера, я отрыл дверь ключом, он в кармане брюк был, и стал быстро собираться. Всё сложил в чемодан, но покидать номер пока не стал, хотя опасение разоблачения присутствовало. Поэтому накинув рубашу и жилетку – эх, не хватает карманных часов, так бы красиво цепочка из кармашка свисала, – я спустился и, сделав заказ, стал его ожидать. А минут через восемь в кафе спустилась и девушка. Облегающее, казалось бы, без единого шва платье смотрелось на ней восхитительно, так та ещё и накраситься успела. За пятнадцать минут с момента нашего расставания всё это проделать? Помню я свою жену во время сборов... Эта девочка настоящий монстр по скорости. Рядом с ней шёл мужчина, лет сорока на вид, европеец, с красивым лицом киноактёра, но в слегка мятом светлом костюме.

Устроились они за три столика от меня, но как делали заказы, я не видел. Мне принесли первое блюдо, куксу, и я отвлёкся. Сели они так, что я был сбоку, и, если повернуть голову, могли бросать на меня взгляды, что и делали время от времени, причём девушка что-то рассказывала спутнику, изредка заливисто смеясь. Красивый смех, его можно слушать вечно. Тряхнув головой, я изумился себе – это что, я влюбляюсь? Знакомые симптомы, у меня так с женой было, летать от любви хотелось. Нет, и так летал, профессия обязывала, но я в переносном смысле. Да и мысли мои эта красавица занимала, такая не могла не занимать, слишком эффектная девушка и, похоже, знает об этом. Говорить о ней «знающая себе цену» язык не повернётся.

Я уже закончил с первым блюдом, приступил ко второму, а это было сунде – свиная кровяная колбаса с лапшой из крахмала либо рисом, в данном случае с рисом, – когда за тем столиком разговоры стихли, при этом я стал объектом пристального внимания. Теперь меня рассматривали уже не как бы между прочим, мимоходом, а пристально, изучающе и с... узнаванием? А когда мужчина, выдернув салфетку из-за воротника и бросив её на стол, встал и направился ко мне, я напрягся ещё больше. И чего я из гостиницы не ушёл, когда была такая возможность? Перемудрил.

– Разрешите? – вопрос был задан на английском, причём что-то с ним было не так, хотя звучал он вроде как правильно. А, понял, в нём не было того ужасного гундосого американизма. Похоже, я сейчас слышу классическое британское произношение.

– Простите, я не понимаю? – сделав озадаченное лицо, сказал я, откладывая палочки и кусочки колбасы. Очень вкусно, между прочим, ел я с удовольствием, только вот сейчас уже не мог думать о еде.

– Вы не говорите по-английски? – присаживаясь, перешёл тот на корейский, причём достаточно неплохой, хотя видно по акценту, что он ему не родной.

– К сожалению, он мне не дался, сам я японский изучал, вот учусь там на первом курсе технического университета Токио, недавно приплыл, сегодня отправляюсь в Сеул, у меня там родители, родственники.

– Странно, вы так похожи на одного корейца, что нас даже смутила подобная схожесть.

– Это вы про Пака, что перелетел на самолёте к северянам? Как же, не раз слышал. Фото я его, к сожалению, не видел, но мне говорили, что мы с ним чем-то схожи. Меня уже дважды проверяли. И когда сходил с борта пакетбота, тоже. Мы просто похожи. Кстати, разрешите представиться, Ли Си Цин.

– Похоже, я действительно ошибся.

– Можно вызвать полицейских, – пожал я плечами. – Они проверят. Надо самому к ним сходить, чтобы мне выдали бумагу, что я не Пак, а просто похож на него.

– Извините, если помешал.

Тот встал и направился обратно к своему столику, а я продолжил прерванный завтрак. Вот только вкуса почти не чувствовал. Британец же, вернувшись за столик, отрицательно покачал головой, на что девушка задумчиво посмотрела на меня, а я уткнулся в тарелку, заканчивая с завтраком. Попив чай, я расплатился и направился наверх, та парочка проводила меня заинтересованными взглядами. Так-то я планировал оставить чемодан здесь, а сам бы прогулялся на рынок, покупая всё, что мне нужно, но теперь возвращаться я уже не собирался, так что, сдав ключ и не требуя вернуть деньги, пусть думают, что я ещё не съехал, а вернусь, опираясь на трость и покачивая чемоданом, направился на рынок. Там прикупил для начала большую, криво сплетённую корзину, а потом натуральные обноски. Купил посуду, мыло с полотенцем. Много что взял и, уйдя в сторону, переделался в обноски, замотав голову материей вроде шляпы, натуральный крестьянин из бедняков, что едва сводят концы с концами. Одежда грязная, рваная, так я ещё ноги и лицо с руками испачкал, а то слишком чистые. Чемодан убрал в корзину, уместился как раз, специально по размеру подбирал, костюм с туфлями я аккуратно

сложил и убрал в чемодан, а продовольствие и остальное – обратно в вещмешок. Я достал его из чемодана, теперь он нужен.

Побывать в Пусане я решил не просто так, а собирался к деду. Да, у Муна есть дед. Я больше скажу, у отца Муна было множество родственников, которое проживали в том числе и в Пусане. И надо сказать, семья Пак была достаточно знатной, дворянами, если откровенно говорить. Из янбанов, древнего дворянского служивого сословия. Вот только отец Муна порвал все связи с отцом, и причина была в жене. То есть она ему была не ровня, но он влюбился и женился вопреки воле отца и семьи. Я бы тоже так поступил, мать у Муна была настоящая красавица, хотя и из крестьянок, умница, а на ту, что ему в жёны подобрали, без слёз не взглянешь. Отец Муна немного по-другому сказал, описывая, какие у него взаимоотношения с семьёй, тогда ещё десятилетнему Муну, когда тот вопросы начал неудобные задавать, никаких взаимоотношений не было, но всё же семья у Муна по сути была. Ладно родственники матери, их в Корее действительно не было, ну если только дальние, а так эмигрировали, правда ни Мун ни я не знаем, куда, вроде как в Южную Америку, но так это или нет, не скажу, не в курсе, а с родственниками отца я уже объяснил ситуацию. Я хотел просто посмотреть на них, как живут, чем существуют, чтобы быть в курсе, не люблю оставлять за спиной такие непонятные истории. Мун, вон, тоже к ним не пошёл, когда с ним беда случилась, а теперь это нужно оставить на потом, пора уходить из города, и как можно быстрее. Так что корзину на плечо, и идём прочь. Сверху в корзину я нагрузил навозу, сам помазавшись им. Идеальная маскировка.

Из города удалось уйти без проблем, влился в группу выходящих. Естественно, не по основной дороге, там золотари, а я под него маскировался, не ходят, у них свои тропки. Тут же ходили крестьяне, что на рисовых полях работали. Они ещё засветло покинули окраины, и иногда им дети или родственники носили поесть, вот я и влился в толпу такой молодёжи или детей, редко мелькали пожилые. Кто с узелками, кто с корзинками. Я своей громадиной за спиной тоже привлекал внимание, но не так сильно, как мог. Так что покинул город – лишь раз патруль в стороне на глаза попался – и стал удаляться. Не знаю, что творилось на главной дороге на въезде в город, я не видел те места, далеко был, но у нас здесь было тихо. А так я шёл по тропинке, толпа уже схлынула, еду носили тем, кто близко работал, кто далеко, утром с собой её несли, однако ничего, шёл дальше, и никто на меня не обращал внимания. Пару раз примечал встречных, из беженцев-бродяг. Кстати, я совсем недавно узнал, что вот эти бродяги, что сейчас мне встречались, или когда я ещё со своим новым телом знакомился, в основном северокорейцы, те, кому не нравилась власть под предводительством партии коммунизма. Откровенно скажу, северяне тут действительно излишне закрутили гайки, вот от них и бежали, сам я это не одобряю, но даже в Советском Союзе, где тоже не всё так просто, ладно хоть меня это не коснулось, было в послевоенное время проще и легче. Лозунг «кто не с нами, тот против нас» тут чуть ли не девизом к расстрелу стал. Причём южане вели себя, как мне кажется, ещё хуже. Вообще в Корее, в основном Южной – северяне другим головы поднять не давали – было столько партий, от коллаборационистов до леваков и коммунистов, что чёрт ногу сломит. Отец Муна пытался его в этом просветить, чтобы хотя бы понимал, что и как, но ни Муну тогда, ни мне сейчас это было не интересно. Я вообще к политике равнодушен, понимаю её полезность, но... брезгую, что ли? Да и не нужна она мне, я не разведчик, я лётчик.

Уйдя с тропинки, вернее свернув на другую, я направился к трассе. Дело в том, что мне нужно было её пересечь, аэродром находился с другой стороны. От своего наспех обдуманного плана угнать самолёт на том же аэродроме я не отказывался, да пока, откровенно говоря, ничего другого в голову не приходило. Из памяти Муна я знал о ещё двух аэродромах да трёх площадках, где садятся или взлетают самолёты, но они были слишком далеко, что мне не нравилось. Тут просто ближе было, хотя я и понимал, что второй раз может и не получиться. Вполне вероятно, после моего первого угона на аэродром охраны понагнали, да и вообще усилили контроль и безопасность, в этом случае угнать самолёт не предоставляется возможным.

Не удивлюсь, что там и зенитки появились, так вдарят при взлёте, конфетти вниз посыплется. Хм, с мясом. Но разведать, есть возможность угнать или нет, это можно, даже желательно. Если нет возможности, идём дальше, до других аэродромов. Тут уже выбора не было.

Попытка перейти через трассу сразу не удалась, шли сплошным потоком армейские грузовики и другие машины. Такое впечатление, что целая часть передислоцируется. Хотя нет, чтобы часть была, требовались машины с имуществом, тяжёлым вооружением, а у этих кузовов солдатами набиты. И там, где они открыты, и где тентованные, тенты у задних бортов открыты были, я видел только солдат внутри. Видимо, что-то случилось, потому как мелькали машины с полицейскими, а если они действовали совместно, это означало карательную акцию или облаву. Вон, восстание на острове Чеджудо до сих пор продолжается, и там вывесили северо-корейские флаги. Там тоже каратели действуют, насколько я помню рассказы наших лётчиков. Один вообще умудрился дотянуть на разбитой машине до него, надеясь на помощь, и выпрыгнул. Сначала у них полгода в плену просидел, в яму его сунули, потом у южнокорейцев побывал, и в конечном итоге у американцев. Два с половиной года, пока его не обменяли на американских лётчиков. Так что повстанцам, что подняли восстание на острове, я не доверяю, пример с тем лётчиком показателен.

Перейти тут дорогу не было никакой возможности, так что я направился дальше параллельно ей. Кустарника тут не было, высокая трава, позволявшая укрыться, а дальше и было то место, где меня сбили на грузовике, место, где я двух американцев убил, уже позади осталось, стороной обошёл. Заметив вдали, как двое так же бедно одетых крестьян скрылись со своими немудрёными немногочисленными пожитками в кустарнике, направляясь в сторону дороги, я последовал за ними. Не успел войти в этот кустарник, надо сказать совсем хилый, небольшой и практически просматриваемый со всех сторон, как услышал окрик:

– Стой!

Замерев и повернув голову, я с некоторым удивлением посмотрел на двух солдат южнокорейской армии, причём на касках были белые полосы – патруль. Те держали в руках винтовки «Гаранд», причём с примкнутыми штыками, что заставило меня слегка удивиться. При этом штыки были чем-то измазаны, и я как-то сразу понял – кровь, свежая. Со штыка, набухнув, сорвалась тёмно-красная капля. Убили? Кого? Тех крестьян? Получается, это каратели. У южан, насколько я слышал, были партизаны, действовали исподтишка, но мне такие не встречались, и я откровенно скажу, эти двое на партизан похожи не были. Форма идеально сидела, и всё, что положено, было на месте. Так форму можно разносить только долгой ноской, подшивкой. Нет, солдаты настоящие. Вот только что им отдали за приказ, отчего они так действуют?

– Стою, – почти сразу ответил я на приказ и заныл: – Дяденьки, отпустите!

– Иди туда, – махнул стволом винтовки один из солдат, щуря и без того узкие злобные глазки.

– И корзину поставь, – велел второй, продолжая держать меня на прицеле.

Что меня удивило, солдаты опытные, видно по хваткам, но когда я снимал корзину со спины, перекидывая скрученную как жгут материю старой простыни, исполняющую роль ремня или верёвки, через голову да наклонялся, то скосил взгляд на то, как они держат оружие. Так вот, что мне показалось странным, пальцы были на ложе, спусковые крючки они не трогали. Не хотят шуметь? Даже невольно? Оттого и штыки в крови? Мародёры? Вот уж сомневаюсь, убивать крестьян за их обноски даже такие мародёры побрезгуют. Нет, тут что-то другое. И вот так поглядывая на солдат, отчего-то зажившая рана на голове заныла, видимо в предчувствии неприятностей, я направился чуть левее, подальше от дороги. Причём заметил несколько полос, кажется, тут кого-то волокли. Не одного. Да и на некоторых листьях и сухих веточках виднелась уже запёкшаяся кровь. Ситуация ещё хуже, чем я думал.

Когда впереди мелькнули грязные пятки чьего-то тела и засерели пятна одежды, у меня холодок по спине как будто прошёлся, и, уловив движение, а точнее, хруст ветки, громкий, как

щелчок, я резко ушёл в сторону, отчего мощный выпад вперёд штыком пришёлся в пустоту. А я, уже держа одной рукой ствол винтовки, другой ударил «гусиной лапкой» в горло солдата, отчего тот схватился за шею и, упав, стал хрипеть, а я, бросив винтовку, метнулся ко второму, что стоял к нам спиной. Видимо, окрестности осматривал и прикрывал напарника и сейчас разворачивался на шум. Убил я его так быстро, применяя те приёмы борьбы, что столько заучивал, и внезапно, что для самого стало неожиданностью. Всё на автоматизме, разумом практически не участвуя. На злости, адреналине и ненависти. В мыслях у меня стоял крик души. За что? За что хотели убить меня и убили этих крестьян, что лежали в яме? В общем, подбил ему ноги и одним движением сломал шею, заваливая тело на себя. Фактически своей массой солдат и сломал себе шею, я лишь слегка помог. После этого выбравшись из-под тела, я перекатился к первому солдату и ребром ладони прекратил его мучения, сипения и бульканье, хотя лучше бы помучился. Тут из кустов, судя по звуку метрах в двадцати от меня, зло зашипели, причём на английском:

– Хватит шуметь, наблюдатель передал, объект близко! Все замерли.

– Это ещё кто? – скорее не прошептал, а беззвучно пробормотал я.

Дотянувшись, я отстегнул гранатный подсумок и достал две гранаты, что за модель, не знаю, круглые, с запалами и скобами да надписями по-английски. Кажется, британские, южанам вооружение всё же кто только ни поставлял. Вон, у них часть оружия японского ещё есть. Подполз ко второму солдату и у него достал две таких же гранаты. Дальше немедля пополз на звук, услышав повторно злое:

– Я сказал не шуметь!

Как тут не пошуметь, если листва и ветки сухие лежат? Видимо, кто-то уловил или заметил моё движение. Поэтому медлить я не стал, а то ещё поймут, что это не кордон, что отлавливал крестьян-свидетелей. Не знаю, что тут происходит, да и, откровенно говоря, не хочу знать, в небольшой ложбинке, почти овражке, куда меня вели, лежало с десятков тел корейцев, причём, судя по одному телу, молодой девчонки, её успели изнасиловать. Поэтому, подготовив гранаты – положив их перед собой, я стал выдёргивать предохранительные кольца и швырять гранаты веером перед собой. Если даже никого не зацепит, то засаду, а это явно засада на кого-то, точно сорвёт. Хоть так отомщу за всё.

Гранаты были наступательные, разлёт осколков не такой и большой, поэтому после броска я сразу рванул к своей корзине, краем глаза замечая, как неподалёку привстаёт травяной холмик, оказавшийся очередным солдатом, судя по оружию, стоявшему на сошках, тот был пулемётчиком. Причём по массивной фигуре на субтильного корейца он мало был похож, лица, жаль, не видно. Я же, подхватив корзину, побежал дальше, и когда как раз взбегал на дорогу, с корзиной перед собой, а трасса была странно пустой, да ещё вблизи доносился рёв мотора легковой машины, как позади загрохотали гранаты и стали доноситься крики боли и тревоги. Я едва успел перебежать полотно перед начавшей резко разгоняться машиной. Смог без последствий прыжком уйти на противоположную обочину, летя по скату. А водитель правильно поступил, в подобных ситуациях нужно не тормозить, а ускоряться, чтобы уйти от засады. Бой приемлем, если транспорт повреждён, чего сейчас не произошло. По машине, похожему, вообще не стреляли, настолько неожиданными были для засады мой рывок к дороге и разрывы гранат, произошедшие почти одновременно. Меня только одно смутило, перебегая дорогу, я успел рассмотреть на переднем пассажирском сиденье того европейца, который ко мне подходил в ресторанчике на первом этаже гостиницы, а уходя в прыжке с дороги, рассмотрел и красавицу на заднем сиденье автомобиля. Были они там не одни, но кто ещё, не рассмотрел, неизвестный сидел с другой стороны машины. Это красавица с того борта, где я находился. Силуэт не спутаешь, точно она. Причём память зафиксировала фрагмент картинки, как та смотрит на меня большими испуганными, но такими прекрасными глазами.

Перекатившись – корзина катилась рядом, вываливая содержимое, – я почти сразу остановил падение и, быстро собрав всё, что выпало, убрал обратно в корзину, да тут только и были что чемодан, вещмешок да трость, и побежал вдоль дороги, уходя вглубь кустарника, что с этой стороны тоже разросся. Причём куда в больших масштабах. Я вовремя упал в выворотень от корней, потому как кто-то с дороги явно наугад стал поливать из пулемёта кустарник, одна пуля звонко щёлкнула по стволу дерева совсем рядом, а неизвестный пулемётчик, выпустив магазин – кажется, это был тот же «Бар», что я видел у солдата, – замолчал. Засада явно не удалась. Я же пополз дальше. Кто-то может подумать, что я совершил глупость, вот так перебегая дорогу под неизвестным количеством направленных на меня стволов, под прицелом, но нет, я поступил так осознанно и обдуманно. Для начала, хотя для засады моё появление и бег стали неожиданностью, но стрелять они не стали, как я и рассчитывал, это обнаружит засаду. А тут не успели они обдумать, что происходит, как начались разрывы гранат. Не думаю, что те кого-то заделали, хотя, судя по крикам и стонам, раненые, а возможно, убитые всё же есть, но факт неожиданности сыграл роль, засада не удалась. Вот и пулемётчик, проявив эмоции, наверняка тоже уходил. Засада явно тайная, значит, и уйти они должны так, чтобы не оставить следов. Вот уж что невозможно, там их столько, любому криминалисту станет понятно, что вообще произошло. А я уходил подальше, пользуясь любой возможностью укрыться, и, похоже, да точно, преследования нет.

А вообще меня удивило, что те тревогу сразу не подняли. Всё же гранаты – это не молекулы, чтобы их не увидеть и не услышать, глухие шлепки и удары, одна граната, попав в ветку, отскочила, они не могли не слышать, но молчали, хотя уже должны были осознать, что всё, ни о какой засаде и речи не могло идти. У меня тут только одно предположение, они впали в ступор, всё же подобная неожиданность тоже бьёт по нервам. На это я тоже рассчитывал, решившись перебежать через дорогу. Шесть секунд на осмысление солдатам, пока горели запалы, и шесть секунд мне, чтобы, схватив корзину, добежать до дороги. Для кого эти шесть секунд мгновения, для кого – часы. Ну, а причина такой моей безголовой наглости – в безысходности. Кустарник, где расположилась засада, был небольшой, с одной стороны дорога, с трёх – поля. Расстреляют в отместку издали, поэтому единственный шанс спастись и не попасть в переделку – это перебежать через дорогу, что я и сделал. Вот тут кустарника и небольших деревцев было куда больше, есть где спрятаться. По засаде скажу так, я сам не специалист, но ставил её явно профессионал. Обычно глядишь в сторону густых зарослей, вроде тех, по которым я сейчас полз, а не на эту рощицу, просматриваемую практически насквозь. Вот я тоже обманулся, попав в засаду. Сейчас бы лежал в том же овражке, как и остальные. Эх.

Бежал я почти всё время с того момента, как пулемёт смолк и наступила тишина, удалившись от места засады километра на четыре. От дороги, впрочем, тоже ушёл. Тут я скинул корзину – она так и висела за спиной, – придерживая за дно руками, и, устало привалившись к ней, отдыхал. Так бежал, что дыхание умудрился сбить, хотя мои постоянные тренировки, а также пробежки укрепили меня. Однако стресс, выделенный адреналин, тяжесть поклажи сделали своё дело, сбил-таки дыхание. Вот так сидя, поглядывая по сторонам, дальше виднелись крыши какой-то деревни, я вытирал пот со лба, размазывая маскировку, и размышлял. Не знаю, узнали ли меня те, кто сидел в машине, откровенно скажу, что сомневаюсь, но на тот аэродром я не пойду, логично ждать меня там. В этой ситуации поговорка про попадание двух снарядов в одну воронку не работает, вполне можно устроить засаду. Раз угнал один раз самолёт там, могу и во второй раз попытать удачу. Тем более опознав меня в ресторане, вполне могли отправить информацию дальше, и местная правоохранительная служба будет ориентирована на мои поиски. Я, конечно, не понимаю причин той засады, да ещё на старых знакомцев, которые непонятно какую роль тут играют, но отходить от своих планов ради чужих игр не собираюсь. У меня свой путь, чужих там нет. Даже близко не стояли.

– А маскировку нужно менять, меня в ней видели, – пробормотал я и, ополовинив флягу, убрал её обратно в вещмешок.

Дальше уйдя в сторону, к краю рисового поля, я скинул рванину и буквально нырнул в воду ближайшего чека, хотя её тут и было по щиколотку, но помыться мне это помогло. Мыло и мочалка имелись, помылся хорошо, после чего вытерся полотенцем, поглядывая по сторонам, я голышом вернулся в овражек, где лежали мои вещи, и, достав из чемодана костюм, оделся. Рванину я утопил в воде рисового чека. После этого, прихватив чемодан, вещмешок убрал за спину, все вещи в чемодан не вошли, трость в том числе, пришлось упираться на неё, имитируя сильную хромоту. Выйдя на дорогу, поставил под ноги поклажу и стал голосовать. А что, до дальнего аэродрома почти пятьдесят километров, пешком в таком костюме или лёгком комбезе я буду привлекать внимание, а доехать на попутке или вот на таком автобусе, что притормаживает на обочине рядом со мной, милое дело.

Сообщив водителю, куда мне нужно, это было Тэгу, рядом с которым и располагался нужный аэродром. Тот сообщил цену билета, я расплатился и прошёл в салон. Чемодан поставил под ноги, а вещмешок держал в руке. Сесть было некуда, салон был полон, хорошо в проходе место для меня нашлось, и вот так мы покатали дальше. Вроде бы ничего особенного, за час доехали, совершив с пяток остановок, чтобы оставить одних пассажиров и взять других, я так и стоял, но была одна крайне неприятная для меня сцена, которую я увидел на центральной улице у административного здания одного из сёл на пути. Там у знакомой машины, точнее за ней, стоял южнокорейский генерал и, ничуть не стесняясь, лапал за попу знакомую красавицу, сминая у неё там платье, и та ничуть не была против, лънула, подставляя губы для поцелуя. Того европейца не было видно. Теперь понятно, кто был тот неизвестный, что ещё сидел в машине. Не на него ли засаду устроили американцы? А это были они, южнокорейские солдаты были нужны только для этой засады, и я уверен, что после неё те бы оказались в том же овраге, что и убитые ими крестьяне и другие прохожие. В общем, я после увиденного красавицу напрочь выкинул из головы. Всё-таки цену она себе знает, генерала захомутать.

Сойдя с автобуса на окраине Тэгу, я поправил шляпу, опустив её на лоб, низко надвинув, почти на глаза, и прихватив чемодан, вещмешок уже за спиной был, энергичным шагом направился в сторону ближайшей гостиницы, где снял комнату. Гостиница нашлась благодаря расспросам прохожих через две улицы, не так и далеко. Там же в соседнем строении была типичная корейская лапшичная, что-то другое искать я не стал и с удовольствием пообедал в ней. Потом переоделся в номере в лёгкий комбинезон и направился на разведку. Он как-то более будет соответствовать в районе аэродрома, чем костюм.

Время ещё было, так что, закатав штанины до колен, я босиком прогулялся вокруг аэродрома. Он был военным, ранее тут дислоцировалось несколько американских авиачастей. Близко я не подходил, охраны хватало, зенитки смотрели в небо, гулял в стороне, укрываясь от жаркого солнца той же шляпой, что шла у меня к костюму, однако смог увидеть интересное. Как взлетали два «мустанга». Думаю, они принадлежали южнокорейским ВВС, как я уже говорил, присутствие тут американцев было минимально, вывод своих войск они заканчивали, хотя мне приходилось встречать их постоянно. Судьба. А вообще я бы не удивился, увидев на аэродроме «сейбр», американский реактивный истребитель. Тут тоже есть некоторые отклонения от известной мне истории. МиГ-15 наши стали отправлять в Корею после того, как Союз вступил в войну, а северокорейские войска были разбиты. Так мне, по крайней мере, говорили. А тут целая эскадрилья на аэродроме, где я работал. Пусть эти двенадцать истребителей единственные из «пятнашек» в Корее, но они были. Я в курсе, что их сюда направили не только для обучения северокорейских лётчиков, но и для проверки боевых качеств истребителя. Где это сделать как не в возможном военном конфликте? А о будущей войне говорили многие, уж больно северяне готовились к этому. Поэтому логично предположить, что и «сей-

бры» тут могут быть. Немного, но могут. Ведь американским конструкторам и командованию тоже хочется знать, что могут такие машины.

Вот бы его угнать, но об этом можно только мечтать, так что закатаем губу обратно. Проследив, как совершает посадку небольшой военно-транспортный самолёт, я довольно прищурился. Вот это как раз то, что нужно. Был у меня интерес именно к такому транспортнику, и этот интерес назывался лёгкий мотоцикл-одиночка. Хватит на велосипеде ездить, тем более у меня его всё равно украли. Будем добывать мототранспорт, благо мототехники тут было немало, но угнать я хотел мотоцикл у полицейских, видел несколько аппаратов у их здания. Это им за семью Муна, и это только начало.

Покрутившись до самой темноты вокруг аэродрома, при этом горюя, что нет бинокля, как бы он сейчас помог, я отправился обратно. Причём во время рекогносцировки, раскинув руки, я бегал, делая вид, что летаю, быстро перебирал ногами, делая виражи с наклонами и жужжа губами – имитируя рёв мотора. Такие гуляния могут навлечь подозрения охраны, сомневаюсь, что она настолько не компетентная, должны быть наблюдатели, что обязаны выявлять таких интересующихся ими, как я. Всё же это серьёзный военный объект, и партизаны в Южной Корее имели место быть, как и нападения, редкие, но бывали. Поэтому и приходилось, открыв рот, смотреть на взлетающие самолёты, потом пытался догнать их и, раскинув руки, делал вид, что играю так, сопровождая настоящие самолёты. Немного юродливо вышло, получился отстающий в развитии парень, но никакого интереса в результате ко мне со стороны аэродрома не проявили. Или не было интереса, как и наблюдателей, или моя маскировка помогла. Теперь не знаю, что и думать. Надеюсь, что всё же последнее имело место быть и я хороший актёр. Никогда не играл на сцене, но в жизни приходилось. Да вся жизнь по сути игра. А так прохожие, которые мне за время наблюдения встречались нередко, удивлённо смотрели на меня, другие с лёгкой брезгливостью, как на сумасшедшего, но никто не подходил и не мешал, так что нормально я пронаблюдал. Все меня видели, и никто не обратил внимания. Так и надо.

Так же имитируя полёт, руки-крылья были раскинуты, я добежал до окраин и дальше уже изображал обычного весёлого мальчишку, что даже подпрыгивал, шагая, настолько его переполняла радость и энергия. Пару раз я проверился насчёт слежки, как мог, так и проверялся, но вроде никто мной не интересовался. Зашёл я в ту же лапшичную, она работала, несмотря на то что уже стемнело. Горели фонари снаружи и внутри. Взяв заказ, в этот раз пибимпап – популярное блюдо, состоящее из риса, овощных салатов, тонко нарезанного мяса, перцовой пасты кочхуджан и сырого яйца или яичницы, – устроился за столиком снаружи, под тентом, и приступил к ужину. Никто мне не мешал, хотя лапшичная и была полна, даже ко мне за столик, попросившись, села парочка. То ли супруги, то ли возлюбленные, молодые совсем. Поев, я ещё сходил за напитком, в этот раз чёрный или зелёный чай не стал брать, решил обойтись юджи – это корейский фруктовый чай, и сладкой булочкой из рисовой муки под названием тток, вкусно было. Только после этого я направился в гостиницу, к себе в номер. Завтра нужно посмотреть окрестности города, поискать подходящие места, где можно посадить самолёт ночью. Не буду же я угнанный мотоцикл под носом у южан в салон закатывать? Значит, будет аэродром подскока, угоняю, сажаю машину там, загоняю мотоцикл в салон, нужна доска, чтобы это сделать, в одиночку я его не подниму, и, привязав в салоне, взлетаю и лечу к нашим. Всё это делать лучше всего ночью. Такой план у меня был. Понимаю, что это на пределе наглости, но мне нужно вернуться ярко, чтобы не подумали, что меня завербовали и так возвращают. Хотя допросы у особистов и контрразведки наверняка будут. Уверен на все сто процентов.

* * *

Потянувшись – от долгого лежания в неудобной позе затекла спина и мышцы, – я стал медленно двигаться к нужному самолёту, очень медленно. Несмотря на то что стемнело совсем

недавно, уже упала на аэродром полная ночь, он всё же был достаточно ярко освещён, да ещё как раз у ангаров, куда мне и нужно. Тут и стояли все три транспортных самолёта, что имелись в наличии на аэродроме. Это было их место стоянок, боевые чуть дальше были. Один самолёт знакомый. «Дуглас», тот, что С-47. Ещё два однотипных «бичкрафта» восемнадцатой модели. Поначалу издавдалека я их принял за «локхиды», внешне они действительно были похожи, но эти две машинки чисто военные с башенками стрелков в корпусе.

При этом каждую ночь один из «бичкрафтов» улётал и возвращался только днём. Я четыре дня живу в Тэги, успел сделать множество дел и отследить такие рейсы у этих лёгких транспортных самолётов. Причём я отметил, что на рейсе работают два транспортника, по бортовым номерам определил. Получается, это рейсовые самолёты, пока отсутствует один, другой стоит в ожидании. Как я рассмотрел, загружали на борт в основном разные мешки, бывало, пассажиры имелись, а случалось, и без них улётали. Кстати, пассажиры в основном европейцы. Вот я и решил, раз рейс ожидаем, значит, угнать самолёт проще, никто не заволнуется, не будет дёргаться. Нужно лишь незаметно оказаться на борту и спрятаться, если это вообще возможно. Дальше беру в плен экипаж, заставляю сесть в нужном мне месте, загружаю всё, что нужно, и лечу к нашим. Кстати, загружать есть что, я укатил у полицейских аж три мотоцикла и два велосипеда. А что, есть возможность, пользуюсь этим. При этом ничуть не стыжусь. Пусть войны нет и это по сути своей кража, но я настолько настроился, что будут воевать в этих краях, что уже на всё вокруг смотрю как на трофеи. Всё это спрятал там, где и была найдена мной подходящая площадка. Да и нашёл, когда опробовал мотоцикл на ходу и катался по окрестностям. Спрятал там первый, отогнал и укрыл остальные. Доску, кстати, тоже нашёл и подготовил.

Добравшись таким путём до одного из ангаров – приходилось маскироваться из-за прожекторов, я быстро встал, отряхнувшись, тут уже стена скрыла, и, спокойно выйдя, козырнул идущему навстречу офицеру. У меня на голове была форменная кепи, а на ногах онучи, в которых ходят местные солдаты, то есть на ногах сандалии, выше обмотки. Купил на рынке Тэгу вместе с армейским ремнём, а комбинезон и так мой. Пройдя к самолёту, я стал демонстративно проверять его, убранные колодки, механик только что закончил осматривать аппарат и ушёл доложить. Открыв дверь, я забрался в салон самолёта и закрыл её за собой. Нагло? А по-другому никак, машина стояла в освещённом пятне, и подозрительные действия или движения обязательно привлекут внимание, а тут один из членов команды с лентой проверил машину и сидит в кабине, ожидая второго. Так что если придут ещё двое, второго примут за пассажира или стрелка. Я долго обдумывал, как тут поступить, и вот такая идея мне показалась самой жизнеспособной. На сам аэродром, мне казалось, попасть было проще, так и вышло. Я ещё часов в шесть вечера проник на базу, воспользовавшись грузовиком, что из прачечной в городе возил чистое, стирание белья, так и заехал, закопавшись в мешках, и вылез на базе, укрывшись у складов, спрятался среди пустых бочек из-под топлива. Надышался парами, чуть до головокружения дело не дошло, но ничего, ветерок освежал, хотя жара и донимала. Вот так дождался темноты и проник на борт воздушного судна. Теперь осталось ждать.

Голоса я слышал минут через двадцать, с момента как спрятался в самолёте. Всё верно, как и в прошлые дни, тютелька в тютельку. В салоне стояло два ящика, правильно расположили, чтобы центровку не нарушить, и шесть мягких мешков. Два, судя по всему, с почтой, так на боку написано было, остальное непонятно, но внутри точно бумага, плотная, в блоках. Я их пощупал, когда накрывался, чтобы понять, что за груз в транспортнике. Ха, а я ведь даже не знаю, по какому маршруту он летает, от этого зависит уровень топлива в баках, если недалеко, то полные они просто не нужны. Хотя, думаю, до Пхеньяна всё равно хватит. Я так лежал под двумя мешками и слушал, как пилоты, это были корейцы, устраиваются в кабине и, запуская моторы, переговариваются с диспетчером. Наконец я почувствовал, что самолёт начал движение на бетонную полосу, а потом начинает разгоняться. Это было для меня сигналом. Откинув

осторожно мешки, стараясь не делать резких движений, чтобы лётчики не засекли боковым зрением мои движения, кабина хоть и имела переборку перед грузовым отсеком, благо пассажиров сегодня не было, но дверь оставалась открытой, зафиксирована в этом положении, и я видел правое и левое плечи лётчиков и увенчанные шлемофонами головы. Если один слегка повернётся, то сможет увидеть меня. Вот этого я и опасался. Так что я приготовился и, как машина оказалась в воздухе, рванул к кабине и резко, одним движением руки выдернул штекеры шлемофонов из гнезд и закричал им:

– Не дёргайтесь, я захватил ваш самолёт!

При этом продемонстрировал зажатую в руке гранату, а также вытащенное из неё предохранительное кольцо. Скобу я удерживал пальцами. После этого, пока те изумленно тарачились, ударил свободной рукой, в ней только кольцо было, пилота в плечо, крикнув:

– Вернись к управлению!

Что тот и проделал, продолжая поднимать машину в небо. А я сначала снял с них шлемофоны, хотя и так лишил возможности сообщить на землю, что случилось, а потом сам, не доверяя лётчикам, вытащил из кобуры оружие. С пилотом легко вышло, удобно кобура висела, у второго лётчика была прижата к сиденью и борту, не дотянуться. Это был штурман. Пришлось приказывать ему опустить одну руку и медленно достать пистолет. Я уже вернул предохранительное кольцо в гранату, убрал её в карман и, взведя пистолет пилота, это был «браунинг», неплохой пистолет, держал пленников на прицеле. А вот штурман медленно извлек револьвер, знакомая машинка, видел уже такой, тоже британское оружие, «Вебле» называлось. Забрав револьвер, я дальше очистил карманы лётчиков, точнее, они сами, а я потом дополнительно обхлопал, не забыли ли что. Лётчики были не в комбинезонах, а в форме офицеров, причём штурман сидел в одной майке, китель его висел за спинкой. Документы я у них тоже забрал, как и планшет у штурмана, с полётной картой внутри, и с удивлением узнал, что маршрут проложен на военный аэродром, находившийся на Окинаве, где располагалась американская флотская база. Так вот куда они летают с такой периодичностью. Да, ремни с кобурами я у них тоже забрал, слегка подосадовав на себя. Надо было сделать это с оружием внутри, не пришлось бы давать возможность штурману подержать в руках револьвер, что было рискованно. Ладно хоть тот не рискнул, я пообещал, что отпущу их живыми, если пообещают выполнять все мои требования, дал им этим надежду.

Дальше велел пилоту разворачиваться, указав на карте, куда лететь, и спросил у штурмана, есть ли у них сигнальный пистолет. Обычно они имеются у разведывательных самолётов, корректировщиков и таких транспортных. К счастью, и тут такой был, так что, поглядывая на пилотов, я прошёл в двери, и когда мы долетели – визуально опознал местность, – пустил вниз осветительную ракету. Это в помощь пилоту, и велел идти на посадку. Вернувшись в кабину, я словами пояснял, откуда лучше заходить, а какой ветер откуда дует, пилот и так чувствовал. Ну, и показал, где совершить посадку, чтобы хватило поля для неё.

К счастью, сели спокойно, и дальше пилот, осветительная ракета уже начала гаснуть, ревя моторами, подкатил самолёт к месту, где у меня стояла укрытая техника. После чего развернул машину.

– А теперь поработаем, – довольно сказал я, когда двигатели смолкли.

Те молча смотрели на меня, неяркое освещение кабины это вполне позволяло, поэтому я продолжил:

– Значит, так, аккуратно, чтобы я видел, расстёгиваем страховочные ремни, потом так же аккуратно расстёгиваем пряжки парашютов, и встаёте по очереди, сначала штурман, потом пилот, и оставляете парашюты на сиденье штурмана, после чего все вместе идём к выходу.

Когда те проделали все процедуры, что я велел, а лётчик ещё и обесточил самолёт, подсвечивая фонариком – трофеем от штурмана, – я открыл боковую и единственную дверь и, ски-

нув лестницу, первым спустился на землю. После чего и остальных вывел. Когда те оказались снаружи, я пояснил специально для них, чтобы так не нервничали:

– Значит, так, как и обещал, я вас отпущу живыми и здоровыми, но сначала вы мне поможете. Почти добровольно, если это вообще возможно под дулом пистолета. Значит, так, у меня там в кустах заброшенный ветками груз, его нужно переместить в салон. После этого я вас отпускаю, а сам улетаю. Мне ваши жизни не нужны. Прежде чем приступить, я хочу узнать, что у вас за груз.

– Мы не знаем, просто возим, – угрюмо пробормотал пилот. – Вроде документация, но в сопроводительных документах значится «почта». Наш борт раз в два дня доставляет примерно такое количество груза, иногда пассажиры из советников бывают.

– Почта в таких количествах? – откровенно скептически протянул я. – Что-то я сомневаюсь... М-м-м, ладно всё равно по весу вроде входим, оставим. Значит, так, сейчас нужно подкатить к самолёту три мотоцикла и два велосипеда из тех кустов. Поставим доску и закатим транспорт внутрь. Его нужно разместить так, чтобы он не мешал центровке. Вы умеете это делать?

– Я умею, – снова подал голос пилот.

– Я тоже умею высчитывать вес, буду подстраховывать, так что приступим.

Под моим присмотром вся техника была освобождена от веток, и когда я случайно лучом осветил мотоциклы, то штурман удивлённо воскликнул, узнав расцветку:

– Так они же полицейские?

– И что? У меня полицейские семью расстреляли, вернее с их участием. Это компенсация.

– Ты Пак Мун Хо, тот, что угнал самолёт у курсантов, – опознал меня вдруг пилот.

– Да, это я, довольны? Не стоим, работаем. Нечего время тянуть, если вы думаете, что нас заметят издалека и кто-то прибежит на свет фонарика, то разочарую, не будет такого, место защищённое. Работаем.

На самом деле я не был так уверен, сказал это, чтобы подстегнуть обоих к работе. Они сначала по одному мотоциклы укатили к самолёту, потом велосипеды, не забыв и доску с моими вещами. Я их сюда привёз, забрав из гостиницы. Дальше мы работали в салоне, освобождая его для дополнительного груза. Закатали сначала два мотоцикла, поставили их сразу за кабиной по бортам, тут страховочные ремни были, закрепили их. Так же и с третьим мотоциклом, между двумя первыми как раз вошёл, хотя из-за тех двух ящиков он еле пролез, а велосипеды на ящики положили. Я проверил, просто прикинул на глаз, вроде вес нормально уложен, если и ошибся немного, то не сильно. Такие ошибки влияют на пилотирование, оно может усложниться и довести до авиакатастрофы. Но это если совсем груз неправильно уложен, а так вроде всё в порядке.

– Ну, всё, уходите, – махнул я рукой, в которой был пистолет, револьвер находился за ремнём, заткнул его туда, чтобы была возможность быстро извлечь. – Вы мне больше не нужны, и ваши жизни тоже. Давайте-давайте.

Те стали медленно отходить спиной вперёд, явно опасаясь выстрела в спину.

– Да бегите уже! – рявкнул я, и те мгновенно растворились в темноте, только майка штурмана мелькнула метрах в пятидесяти светлым пятном, да потом пропала.

Я же, закинув доску в салон, а что, пригодится, забрался, убрал лестницу и с трудом закрыл дверь. Не было возможности сделать это силой, чтобы захлопнуть, и стал по грузу ползти к кабине. Там сел в кресло пилота, надел шлемофон, планшет и так у меня на боку висел, и, включив массу, запустил по очереди оба мотора. Те тёплые, мгновенно схватились. Включил прожектор – самолёт был заранее развёрнут пилотом по моему приказу, впереди полоса, – и начал разгон. Несмотря на полную загрузку, хотя грузовую марку, по моим выкладкам, мы не перешли, да и пилот это подтвердил, я оторвался от земли – тяжело взлетать с

подобной почвы, хотя её и сложно назвать мягкой – и стал поднимать транспортник выше, до пятидесяти метров, постепенно забирая влево.

Повторять свой подвиг по пересечению границы я не собирался. А подвигом его называли северяне, офицеры сильно удивились, что я смог перелететь её. Обычно там по любому звуку стреляют, зенитки не исключение, очередной вооружённый конфликт начался, но видимо, мне тогда просто повезло. Но, как я уже говорил, повторять этот опыт мне не хочется, сейчас доберусь до побережья Жёлтого моря, и там до Пхеньяна над водами моря рукой подать. Поглядывал на карту, я подсвечивал её время от времени фонариком, тут были отмечены все аэродромы южан, чтобы не вылететь на зенитки, всё же на бреющем летел, метров сто, тут холмы сплошные, ниже нельзя, врежусь. Однако вот, наконец, внизу стали серебриться волны моря, отлично. Отлетев от побережья километров на сорок, я сделал правый поворот и направился к столице северян.

Лететь я старался над землями южан, постоянно меняя маршрут. Это на случай, если засекут несанкционированный полёт и, подняв ночные истребители, попытаются перехватить. Вот чтобы не навели на меня, и менял его. Пусть ищут в одном месте, а я буду в другом. Оттого же и опознавательные огни не зажигал, мне они ни к чему. Над водами океана я снизился до тридцати метров, и так и летел к своим. А когда осталось совсем немного, включил рацию. Нужную волну я уже настроил, было время, и, выйдя на канал, на котором обычно у нас работает полк, стал вызывать. Дежурный радист обязан быть на месте, всё же крупная авиационная часть. Так и оказалось, ответили сразу на мой запрос.

– Земля-четыре. Земля-четыре, ответьте Чиж. Приём.

– Земля-четыре на связи. Приём, – с заметной заминкой ответил радист. – Подтвердите статус.

– Подтверждаю, я Чиж, я возвращаюсь, ребята. Прошу подготовиться к встрече, иду на новом трофее, зажгите посадочные огни. Как поняли? Приём.

– Вас понял. Ждём. Приём.

Минуты две летел я спокойно, вот-вот должен показаться Нампхо, а там и Пхеньян, внизу промелькнуло грузовое судно, когда я услышал вызов:

– Чиж, ответьте Земле-четыре. Приём.

– Чиж на связи. Приём.

– Подтвердите статус. Приём.

Вот в этот раз голос был явно другим, не принадлежащий дежурному радисту, причём знакомый, но никак не могу опознать его.

– Я Чиж, подтверждаю. Приём.

– Чиж, какого цвета твой велосипед? Приём.

– Земля-четыре, цвет синий. Повторяю, цвет синий. Приём.

– Чиж, подтверждаю. Чиж, велосипед найден, он в порядке. Приём.

Только тут я понял, что говорю с начальником особого отдела нашего полка. Как я его сразу-то не узнал, видимо сказались статические помехи при радиопереговорах, искажали голос. Так что ответил я почти сразу:

– Земля-четыре, вас понял. Велосипед не нужен. Земля-четыре, как поняли? Велосипед не нужен. Дарю. Земля-четыре, подтверждаю, дарю. Земля четыре, лечу на транспортнике, у меня ещё есть. Три с моторами. Как поняли? Приём.

В ответ послышалось шурушание с плохо различимым смехом, и, немного погодя, особист снова появился в канале:

– Чиж, я Земля-четыре. Вас понял. Когда ждать? Сообщите курс. Приём.

– Обхожу с запада столицу, буду через две минуты, просьба осветить полосу и прислать солдат для охраны, я не пустой. Как поняли? Приём.

– Чиж, я Земля-четыре, вас понял. Ждём. Приём.

– Я Чиж, принято.

С некоторым облегчением откинувшись на спинку пилотского сиденья, я довольно улыбнулся. Хоть встречать будут, совершать посадку под дулами зениток как-то не хотелось, а тут действительно будут ждать. С учётом того как у нас накрутили охрану, могли бы и пальнуть. А Чиж – это действительно мой позывной, меня так назвал тот майор, кстати, Арсений Пермяков, я был похож на эту птицу, взъерошенный был, когда из кабины «лавочкина» вылезал после тренировочного показательного боя, в первый мой день у северян. Так и прилепилась, и теперь мой позывной даже был отмечен в журнале полка. То есть он был закреплён за мной, а вообще Арсений был мастером давать позывные, и среди корейских или китайских пилотов считалось высшим шиком получить от него такой. Причём некоторые из них в этом были несколько излишне настойчивы, так появились позывные Прилипала, Дай-дая, Надоеда или Зуда. Не скажу, что они расстроились, даже скорее гордились.

Обходя столицу, я рассмотрел посадочные огни аэродрома, где взлетало несколько истребителей. Видимо, дежурное звено. Ну, это и понятно, я бы тоже подстраховался, чтобы прикрывали сверху, так что, включив посадочные огни, включив прожектор, скорость я уже и так снизил, с ходу пошёл на посадку. Я специально обходил столицу с этой стороны, чтобы без разворота зайти на посадку, подкатиться к административным зданиям и ангарам, с другой стороны только поле было и позиции зенитчиков.

Посадка прошла штатно, несмотря на сильный боковой ветер, и, ревя моторами, я стал заворачивать к встречающим, отдельно стояла группа офицеров. Немного: дежурный, особист, ещё кто-то, от жилого квартала военного городка торопилось ещё несколько человек, ну и два отделения солдат было. Так что когда я нажал на педаль тормоза и самолёт встал, после чего заглушил двигатели, то встречающие пошли ко мне. Два механика тут же стали стопорить самолёт, а то его под ветром стало качать. Парусность-то солидная. Ещё и немного покатился назад, пока я снова на тормоз не нажал. Поставленные под колёса шасси колодки прекратили это. Сам я, не обесточивая самолёт, включил подсветку, отстегнулся и, сняв шлемофон, забрался на груз, пополз к выходу. Там, потянув за ручку, снаружи её не было, не открыть, распахнул дверь и, ухватившись за протянутые руки, ловко покинул самолёт и встал на ноги.

– Когда ты говорил о грузе, я не думал, что его будет столько, – удивился лейтенант и заглянул грузовой отсек. – Ага, а вон и мотоциклы, зеркала заднего вида вижу. Не соврал.

– А то, – кивнул я, снял планшет, перекинув ремешок через голову, и протянул его особисту. – Тут карта с отметками, документы пилотов, а также мой рапорт с показаниями очевидца, кроме самого угона самолёта, его потом опишу, сейчас спать хочу. Вторые сутки без сна. Валюсь.

– Хотя бы на словах сообщи, что в самолёте? – отводя от лишних людей в сторону, попросил тот.

– Я его с грузом захватил, самолёт направлялся на американскую флотскую базу на Окинаве. Что за груз, пилоты не знали, я тоже не в курсе. На ощупь – бумаги какие-то. Ещё два ящика, но что в них, тоже не знаю. Кроме них два велосипеда и три мотоцикла, я поодиночке угнал их от полицейского участка города Тэгу, ну или где подловил. Велосипеды – это личное имущество полицейских. Они мою семью расстреляли, так что... Сейчас вещи заберу и спать. Да, один мотоцикл мой, остальные для офицеров полка, дарю. Самолёт тоже дарю. Всё, я спать, не могу уже, сейчас упаду.

– Идём, в казарме уложу. Утром с тобой хотят поговорить, звонили уже. Разведка.

– Угу.

Забрав вещи, я направился в казарму. Причём оба огнестрельных оружия, вложенные в кобуры, я, как полагается, сдал, как и гранаты. Дальше не моё дело, пусть разбираются с доставленными трофеями, есть кому.

Утром меня разбудил помощник дежурного. После водных процедур он меня сначала отвёл позавтракать, столовая ещё не работала, слишком рано, но мне сделали подобие бутербродов с чаем, после чего сопроводили в штаб, где меня уже ждали, как особисты, так и представители разведки. Рапорт мой был со всех сторон изучен, как и показания баталера-медика с углевоза, дальше интересовались подробностями выживания, а не сухими строчками рапорта, ну и угоном самолёта. Кстати, я подсказал им раздуть историю по моему похищению, и кто с этим связан, рапорт медика с углевоза придётся тут кстати. Обещали подумать. А так долго допрашивали, оставив без последствий информацию о том, что я отпустил обоих лётчиков, как и обещал. В общем, допрос был нормальный, слегка давили, но это больше дань привычке. Меня немного озадачили некоторые слова офицеров разведки.

– С такими приключениями тебе дорога в диверсанты, – усмехнулся один из особистов. Китаец, между прочим.

– Да нет, в диверсанты он не годится, да и в разведчики тем более. Смог выбраться только за счёт нелогичности действий.

– Почему это я не гожусь? – слегка удивился я.

– Тебя сразу раскроют. Слишком много ошибок. Одно напевание в душе чего стоит. Ладно на корейском, но на русском?!

Вот тут меня и озадачили, этого ни в моих рассказах, ни в рапортах не было. Однако додумать не дали, отвлекли следующим вопросом, но закладку в памяти проанализировать эту нашу беседу я оставил. Неужели та девчонка из наших? Что-то не верится. Дав мне расписаться в снятых показаниях, отправили уже в штаб ВВС. Там за меня взялись уже спецы из Союза. И главный вопрос – где меня учили? Проверка за этот месяц всех полков выявила, что никакой кореец у них обучение не проходил, а утром следующего дня, после артподготовки и авиационного налёта, северокорейские войска перешли границу и направились за отступающими южанами. Так началась Корейская война, во вторник пятого июля тысяча девятьсот сорок девятого года. И кажется, я начинаю догадываться, кто стал причиной того, что начали её на год раньше. Как-то больше нет другой версии. А я эту войну встретил на улицах Пхеньяна, помогая тушить многочисленные пожары после ночного авианалёта южан.

* * *

– Как тебе? – спросила девушка, которая отвечала за обеспечение меня жильём.

– Сейчас посмотрим, – задумчиво пробормотал я, проходя из зала на кухню.

Проверку я прошёл, не знаю, что там нашли в самолёте, но все стали бегать как наскипидаренные, я столько генералов за раз ни разу не видел, советники оживились, что наши, что китайские. Меня это краем коснулось, только поговорили, и всё, но глаза-то у меня есть. Вчера, когда я вернулся к северянам, тут было поспокойнее, и такая суета явно вызвана моим прилётом. Сегодня я до обеда был у особистов полкового и дивизионного уровня, а также общался с армейской разведкой, ну и контрразведка тоже поприсутствовала, а потом, после позднего обеда – положенный пришлось пропустить из-за интенсивных опросов и даже допросов – я был отправлен в штаб ВВС. Правда, посидел у них всего полчаса. Спецы из Союза начали вопросы задавать, кто учил да где. Мол, проверили, и не вяжутся как-то мои слова с действительностью. Ни в одном полку меня не было, была проведена тщательная проверка. Ни в секретной части я не отмечен, ни у особистов, чего просто не могло быть, потому что этого не могло быть.

Я стоял на своём, учился в Союзе, а пояснять такие моменты не буду. Хотите верьте, хотите нет. Вы люди умные, придумайте всё за меня. Насесть на меня те не успели, хотя всё явно к этому шло, в кабинет заглянул один из офицеров и забрал спецов, рванули куда-то, только пыль стояла, видимо что-то более важное, чем я, узнали. А меня обратно в полк отправили. Вот и выходит, что я и получаса у них не провёл. Врагом или шпионом меня не считали,

так что по прибытии в штаб полка я был вызван к полковнику, и там совместно с особистом они со мной поговорили. Для начала, жилища у меня нет, пристрой уже сдали армейскому офицеру, что прибыл служить в столичный гарнизон. Все мои вещи с жилища на складе, каптёр выдаст. Велосипед тоже там. Потом пообщались насчёт нападения на меня, и с чего всё началось. Для начала, группа диверсантов южан внаглую расположилась в столице. Это ими нанятые подростки укатали у меня велосипед. Причина проста, им нужно было меня спровоцировать, я даже удивился, узнав, что основанием для этого было то, что они не знали, тот ли я, кто им нужен. Проверка одного из диверсантов, одетого в полицейскую форму и прикрывающегося легендой брата мелкого сорванца, дала ясно понять, я именно тот, кто их интересует. Только в тот момент взять меня было сложно. Пришлось спровоцировать на контакт, с криками и угрозами. Честно говоря, сработало, неведомо куда пропавший кастет тому свидетель. Дальше об этом узнал особист, начал свою партию, подключив особый отдел дивизии, да было поздно, при пяти свидетелях меня ударили по голове, закинули в угнанный почтовый фургон и уехали. Дальше следы теряются, брошенная машина найдена на окраине города. А как меня вывезли, смогли понять по моему рапорту. По траве за шиворотом и в кармане. Явно в копне сена в телеге везли. А поиски по горячим следам ничего не дали. Только их прекратили, я вдруг сам выхожу на связь и возвращаюсь на очередном трофее. Информацию о похищении я принёс любопытную, но груз в самолёте был куда серьезнее. Правда, мне так о нём ничего и не сообщили.

В общем, так пообщавшись, полковник и предложил переехать в служебную квартиру. Тут на аэродроме мест не было совсем, так как нам перекинули ещё один полк и люди жили в палатках, а от палатки я всё же сам отказался. Да и не служащий я, работник, вольнонаёмный. Никто мой статус менять не собирался. Разве что восстановили пропавшее удостоверение и пропуск на аэродром. А служебная квартира была в центре столицы. Там для лётчиков выделили целый дом, с закрытым охраняемым двором для парковки личного или служебного транспорта. Дом тоже охранялся. Для меня идеальный вариант, и, подумав, я дал добро, посмотрю, там было даже несколько свободных квартир, можно выбрать. А причина такого отношения офицеров к этому дому в том, что он далеко находился. На одну дорогу час тратить приходится, да с пересадками, проще что поблизости снять. Вот семейные там свободно жили, или те, кто имел свой личный или служебный транспорт.

Кстати, по транспорту. Полковник сообщил мне две новости, плохую и хорошую. Причём особист, что подловил меня ещё до полковника, заранее посоветовал мне принять предложение комполка по транспорту. Я тогда не понял, о чём он, а сейчас, когда полковник переключился на эту тему, разобрался. Ему пришёл приказ от командующего, выкупить моё имущество на нужды ВВС. Именно так, и самолёт, и весь груз, ну кроме того неизвестного, принадлежит мне, так как северяне не подтвердят право на эту технику южанам, а мне, своему, легко. Вот у меня и собирались приобрести всю технику. С самолётом я вроде как в пролёте, но и мотоциклы солидно стоят. Хотя нет, оказывается, было принято решение выплатить мне премии за обе единицы авиатранспорта в размере трети за каждую. Ну, и с мотоциклами примерно так же, по половине суммы. За велосипеды тоже. Их уже перекрасили в мастерской в зелёный защитный цвет, сейчас сохли. То есть ничего себе я уже не оставляю, похоже, мотоцикла меня лишили, с подобным посыльным транспортом возникли небольшие проблемы, и вот его решили за счёт меня. Мотоциклы решено записать за ротой связи дивизии, а велосипеды – для посыльных полка. Вот самолёта уже не было, его куда-то на другой аэродром перегнали. Я сразу дал добро, не хочу портить отношения, и меня отправили в бухгалтерию. И тут меня обманули. Нет, серьёзно, решением командира полка все деньги будут отправлены в национальный государственный банк на мой счёт, я смогу получить деньги только после совершеннолетия, по достижении восемнадцати лет. Откроет счёт и положит на него деньги бухгалтерия, после чего мне выдадут сберегательную книжку.

Я ругался довольно долго, мысленно, но внешне недовольства не проявил, деньги мне сейчас быгодились, а то я, сидя в кабинете комполка, задумал себе джонку купить, даже на две хватило бы. Но ладно, не сейчас так не сейчас, хотя мне и понравилась мысль иметь свой передвижной покачивающийся на волне дом, это так убаюкивает. Видимо, корни предков Муна тут влияют, они тоже так жили в некоторые тяжелые времена. После оформления всех бумаг я заглянул в отдел кадров. Мне уже новенькое удостоверение сделали, забрал под роспись, пропуск тоже. После этого меня на посыльном мотоцикле, это не один из бывших моих, отвезли в центр города, где уже ждала помощница местной управляющей. На удивление молоденькая девушка с приятными чертами лица и фигурой. Она предупреждена была, позвонили, и вот встретила, оценив мой внешний вид. А я был одет стильно, в свой костюм, купленный в Японии. В казарме были сложены не только мои вещи из последнего путешествия, но и те, что на складе хранились. Ещё раз с любопытством осмотрев меня с ног до головы, она пригласила пройти по незанятым квартирам, их аж три было. Причём стоит поторопиться, скоро должен прибыть офицер, что займёт одну из них.

Дом был старой постройки, но с ремонтом. Причём при ремонте были проведены некоторые усовершенствования с перепланировкой. Мне это девушка сообщила, её звали Ван, переводится как «облако». Дом в пять этажей, кирпич, без лифта. Осмотрев все три предложения, я остановился на небольшой квартирке квадратов в тридцать, как раз для одного. Одна комната, она же спальня, кухонька, довольно большая прихожая и совмещённый санузел. Для Кореи не то что хорошо, а шикарно. В чём-то я полковника понимал, если нет возможности самому защитить работника, нужно сделать так, чтобы это легло на плечи других. Вот и выбил мне ордер на квартиру в защищённый дом. Я в принципе и не против. А прогуливаясь по квартире и ощущая босыми ногами тёплый пол из выложенных деревянных плашек мозаики, только восхищался.

Квартира была частично меблирована. Они тут были оснащены по корейским традициям и европейским, видимо предполагалось, что кто-то из советников будет жить. Себе квартиру я выбрал по европейским стандартам. Газа тут не было, отопление центральное, готовить можно на примусе. Тут можно свой использовать или арендовать. У меня-то свой был, так что не проблема. Был стол на кухне, шкаф, раковина и разделочный стол с ящиками. К обеденному столу три стула. Даже занавески на окнах имелись. В комнате кровать, тумбочка, стол с настольной ламой, стул и шкаф. В прихожей вешалка и зеркало на стене. Санузел тоже комплектный, сидячая ванна, лейка для принятия душа, унитаз, раковина и полочки. Ещё ведёрко стояло, но это и понятно зачем, для использованной бумаги, которая, кстати, отсутствовала. Балкона у квартиры нет, и окна выходили на проспект, где имелись трамвайные пути, остановка не так и далеко. Значит, шум будет, звон, но, думаю, привыкну, человек существо такое, ко всему привыкает. Обе комнаты имели большие окна и собственно были очень светлыми, что мне также понравилось.

Дав добро, я подписал, где нужно, и получил связку из двух ключей, в двери два замка было. Если потеряю, выдадут новый комплект, они находятся у управдома. Завтра, со слов полковника, у меня пресс-конференция, расскажу о неудавшейся попытке похищения и о своих приключениях, которые действительно были исключительно интересными, не во всякой книге такое можно прочесть. Послезавтра уже приступаю к работе. Моих молодых лётчиков передали другому инструктору, из советских советников, поэтому скорее всего выдадут новых. В общем, время ещё есть, стоит вернуться в полк, попросить машину и перевезти все вещи на квартиру. Так я и поступил, прогулялся вниз, осмотрел огороженный двор, где стояло три мотоцикла, один с коляской, и штук шесть велосипедов, один из которых был детский. Судя по следам, тут и машины ставят. Ворота открывал сторож, но у всех жителей дома были ключи от калитки, где можно проехать велосипед, мне его тоже выдали, надо будет на общую связку повесить. Вот так изучив всё, я дошёл до остановки трамвая и, дождавшись нужного номера,

доехал до остановки, от которой пешком было ближе всего до аэродрома. Сорок минут заняла пешая прогулка, но я добрался до места, жаль, посыльного мне выдали, только чтобы довёз до офицерского дома, быстрее бы всё провернул. А квартирка хороша, и платить мне только за коммунальные услуги, и всё.

Полковника не было, убыл по вызову командования, а дежурный без проблем выделил мне машину. Загрузив вещи и велосипед в кузов пикапа, я сел с водителем в кабину и покатиł обратно. Сторож, пожилой кореец из бывших военных, открыл ворота, позволив нам заехать, он меня помнил. Ещё бы, чуть больше часа прошло, как познакомились. Водитель сам предложил помочь, мне кажется, ему было просто интересно, как живут офицеры в служебных квартирах. Сначала я поставил в свободную стойку велосипед на стоянке, а дальше мы с водителем в два приёма подняли всё наверх. Да уж, поднакопил я барахла. Водитель уехал, а я стал всё размещать. Что в шкаф, что в буфет, это из продовольствия и посуды, грязную одежду пока бросил в санузел, в ванную, надо будет купить плетёную корзинку с крышкой для грязного белья и тазик для стирки. Да, стоит отметить, что несмотря на то что мои вещи все забрали с места жительства, действительно все, при изъятии присутствовала хозяйка, и та указала, что ей не принадлежало, но продовольствия среди вещей не было. Его и в списке изъятых не было. Ясно, что хозяйка прибрала, им там недели на две питаться. Я не возмущился, понимаю, как ей одной, вдовой, тяжело, так что сделал вид, что со списком всё в порядке, поэтому из продовольствия расставил на полках банки с консервами, пакеты и коробки с галетами и две коробки с американскими макаронами. Я это продовольствие как нашёл на борту гидроплана, так с собой и таскаю. Всего три банки использовал, да и то одну из них в качестве платы за информацию.

При этом наличные деньги у меня были. Нет, зарплату я не получал, до неё ещё три недели, денег за трофеи меня лишили на два года, значит придётся использовать НЗ. А это те деньги, в основном в японских иенах и американских долларах, которые я привёз с собой, о них не спрашивали, а я и не говорил. А когда я в бухгалтерию зашёл, мне оформляли будущий вклад в банке, книжку потом выдадут, я у бухгалтера и спросил, где можно их обменять, особо тайны не делая из их наличия. Тот невозмутимо попросил их, пересчитал, разделив на две стопки, и спокойно выдал мне по курсу местные воны. Вот так у меня и появляются наличные. Хочу отметить, что сумма получилась практически как моя зарплата, так что есть у меня деньги. Завтра после пресс-конференции скатаюсь на велосипеде на рынок, день считай свободный был, на обживание пустить можно, куплю всё что нужно. Бытовые мелочи, продовольствие и остальное. Надо посмотреть, может, на радиоприёмник хватит, тот, что стационарный на ножках. Интересно будет послушать станции южан и японцев. Да и китайцев с русскими тоже. Должно доставать. Правда, если буду покупать один только радиоприёмник, на остальное денег не хватит, видел я, сколько они стоят, в сумму укладываюсь, но я с минимумом наличности останусь. Да, серьёзный шаг к размышлению, действительно стоит подумать и решить. Да что думать, возьму, и всё, дотерплю до зарплаты, чего колебаться?

Я так обустроился в квартире, что постирал грязные вещи, натянув бельевую верёвку в ванной комнате, повесил бельё сушиться, и как раз выходил после душа, вытирая волосы, как в дверь постучались.

— Кто? — продолжая вытирать полотенцем волосы, поинтересовался я.

— Мун, это Ван.

— Извините, я после душа, ещё не одет... — в панике заметался я по прихожей.

— Ничего страшного. Как насчёт, если я загляну к вам минут через десять с бутылочкой макколли? Отметим.

Я даже замер от такой откровенности, только и смог выдавать из себя:

— Буду ждать.

За дверью застучали, удаляясь, каблучки, а я побежал в комнату, нужно прибраться, а то бедлам с въездом, да одеться, приготовиться встречать гостю. Хорошо, пол успел помыть, у корейцев с этим бзик, пол чистый – хозяин справный, грязный – и руки не подадут. А так стол накрыть нужно, те тропические фрукты, законсервированные в банках, как раз к вину будут, пусть и рисовому, можно ещё что вскрыть, чтобы стол посolidнее выглядел. Честно говоря, я ещё не встречал таких откровенных предложений от девушек. Почему та решила зайти, было ясно с её слов как день. Да я и не против, да я даже за. В общем, я успел...

Ночью меня разбудили грохот разрывов бомб, и мощный, просто чудовищный толчок сбросил нас с Ван с кровати на пол. В такие минуты, падая с высоты, особенно ценишь корейские кровати – расстеленные матрасы на полу, там некуда падать. Близкой взрывной волной выбило все стёкла в окнах, обсыпав нас мелкими осколками. Действовал я на инстинктах, схватив валявшееся на полу покрывало, вчера мы в страсти были слегка небрежны, я помог жутко испуганной Ван перебраться к стене под окном, стена несущая, тут пока самое безопасное место, и бросил покрывало на пол, чтобы лежать не на осколках. Потом, не обращая внимания на продолжавшуюся бомбёжку, отшвыривая руками осколки в стороны, пополз к вещам, нужно одеться. А вокруг было слышно множество завываний моторов, и столица Северной Кореи продолжала содрогаться от бомбёжек. Выли сирены, едва слышно хлопали зенитки, и остальное происходило, что обычно предшествует таким мощным бомбёжкам. Грохотало постоянно, похоже, по столице не один полк бомбардировщиков работал, минимум два. Хотя нет, вторая волна пошла. Откуда у южан столько бомбардировщиков? У них же вроде официально всего десяток учебных самолётов да несколько для связи?

Схватив вещи Ван, я швырнул их ей, крикнув, чтобы немедленно одевалась, и сам этим занялся. Исподнее, потом комбинезон, поверх которого застегнул ремень с охотничьим ножом на нём. Теперь обувь нужна, и не какие-то сандалии. Я добрался до шкафа, снова открыл покосившуюся створку, в которой застрял кусок стекла из окна, натянул носки и ботинки, крепкая обувь сейчас на улице предпочтительнее, ноги легче сохранить. Потом рванул на кухню, набивая в вещмешок продукты, всё что было, в сидор убрал свои вещи, включая посуду из ящичков, не забыл обе фляги. Все наличные документы отправились в карман комбинезона, тот, что нагрудный, застёгивающийся на пуговицу. Возвращаясь в зал, я был буквально вбит воздушной волной из окон в прихожую, спиной ударился о входную дверь и даже выбил её, балансируя на краю пропасти. Ту перекосило в дверном проёме. И это хорошо, потому как лестничной площадки не было, а был провал. Вниз метра два лететь на несколько торчащих среди кирпичных обломков прутьев. И пыль, вездесущая пыль, от которой тёр глаза и чихал. Осторожно пошевелившись, чтобы не рухнуть вниз, я вернулся в прихожую. Даже мимоходом удивился, как дверь-то устояла, её же взрывной волной должно было выбить? Видимо, эта волна в другую сторону пошла. А этот взрыв, что уничтожил половину дома, наверняка и сбросил нас с кровати. Тут же сморщился – о чём я думаю? Встал и, покачиваясь, пошёл в зал, состояние лёгкой степени контузии, но соображал нормально, мысли не плавали.

Подобрав с пола вещмешок и сидор, а также лежавшие тут же туфли девушки, прошел в зал и услышал истошный визг Ван. Ворвался в пыльное помещение – плохо было видно, но я смог рассмотреть, что та увидела. Ко мне в спальню забросило половинку человека, женщину, всё, что ниже груди, отсутствовало, и та была жива, царапала ногтями пол в агонии у кровати, а потом замерла. Я тоже замер от неожиданности, но быстрее пришёл в себя, с моим-то опытом. Я и не такое видел, откровенно говоря, особенно на улицах Берлина. Швырнув носу к окну, я сорвал заляпанную красным простыню, видимо несчастную бросило о стену, след остался, потом она упала на кровать и скатилась с неё на пол. Ван это всё не сразу из-за пыли рассмотрела, а когда та начала оседать, я и услышал её. Девушка, увидев меня, вскочила на ноги и, подбежав, воскликнула громко, вцепившись в меня, похоже её тоже контузило:

– Не бросай больше меня!

– Хорошо. Надевай туфли и помоги мне связать простыни и пододеяльник.

– А лестница?

– Нет, рухнуло всё. Бомбёжка к концу подошла, можно покидать дом. Чуешь, дымом как тянет?

– Мы горим?

– Да, из провала лестничной площадки идёт. Скоро пожар и до нас дойдёт. Спустимся через окно.

Пришлось поторопиться, у входной двери уже виднелись языки пламени, а дым заставлял кашлять, слезились глаза. Забросив сидор за спину, я поправил лямки, он был полон, как мячик, я помог надеть Ван вещмешок и сначала спустил её, а потом, быстро перебирая руками, спустился сам. Другой конец я привязал в трубе отопления, это и позволило мне спуститься, прыгнул на разбитые кирпичи. От дома осталось две торцевой стены – где моя стена находилась, и другая, только там сохранились остатки квартир. Из некоторых на наших глазах спускались люди, так же, как и мы, используя простыни, из других дымило и виднелся неровный свет от огня, но визуально его ещё не видно было, не успел разгореться. Похоже, тот толчок, что сбросил нас на пол, действительно был от попадания бомбы в центр дома. Чудом выжили. Я стоял у угла дома, тут были завалившиеся ворота, и, посмотрев на то место, где я оставил велосипед – лишь мягкое колесо торчало, – скривился и прокричал в ухо Ван:

– Тебе есть куда пойти?

Та поначалу отрешённо кивнула, большими глазами рассматривая разруху и множество очагов пожаров вокруг, после чего кивнула увереннее, ответив:

– У меня мама в деревне живёт.

Она ещё плохо слышала, хотя бомбардировщики уже улетели и сирены стихли. Да и зенитчики перестали стрелять. Был слышен только гул моторов в небе, это истребители барражировали, да было поздно. С той стороны, где был аэродром, полыхало зарево, хорошо видное на фоне ночного неба, такое бывает, если попадания были в склады ГСМ.

– Тебе не стоит тут оставаться!

Тут та очнулась и ответила:

– Я записана в отряд женской самообороны. Я пойду к пункту сбора, там должны быть наши, они решат, что делать.

– Хорошо. Тогда бери этот вещмешок, в нём продовольствие, я даже бутылку с остатками вина сунул, там осталось. Пригодится. Мне на аэродром нужно. Да, там в вещмешке сверху моя запасная рубашка лежит, можно использовать как материал для перевязки. Удачи.

Быстро чмокнув её в губы, я поспешил в сторону аэродрома, что было сложно с тем мусором, что покрывал улицу, даже стены были у некоторых завалены на улицу, отчего напоминали баррикады. Такое бывает при прямом опадании бомбы в дом. Обернувшись на перекрёстке, я обнаружил Ван, активно помогающую спастись жителям соседнего дома. Взять бы её с собой, но я не знал, что творится в полку, вдруг всё так разнесено, что может быть опасно. Рвущиеся снаряды и бомбы на складах, например. Лучше пусть тут будет, уже началось осознанное спасение выживших, осмотры завалов, полицейские командовали, люди какие-то, всё стало более организованным.

До аэродрома я добрался, когда уже окончательно рассвело, то есть часа за четыре. Мог бы и быстрее, но то тут, то там слышались крики о помощи, и я бежал, не мог не бежать, помогал чем и как мог, это и задерживало. Пару раз меня принимали за южнокорейского лётчика из-за комбинезона, пришлось вправлять мозги на место. А такие сбитые были, выжившие их на куски порвали. Ладно, у меня удостоверение с собой было, и многие узнавали, несмотря на разводы грязи на лице, всё-таки хорошо, что моё фото в газетах печатали. Когда рассвело,

вдруг ожили часть динамиков на столбах, в этом районе мало бомбили, часть систем оповещения сохранилась. В других местах ездили гусеничные транспортёры с динамиками, транслируя то же самое. Из них прозвучала речь правителя Северной Кореи Ким Ир Сена, тот сообщил, что за ничем не спровоцированную агрессию со стороны Южной Кореи Северная вынуждена объявить войну своему соседу и воссоединить обе Кореи в одну. Ответим агрессией на агрессию. Это я так коротко описал, тот чуть дольше говорил, очень хорошо, цепляло за душу, а потом прозвучал «Интернационал» на корейском с минимальными изменениями. Причём было слышно, что поёт хор вживую, многие голоса срываются от волнения, но от этого ещё больше цепляло за душу. Я стоял, а по щекам текли слёзы. Правда, потом очнулся и кинулся помогать людям, откапывать живых из завалов, до них огонь добирался, но всё равно речь произвела впечатление на всех. Уцелевшие жители жаждали крови, крики не смолкали. Ну, а я, выбравшись на окраины, побежал к аэродрому, обгоняя толпы людей, что покидали горевший город. Пожарные активно работали, но огня было слишком много.

Ворота у въезда на территорию части лежали, рядом было две воронки, здание штаба уже не горело, глядя на округу чёрными закопчёнными провалами окон. Среди развалин и уцелевших зданий бегали и ходили люди, не похоже на бессмысленное движение, скорее на осознанное, похоже, командование сохранилось и в принципе ситуацию на разгромленном аэродроме контролировало. Похоже, сюда высыпали бомб не меньше, чем на город. Оставался открытым вопрос, откуда у южан столько бомбардировщиков? Хотя если собрать все машины, включая бывшие японские, в кулак и устроить налёт, только на Пхеньян и на аэродром, то... Ну да, тогда бомбардировщиков должно хватить. Только акция какая-то странная, чего они добивались?

Пробежав мимо хвоста воткнувшегося в землю бомбардировщика – судя по опознавательным знакам, южнокорейского, это уже третьи обломки, что мне встречаются, все южанам принадлежали, – я уточнил у пробежавшего мимо солдата с охапками парашютов в руках, где командование, и, получив ответ, побежал в сторону столовой. Как ни странно, она единственная практически не пострадала, находясь слегка в стороне. Ну, кроме выбитых окон, которые несколько солдат уже заделывали. Раненых было мало, медики активно работали и увозили их, а вот с погибшими ещё не закончили, работали похоронные команды, я как раз пробежал мимо одно такой, из казармы с советскими специалистами выносили обгорелые тела-скелеты. Я только зло скрипнул зубами. Кто-то за это должен заплатить!

Показав часовому у входа удостоверение, я забежал в общий зал, где допрашивали южнокорейского лётчика, капитана, судя по знакам различия, и сообщил комполка, тот уцелел, хотя рука и была перевязана:

– Товарищ полковник, инструктор Пак прибыл в ваше распоряжение раньше срока отпуска, я готов получить машину и выполнить боевое задание.

– Хорошо, что уцелел, – хмуро кивнул полковник и приказал конвойным увести пленника. – У тебя как с пилотированием штурмовика?

– Отлично.

– Хорошо. От наших трёх полков практически ничего не осталось, собираем из уцелевших машин сборную солянку техники. Почти на полк набирается, лётчиков тоже. Ты слышал речь президента?

– Да, конечно.

– Наши войска на эту агрессию ответили соответствующе, это война. Сейчас направляешься в распоряжение капитана Ким Сена, он принял командование над пятнадцатью штурмовиками, что уцелели, ещё два скоро введут в строй, а пилотов для них всего одиннадцать. Получишь одну машину, я распоряжусь. Не хмурься, для истребителей лётчиков у нас преизбыток, а штурмовиков мало уцелело, в палатках накрыло.

– Есть, разрешите идти?

– Идите.

Уточнив у офицера оперативного отдела, где мне найти капитана Кима и стоянку штурмовиков, я выбежал из здания столовой и нос к носу столкнулся с особистом на крыльце. Тот шёл морщась, держась за перебинтованную голову.

– О, живой? – обрадовался тот. – Я думал, тебя накрыло, когда увидел, как центр горит. Даже пожалел, что помогал полковнику ордер на служебную квартиру тебе выбивать, думал, всё зря.

– Я везде выживу, – усмехнулся я.

– Да, а деньги твои сгорели, – покосился тот на здание штаба.

– Как будто я про них вспоминал, – скривился я. – Да наплевать, людей жалко, а ты про деньги какие-то. Лучше расскажи, что вообще происходит? Я только прибежал, попросил машину мне выдать, дать возможность воевать, а мне с ходу – в штурмовики, пилотом.

– Давай отойдём. Не будем тут стоять и мешать.

Мы отошли к курилке, где лейтенант, достав папиросу и не сразу закурив, руки у того тряслись, немного прояснил обстановку. Мы хоть к войне пока не готовы, но, ударив, сегодня на рассвете прорвали оборону южан, и сейчас готовится дальнейшее наступление. Требуется поддержка с воздуха. Противник нанёс удар только по столице и нам, уничтожив аэродром, его до конца войны уже решили не восстанавливать, всё перепахано бомбами, новейшие «миги» вместе со всеми ангарами сгорели. Да почти всё уничтожено, по ангарам и строениям бомбили да по палаткам. Дальние стоянки боевой техники практически не пострадали. Радиоузел сгорел, пользуются пригнанной радиийной машиной. Если так посмотреть, то ущерб был нанесён не такой и страшный, да, три полка перемешаны с бетоном и землёй, но у северян авиации хватало, включая приграничной, так что и без нас там сейчас активно дерутся в воздухе и сыпят бомбы на головы противника, просто решили сформировать из уцелевшей техники несколько сборных групп и отправить на фронт. А сюда, только на гражданский аэродром, перекидывают полк истребителей для защиты неба столицы. Вот такие дала. Насчёт меня тот мало что знал, да и когда полк будет перекинут к фронту, тоже. Сам лейтенант от радиийной машины только подошёл, передавал сведения, полученные от пленных. Мало их попало, рвали и поднимали на вилы как жители, так и уцелевшие солдаты, офицерам не многих удалось вызволить, помятых, но живых.

Подумав, я спросил, как так, неужели разведка проглазела такие приготовления? Это не иголку, это бревно в чужом глазу не заметить. Лейтенант успокоил, видели, что перегоняют технику с одного аэродрома на другой, концентрируя их в нескольких местах большими группами, но ничего не знали, так как даже своим лётчикам сообщили о вылете только в последнюю минуту. Несмотря на то что лётчиков с опытом ночных полётов у южан было откровенно мало, однако взлететь смогли все, как и долететь до цели двумя волнами, совершать посадку при возвращении планировалось на ярко освещённые полосы, чтобы уменьшить процент аварий. Вылет у южан получился, тут им повезло, потеряли они где-то около двадцати машин, точное количество неизвестно. Где столкнулись сами в воздухе, где наши зенитки поспособствовали, где при возвращении после сброса бомб догнали наши истребители. Южане по-умному поступили, налёт с моря произошёл неожиданно для наших, уходили бомбардировщики так же. В принципе, потери у них были не такие и большие, надо признать, эта партия была за южанами, слишком качественно всё было сделано. Особист и подтвердил, согласно показаниям пленных, задача на аэродроме – разбомбить угнанный мной транспортник, он вроде как тут должен быть. И все строения, чтобы уничтожить его и груз. Мои догадки подтвердились, косвенным виновником начавшейся войны всё же стал я. Что же за груз такой, что пошли на столь дикую акцию? Лейтенант, видя, как я задумался, опечалившись, успокоил. Война всё равно была бы, не сейчас, так позже. А Пхеньян бомбили не столько для отвлечения, сколько по предполагаемым нахождением груза. Лётчикам выдали карты города с помеченными зданиями, которые нужно обязательно разбомбить. Вот такие дела.

Попрощавшись, мы разошлись, я направился к стоянке, где лётчики и уцелевшие механики готовили машины к вылету, а лейтенант ушёл в штаб в столовой. Найдя нужного капитана, это оказался китаец, я его не знал лично, хотя вроде лицо знакомо, но аэродром большой был, три полка дислоцировалось, включая отдельные эскадрильи, видеть мог, но лично не знакомы. Так вот, найдя его, представился и доложил о прибытии в его распоряжение. Тот меня с некоторым изумлением осмотрел, узнал, сколько лет, и убежал в штаб, ничего не сказав. Вернулся минут через сорок, я как раз с сухпаем заканчивал, нам их сюда бойцы принесли со складов из города. Наши разбомблены были. Тот хмур был, отдал несколько распоряжений, мне велел принимать машину с бортовым номером «13» и готовить её к вылету. Вылет по приказу, когда, пока не известно. Да, ещё велел мне самому найти себе стрелка. Просто отлично, и где мне его искать? Тут же кого попало не возмёшь, обученный специалист нужен. Также он представил мне командира звена в звании лейтенанта с позывным Кот.

Мельком осмотрел машину, на номер её было плевать, я не суеверный, к тому же уже летал на чёртовых дюжинах, так что пообщался с механиком, что работал с соседней машиной, тот мою уже осмотрел, сказал, что та в порядке, топливо и масло в норме, боекомплект тоже. Бомбы подвешены. В бомбоотсеке две ФАБ-100 а те, что под крыльями, я и так видел, две ФАБ-250 и шесть РС132. Из кабины стрелка торчал ствол крупнокалиберного пулемёта УБТ, хотя у некоторых машин были двадцатимиллиметровые пушки. Ладно, осмотрел кабину и увидел, что парашют и шлемофон присутствовали, на сиденье лежали, потом проверил также кабину стрелка. Хм, вот тут пусто было, придётся искать.

Закрыв колпак – сидор оставил в кабине на полу, – я побежал в сторону штаба, мне лейтенант-особист нужен был. Если кто и мог подсказать, где искать нужного стрелка, так это он. С тем, что творилось на аэродроме, хотя вроде подуспокаивалось, будет трудно самому найти нужного напарника.

Лейтенанта я нашёл в штабе, за столом оперативного дежурного. Тут вообще все столы сдвинуты были, а часть вынесены. Когда я озвучил свою просьбу, он на несколько секунд задумался и сказал:

– Два дня назад на гарнизонную гауптвахту отправили за драку несколько сержантов из младшего лётного состава. Там и стрелки были. Часть вернулись, хотя и комендатуре налётом досталось, но это у кого прегрешения слабые. Двое вроде остались, драка с офицером, могут не отпустить. Сейчас позвоню, связь только что наладили.

Первая попытка не удалась, точнее в комендатуре ответили, но обоих дебоширов уже осудил трибунал, и они были отправлены в штрафную роту на передовую. Да, было сформировано две таких роты из дисциплинарного батальона. Подумав, лейтенант позвонил в школу бортстрелков в столице, вроде как ещё не было выпуска. Дозвонился не сразу, его перекидывали разным дежурным, но наконец попал куда надо. Во время этих общений тот узнал о курсах повышения мастерства, что были развёрнуты в школе ещё весной. Уточнил, есть ли там абитуриенты, и выяснилось, что да, несколько десятков военнослужащих разных частей проходили там обучение или переквалификацию. Изучали кабины разных машин. Сейчас все курсанты школы, включая этих стрелков, находятся в городе на разборе завалов.

Тот быстро договорился о срочной отправке трёх стрелков, не мне одному они нужны, после чего положил трубку. Тут со стороны стоянки штурмовиков взревели двигатели, и я, торопливо попрощавшись с особистом, побежал на стоянку. Еле успел, злой как чёрт капитан проводил меня свирепым взглядом, и смотрел, пока я надевал парашют и шлемофон, тут мне освободившийся техник помогал застегнуть, и устраиваюсь в кабине, запуская двигатель. После этого прозвучал сигнал к вылету, и начали взлетать звенья штурмовиков. Вот и моё звено начало выруливать, и друг за другом мы поднялись в небо. Взлетали с дороги, полоса была разбита, следом за нами, нагоняя, поднимались истребители. Наш клин поднялся на километровую высоту и направился к линии фронта. Куда лететь и что бомбить, я не знаю, не сооб-

щили, так что будем следовать за ведущим, а точнее, командиром звена. Мы с ним торопливо познакомиться успели. На волне, а рация настроена была, редко переговаривались командиры, но наша группа шла в радиомолчании. Вот мы пересекли параллель, ту самую, означающую границу, и командир покачал крыльями, после чего стал уводить группу в сторону Сеула. Ага, ясно, где наша цель.

В стороне шла настоящая свалка в небе, два звена «лавочкиных» повернули в ту сторону. Их отправили с земли на помощь, а оставшиеся три звена и отдельная пара, что барражировала высоко в небе, продолжили сопровождать. Внизу на дорогах стояла пыль, шли танковые и моторизованные колонны, со всех сторон виднелись многочисленные дымы, включая от горевшей техники. Вон, у моста встала колонна танков, знакомые силуэты «тридцатьчетвёрок». Рядом у того же моста стояло несколько явно брошенных танков южан, вроде два танка и три бронеавтомобиля. Их солдаты осматривали, а заметив нас, махали руками. Совсем маленькие сверху. Тут в эфире прозвучал голос командира, он сообщил несколько условных фраз, которые мне были непонятны, но явно известны командирам звеньев. Так как два звена, включая наше, отделились от группы и, ложась на правое крыло, стали уходить к Инчхону. Причём без истребительного сопровождения. Хм, тут командиры дали маху, если у нас стоит задача штурмовки порта, а это, похоже, так и есть, то заходить с него надо было с моря, опыт южан показателен, сейчас же все кому не лень знают, что летят штурмовики, и куда, и будут готовы. Все, у кого есть рации, не преминут об этом сообщить. Точно не скажу, тут поискать по волнам нужно, а рация под сиденьем, не достать, но думаю, предупреждения уже звучат.

Вот и Инчхон, и почти сразу стали в разных местах вспухать шрапнельные разрывы, но пока мы шли нормально. Тут на меня вышел командир звена:

– Чиж, на тебе зенитки, как понял?

– Принято.

Первое звено уже ложилось на крыло, чтобы ухнуть вниз, когда за ними последовали мы. Я видел в порту четыре батареи, две крупнокалиберные, одна средняя и одна мелкокалиберная пушка. Кстати, по нам ещё бил из всей артиллерии, включая зенитную, американский эсминец, что спешно покидал порт, и, к моему изумлению, первое звено атаковало именно его, сбросив бомбы. Легли они не точно, слишком сильный заградительный огонь, но одна попала в корму, к счастью, это была ФАБ-250, что хватило тому осесть и начать поворачивать к берегу, чтобы выброситься на берег. К сожалению, один из штурмовиков из пике так и не вышел, войдя в воду рядом с бортом боевого корабля. Всё это я наблюдал боковым зрением, стараясь контролировать всё вокруг, привычка истребителя. Спикировал отдельно от своего звена, их целью были склады и стоявшие на загрузке-разгрузке суда, и очередь из пушек разметал расчёты двух мелкокалиберных автоматических пушек, пустив также два «эрэса», одна ракета мимо, другая прямое попадание. Мешки и обломки одной пушки с остатками расчёта разметало по позициям. С этими двумя пушками покончено, бомбы использовать я не торопился и, выходя из пике, сделав полубочку, снова устремился вниз, в этот раз целью моей были два крупнокалиберных орудия, два других орудия этой батареи стояли в стороне. Больно удобно они для меня были, при выходе из пике ухожу свечой в небо и, снова проваливаясь, как раз вижу их в прицеле. Тут я сбросил обе ФАБ-100, что легли рядом. В орудия не попал, но легли вблизи, отчего одно было сброшено набок. Расчёты тоже пострадали, так что и эти два орудия выведены из боя. Сейчас атакую две оставшихся автоматических пушки, одна на крыше здания пакгауза была, видимо портовым краном подняли, а вторая на площади у здания правления порта, характерное такое, не спутаешь, значит, две атаки, чтобы заткнуть их. Они опасны для нас.

В эфире стоял гвалт, матерились пилоты, отдавали команды оба командира звеньев, они уцелели, хотя мы ещё один штурмовик потеряли, в этот раз из моего звена. Команды меня не касались, поэтому я продолжил атаки и с ходу уничтожил ту зенитку, что была на пакгаузе,

больно уж позиция у неё отличная была, и вроде это именно они сбили «ильюшина» из моего звена. Выходя из атаки, резко уведя машину от очереди снарядов с земли, я обнаружил под собой эсминец, так что сразу лёг на крыло и с разворотом понёсся вниз. Там зенитки били по первому звену, что заходило в третий раз на них, так что мою атаку они проморгали, а я сбросил обе ФАБ-250 как на полигоне и пустил все оставшиеся «эрэсы». Ну, с ракетами я попал, как заметил, выходя из пике и постоянно маневрируя, чтобы сбить зенитчикам прицел. Не промахнулся, всего одна ракета из четырёх ухнула в воду у борта, зато одна ФАБ попала точно у рубки, вторая в многострадальную корму, которую уже захлёстывали волны. Если ракеты вызвали мелкий пожар и заметно приглушили зенитный огонь, расчёты пострадали, то бомб эсминец уже не выдержал, к тому же попадание одной из них дополнительно привело к подрыву артпогреба, слишком взрыв был сильный, отчего эсминец, не доходя до берега, разломился, а я атаковал одну из зениток среднего калибра. Ту автоматическую мелочь, что стояла у здания правления, уничтожил мой командир звена. Она была последней в той батарее.

Тут пришло сообщение от командира первого звена, к нам шли истребители противника. Три пары. Хм, будет тяжело, но покрутимся. Осмотрелся, особенно небо, не забыв и низ, эти пары могут быть отвлекающими, а атака последовать снизу. Американцы так во Вьетнаме действовали, одни вроде как на виду, чтобы всё внимание на них, а другие приближаются складами местности вне работы радаров и бьют исподтишка. Правда, мы эту тактику тоже использовали, но при подходящей ситуации. К счастью, до Вьетнама ещё далеко, и ничего такого я не обнаружил, значит, против нас пока шесть «мустангов». При осмотре я окинул взглядом плоскости крыльев, правое чистое, а вот у левого топорщатся профилем две пробоины. Значит, не показалось, задела меня та батарея средних орудий, когда азартно была вслед. Хорошо, снаряд лишь пробил крыло и взорвался где-то выше, неправильно выстеленная трубка спасла мне жизнь. Не удивительно, что мы не подавили огонь противника. По этому порту без малого целый полк штурмовиков работать должен, а предварительно его атаковать истребители, чтобы подавить зенитное прикрытие и обеспечить почти домашнюю работу «илов». В нашей же ситуации подход, атака и отход были выполнены отвратительно, наоборот.

С некоторым интересом наблюдая, как семёрка Як-9 неизвестной части северян атакует «мустангов», срывая атаку на нас и позволяя уйти, я вёл свою машину за ведущим и размышлял. Для подобного порта два звена из шести машин действительно будет маловато. Всего-то пару складов из трёх десятков накрыли и подожгли, одно грузовое судно из десятка горело, зенитки проредили и эсминец, вон, потопили. Когда мы уходили, из воды только носовая часть торчала, за которую держались немногие уцелевшие. Эх, жаль, заход не сделаешь, чтобы пушками их накрыть. Просто не поймут, это как бить лежащего. Хотя нет, как раз корейские лётчики, или те же китайские, поймут, а вот советские нет. Да и мне тоже как-то противно так поступать. Это всё равно что расстреливать лётчиков под парашютами или беженцев на дорогах, не моё. Хотя это же американцы, тут и злости на них копить, коей у меня и так сверх меры, так что можно, но без свидетелей, не хочу, чтобы об этом знали. Мне вообще показалось, что основной целью и был тот самый эсминец, а остальные цели для отвлечения внимания. Вроде как мы бомбили, и случайно тут ваш корабль накрыли. Хотя, может, северяне и не будут оправдываться. Но то, что атака эсминца – это попытка спровоцировать его хозяев за океаном, это точно. И если так подумать и вспомнить налёт на Пхеньян, то американцы не могли не участвовать, и если наши это узнали, а они, похоже, узнали... Да, значит, и в других местах могут быть «случайно» атакованы американские корабли. Вполне в стиле корейского темперамента. Странно, что в порту не было гражданских судов Штатов, могли и их «случайно» разбомбить. А вообще ситуация с этим налётом была составлена из рук вон плохо, как будто командиру, которому прислали нашу сборную часть, мол, они в воздухе, давайте направляйте, лишь отмахнулся, наугад ткнув пальцами в разные цели, и направил туда. А так по сути случайный налёт закончился на удивление благополучно, потерей всего двух машин,

а ещё у командира первого звена проблемы с двигателем, явно идёт на последних силах, и за машиной тянется белая ниточка пара, охлаждение мотора повреждено, к гадалке не ходи. Скоро заклинит, и придётся ему со стрелком или прыгать, высота километр, или на посадку идти, а под нами пока территория южан.

При возвращении я обратил внимание на большую группу Ту-2 китайского производства, которые шли в сторону Инчхона. Ага, так мы, значит, не только бомбили порт, но и выступали как группа расчистки для бомбардировщиков? Похоже, что так. А то, что машины китайские, сразу видно, раскраска соответствующая, я такие машины у нас на аэродроме видел. Из всего полка всего шесть бомберов уцелело, ещё четыре обещали ввести в строй в ближайшее время. Так что от полка едва эскадрилья оставалась. Отметив чуть в стороне пожары, там был аэродром южан, где работало несколько Ла-11, я запросил у командира звена:

– Кот, я Чиж, имею нерастроченный боезапас, разрешите сделать заход на аэродром южан. Руки чешутся.

– Чиж, я Кот, запрещаю. Идём на свой аэродром. Как понял?

– Я Чиж, вас понял.

Вздыхнув – не дали повоевать, – я печально посмотрел в сторону чёрных столбов дыма. Там горела техника, и «лавочкины» заходили безнаказанно, добывая уцелевшую инфраструктуру, зенитки уже, видимо, подавлены, самолёты, те, что были, сожжены. В принципе, командир был прав, нечего там уже было штурмовать. Тут он скомандовал:

– Чиж, внизу колонна южан, атакуем. Один заход.

– Кот, вас понял, – мгновенно радостно отозвался я и стал следом за командиром заваливаться на крыло, а командир первого звена тянул свою машину дальше. Уцелевший ведомый его сопровождал, явно завистливо посмотрев нам вслед. Я этот взгляд буквально кожей почувствовал.

Внизу действительно навстречу беженцам шла моторизованная колонна, как будто сборная солянка. Танки, броневики, грузовики с пушками и солдатами, вот эту колонну мы и атаковали. Три наличных зенитки открыли по нам истеричный заградительный огонь на расплавленных стволах, но это не помогло. Я выбрал своей целью грузовики с пушками, явно набитые снарядами. А командир атаковал танки. Ну и зря, его пушками подбить можно только случайно, а вот артиллерию проредить куда важнее. Нашим отличная помощь. В том и отличается опытный пилот от молодого, что быстро анализирует увиденное и выбирает самые предпочтительные цели. Однако всё же в командире я ошибся, его целью был бронетранспортёр, откуда по нам била спаренная автоматическая мелкокалиберная зенитка. А вообще, как я говорил, зениток было три, две в кузовах грузовиков и одна в бронетранспортёре, вот её и расстрелял командир, зацепив ещё одной очередью штабную машину, что шла рядом, которая, видимо, и была его целью. Не только попал, но и поджёг.

Мой заход стоил южанам трёх грузовиков и двух пушек, примерно уровня наших полковых, судя по калибру. Два грузовика рванули в детонации снарядов, повредив ближайшие машины, ещё один горел и вот-вот рванёт, от него все разбегались. Детонация повредила и разбросала другие грузовики с пушками, но я их не считал, если грузовики в утиль, то пушки ещё можно будет починить. Из пике я выходил на стометровой высоте, уходя от огня зениток на бреющем, а не совершил ошибку, как командир, сразу ручку на себя, чтобы набрать высоту, пока есть скорость, вот ему и досталось. Сразу попадание от обеих уцелевших зениток. Бронетранспортёр молчал, не горел, но слегка набок скособочился.

Попадания не выявили особых заметных повреждений у Кота, по крайней мере штурмовик тянул дальше, нагоняя первое звено. Догнав его чуть дальше и пристроившись сзади слегка справа, я всё же рассмотрел, что плоскостям досталось здорово. Но бронекапсула выдержала и спасла экипаж. В отличие от меня, у командира стрелок был. Лишь полосы содранной краски были видны на бронекапсуле. Тут под нами уже наши войска пошли, поэтому командир пер-

вого звена сразу пошёл на посадку, как только нашёл подходящую площадку. Сел нормально и, открыв колпак, помахал нам руками, а от дороги к нему пара грузовиков направились на помощь, так что, покачав крыльями, мы закончили кружиться над местом посадки и полетели дальше. Пилот из второго звена пристроился к нам с левой стороны ведомым. Надеюсь, Кот знает, где наш фронтовой аэродром, и не заблудится. Надо ещё координаты записать, чтобы выслать эвакуационную машину, самолёт забрать и пилота со стрелком. А вообще, обломков от разных самолётов на земле хватало, представляю, какая тут рубка была утром. Сейчас-то час дня уже, накал воздушных боёв снизился, и по факту наши держали полное господство в воздухе над наступающими войсками да добивали последние уцелевшие аэродромы южан. Те сейчас наверняка всю уцелевшую технику перекидывали на замаскированные тайные полевые аэродромы. Должны были, если не догадаются, то советники подскажут. Так что ещё повстречаемся.

Всё же куда лететь, Кот знал. Стал уходить правее и снижаться, мы последовали за ним. Куда летим, уже и я видел. Там как раз взлетала четвёрка истребителей, «лавочкиных», и вот после них совершили посадку мы, с земли дали добро и, согласно управлению регулировщика на полосе, подогнали наши машины к капонирам, накрытым маскировочными сетями. Почти сразу подкатил трактор и стал буксировать соседнюю машину в капонир, а несколько техников подъехали на небольшом пикапе. Открыв колпак, я сам выбрался, снимая парашют и мокрый от пота шлемофон, убирая всё в кабину. Подошедший китаец, лет двадцати на вид, на плохом корейском сказал:

– Я ваш механик. Меня зовут Лю Гуанг, и... а вы без стрелка летали?

– Пришлось, не было в наличии. Мы из-под Пхеньяна, побил много, – проведя ладонью по мокрым волосам, ответил я на китайском и с помощью механика спрыгнул на землю.

– Слышал я, там была настоящая бойня.

Молча кивнув, я сразу перешёл к делу:

– Значит, так, к пушкам осталось треть боезапаса, остальное заправить, подвесить и снарядить, а сейчас идём за мной, – обойдя хвост, я подошёл к другому крылу, указал на пробоины. – Вот, задели при выходе из атаки, надо заштопать.

Заметив, что меня со стороны подзывает командир звена, я торопливо велел Лю начать ремонт, возможно сегодня ещё будет один вылет, по крайней мере моя машина должна быть к этому готова, и побежал к Коту. Подбежав, я козырнул, не зря шлемофон из кабины прихватил, и доложил:

– Товарищ лейтенант, инструктор Пак с боевого задания вернулся, разрешите получить замечания?

– Первый боевой вылет?

– Так точно.

– Что с машиной?

– Пополнить боезапас, топливо, заделать пробоину в крыле, и можно вылетать. Думаю, часа за два машину приведут в порядок... Стрелка бы мне.

– Уточню в штабе, – кивнул тот. – Я в штаб, пока ожидайте. Узнаю насчёт обеда.

Взводный ушёл, а мы с его стрелком и экипажем из первого звена отошли в сторону, устроившись в тени на траве под масксетью. Парней била изрядная дрожь, те отходили от нервного напряжения после боя, руки тряслись, а я, сидя, сорвал травинку и стал её задумчиво покусывать. Со мной ничего подобного не было, я уже подумывал к Лю на помощь отправиться, но там набежала целая толпа техников, оружейников, что стали осматривать наши три машины, уже поставленные в капониры. Кто вооружением занимался, кто повреждениями. У крыла возились, обсуждая, что делать, заплатку или просто расклепать и поставить новый, благо есть что накладывать. Тут моё внимание отвлек шум авиационных моторов. Посмотрев в небо, я обнаружил, что это были наши, сильно прореженная группа капитана-китайца,

они заходили на посадку, под все тем же прикрытием истребителей. За одной машиной тянулась лента дыма, видимо до последнего тянул. Быстро пересчитав их, я не обнаружил четырёх машин, у истребителей отсутствовал один аппарат. Похоже, задание у них было похлеще, чем у нас, раз такие потери, да и цель находилась дальше, если мы добрались до аэродрома первыми.

Парни, что лежали рядом, тоже отвлеклись на них, а я, вспомнив, что на месте стрелка лежит мой вещмешок – на это меня натолкнули действия оружейника, что решил проверить нетронутый боеприпас стрелка, открывая фонарь, – направился к нему и попросил достать вещмешок. Тот пристёгнут был ремнями, чтобы по кабине не швыряло, ну, он и подал мне его. На ходу доставая флягу, я жадно присосался к ней и, увидев такие ждущие глаза парней, протянул её им, так что фляга мигом опустела, пройдясь по рукам. Жаль, что с неразберихой первого дня войны всё так получилось, не организованно. Нас тут хоть и ждали, вон, техников приготовили, но сама организация оставляла желать лучшего. Например, где ведро со свежей питьевой водой и кружками, чтобы можно было напиться? Где простая вода, чтобы ополоснуться? Полотенца в придачу тоже? Про обед я и не говорю, хотя есть и не хотелось, завтрак ещё не переварился окончательно. Всего-то два с половиной часа прошло. Под шум вокруг штурмовики после посадки вставали к капонирам рядом с нами, я подошёл к Лю и попросил принести питьевой воды, сейчас все прибывшие испытывали острую жажду. Стресс сказывался. Тот кивнул и отправил одного подчинённого за водой, а я вернулся к нашим.

Тут прибежал взводный из штаба, выдал мне и пилоту из первого звена листы бумаги, велел написать рапорты по вылету и, доложившись капитану, увёл его с собой, а мы остались ждать. Я у него уточнял, машину за севшими на вынужденную уже отправили, эвакуируют вместе с самолётом. Вдохнув, достал из планшета огрызок карандаша – а у меня планшет был, тот самый, добытый ещё в гидроплане, тот, что со штурмана транспортника снял, я нашему полковому особисту со всем содержимым отдал – и, устроившись на крыле как столе, стал писать рапорт. Строки быстро и привычно ложились на сероватую бумагу, а рядом стоял пилот из первого звена, младший лейтенант, между прочим, ждал, когда карандаш освободится.

Лю, заметив затруднения пилота, дал ему свой карандаш, достав из нагрудного кармана, так что тот стал писать свой рапорт рядом. Закончил я быстро, так что когда подошли командиры, протянул его Коту, который убрал их в свой планшет и сообщил, что наша очередь в столовой третья, а это через час, пока можно отдыхать. Было скучно, а у меня в планшете имелись чистые листы бумаги, так что, устроившись в тени и бросив рядом шлемофон, почему-то все лётчики и стрелки за редким исключением из командиров носили шлемофоны, несмотря на жару, то ли гордясь этим, то ли причисляя себя к так называемой элите. Подумав, я отнёс его и повесил на штурвал в своей машине и, вернувшись к крылу, стал описывать замечания по налёту и штурмовке Инчхона. Тут не столько показать, что я видел и что осознал, хотя это тоже присутствовало, а больше проанализировать вылет, найти слабые и сильные стороны. Между прочим, помогает. Да, тут указаны ошибки как в планировании, так и в самом налёте, но на ошибках учатся, что я тоже отметил, боевой опыт – дело наживное.

Тут меня и нашёл лейтенант, подкрался со спины, из-за шума работ с крылом и не заметил его, так что даже вздрогнул, когда вдруг возникла чужая рука со спины и взяла пару листов с уже написанным анализом и разбором ошибок, а я заканчивал на третьем листе, и стал читать. Лейтенант-то у меня корейцем был, корейский знал. Быстро пробежавшись по первым строкам глазами, тот забрал и третий лист, я его как раз закончил, и, убирая в свой планшет, сообщил: – Обед готов, идём.

Вдохнув, я убрал оставшиеся пару чистых листов в планшет и, сунув следом карандаш – трижды его подтачивал перочинным ножиком, пока писал, – закинул сидор в кабину своего аппарата, прихватив только флягу, воды хочу набрать, заспешил следом за лейтенантом, который ушёл уже далеко. В сторону столовой редкими группами потянулись лётчики и стрелки нашей группы. Догнав командира, к нам и остальные присоединились, мы заняли места на

лавках за длинными столами под навесом, тарелки уже стояли, и разносчик разлил суп с лапшой, я в нём нашёл и кусочки рыбы и мяса. Нам давали по две порции с лепёшками, потому как второго не будет, закончилось. Поели нормально, даже чай был, кипяток. Разносчик по моей просьбе сбегал к бочке с питьевой водой и вернулся с полной флягой. У меня она была японской, а ту, что на гидроплане нашёл, сунул в вещмешок, что отдал Ван, пригодится. Прицепив флягу на ремень, после обеда направился обратно к стоянке. Пока нам ещё не выделили место для отдыха, поэтому будем находиться там. А вообще нам пока планировали поставить палатки, как подвезут их, да и то на одну ночь, завтра, скорее всего, перебазировемся на бывший военный аэродром южан. Слышал это во время обеда, слух такой среди лётчиков ходил да кухонной прислуги.

Где-то через час меня позвал Лю, ремонт закончен, самолёт заправлен, боекомплект пополнен – в общем, пора принимать машину, что я и сделал. Едва успел закончить, техники переключились на другую машину, как подошёл капитан Ким Сен. Выслушал мой доклад о готовности вылететь – машина в порядке, сам отдохнул – и тут же указал на стоявшего рядом паренька в обмундировании северокорейской армии, по синим погонам с тремя полосками – ефрейтор ВВС. Неужто наконец стрелок? Так и оказалось, капитан представил его, сообщив, что тот зачислен в мой экипаж, и велел знакомиться и готовиться к вылету, и ушёл. К нам тут же подошли командир звена и его стрелок, знакомиться.

Пареньку было восемнадцать с половиной лет, полгода из которых тот учился в школе бортстрелков. То есть мне прислали неоперившегося бойца, только-только из школы, без опыта. Зато звание имел, пусть ефрейтор, а я, вон, вообще инструктор. Познакомились быстро, его звали Ли Чхан Пок, родом он был из Сеула, но семья переехала до разделения в Пхеньян, где и осталась. При бомбёжке та пострадала, и тот горел отмщением. Смущаясь, сказал, что узнал меня и горд, что попал именно в мой экипаж. Нормальный парень. Показав нашу машину, я сразу велел ему готовиться. Уточнив, когда тот ел – оказалось, утром, – сразу отправил в столовую, а висевший на плече вещмешок с личными пожитками убрал пока в кабину, мой-то сидор в кабине пилота лежал. Ну, и обратился к командиру, для моего стрелка необходимы парашют и шлемофон, чтобы мы могли подготовиться к возможному вылету, всё же в нашем аппарате было переговорное устройство. Пока стрелок был занят, тот сам отправил меня к замполиту местного полка, к которому нас временно приписали, получить необходимое. Двадцать минут, и тот подготовил требуемое, я больше скажу, узнав, что стрелку полагается пистолет, потребовал и его выдать. Тот и парашют не хотел мне отдавать, расписаться в получении-то должен сам ефрейтор, но оружие выдаст только лично ему. Вот мне, как ни странно, оно не полагалось, тут нужен личный приказ комполка. Сходяв за Ли, я привёл его на склад, и тот всё получил, оружие в том числе. Сам я, сбегав в штаб, написал просьбу выдать мне оружие, ее завизировал дежурный, после этого направился к стоянке, там уже запускали моторы самолётов. Похоже, мы получили задание. Опять я с этими побегушками не успел узнать, куда летим, мне сообщил Ли, который устраивался в кабине, проверяя, как ходит пулёмёт. По его словам, он ему хорошо знаком, в школе у них был такой, как учебное пособие. Изучили от и до, да и пострелять приходилось на полигоне.

Застегнув ремни, я покосился на Лю, стоявшего у правого крыла с нашими с Ли вещмешками в руках, и, проверив связь, тут же велел стрелку, параллельно выводя машину следом за аппаратом лейтенанта на полосу и начиная взлёт:

- Чхан, отключи шлемофон, чтобы нас в канале не было слышно.
- Готово.
- Тишина в эфире, – тут же отреагировал радист полка.
- Какое задание?! – пришлось кричать, иначе не слышно друг друга, мотор ревёт.

– Штурмовка колонны противника на дорогах, другой группе штурмовать артиллерийские позиции! – прокричал тот в ответ. – У нас дорога, сначала тяжёлыми бомбами, потом «сотками», третий заход ракетами и пушками.

– Ясно. Надевай шлемофон, дальше общение только по делу с разрешения, сейчас радиомолчание.

– Так точно.

В этот раз нас было восемь, причём ещё на земле штурмовики были разбиты на пары, я числился ведомым лейтенанта и держался за ним. Линию фронта перелетели нормально, шесть истребителей нас сопровождали. Вторая группа, всего пять машин, ушла в сторону, где по заявке наземных сил должна была атаковать несколько артиллерийских батарей. А наше дело – подкрепления, что подходили к стабилизировавшемуся фронту. Точнее, это наши встали, из-за растянувшихся коммуникаций, тылы, отставшие ждали. Летели мы недалеко, разведчик, что висел в небе, дальше навёл нас на две колонны. Две пары ушли дальше, а наши оставшиеся две пары стали пикировать на колонну, шедшую к фронту. Это был дивизион крупнокалиберных орудий, которые буксировали тяжёлые тягачи. Штурмовка прошла без затей. Сначала пара оставшихся с нами истребителей спикировала и повредила одно орудие из пятипушечной зенитной батареи, что сопровождала дивизион, пилот второго истребителя по своей цели позорно промахнулся. Истребители, выйдя из захода, готовились повторить, их задача не дать зенитчикам помешать нам штурмовать. Те действительно не сильно помешали, так что, проходя вдоль колонны, мы сбросили ФАБ-250, накрывая технику, та и так уж встала, удобно бомбить было. Одна бомба у меня легла точно между трактором и тяжёлой гаубицей, даже, как показалась Ли, что об этом докладывал с полным восторгом в голосе, попала в станину, отчего разрыв разметал их. Вторая легла на обочине рядом с трактором, отшвырнув его и положив гаубицу набок.

Штурмовик изрядно потрянуло, достала взрывная волна от бомб, сброшенных командиром, что летел впереди. Что-то мы с ним излишне снизились, чтобы точнее положить бомбы. За нами занималась штурмовкой вторая пара, она тоже могла пострадать, если действовала так же безрассудно, как и мы. Поднявшись после захода повыше, я услышал приказ лейтенанта, именно он командовал группой:

– Работаем по зениткам. Использовать ракеты.

Да, истребители плохо справлялись с подавлением зенитного огня, поэтому приказ командира звена была вполне разумным. Тот атаковал одну, я другую, и последнюю, третью, сожгла вторая пара, так как четвёртую зенитку вместе с грузовиком подожгло и уничтожило наше прикрытие. Так что, закончив с зенитками, мы стали спокойно атаковать остатки дивизиона. Сбросив «сотки», тут я, к сожалению, особых результатов добиться не смог, разве что перевернул одну машину со снарядами, но те не сдетонировали, и поджог грузовик с бочками, видимо горючими. Потом мы стали делать заходы, используя при атаках пушки. Все тягачи и трактора уничтожили, где подожгли, где разбили, ну и часть колонны обеспечения подожгли и рассеяли. Разгром колонны сложно назвать полным, но мы её остановили надолго. Шесть-семь пушек из двенадцати наличных точно уцелело, пришлют другие транспортёры и продолжат буксировать, но эта задержка всё равно нашим войскам на руку. Да и кто сказал, что мы оставим этот дивизион в покое? Может, и не оставим.

Возвращение прошло благополучно. Правда, поначалу тревогу подняли, заметив точки в стороне, но это оказались наши истребители, возвращались с задания. С нашего же аэродрома, именно к их полку мы приписаны. Пусть и временно. Те раньше успели, скорость-то выше, пришлось нам покрутиться в стороне, ожидая, пока те сядут, а потом и мы пошли на посадку. Да, вторая группа, что штурмовала артиллеристов у передовой, уже была тут, я это сверху отметил. Тут при посадке и произошла трагедия на наших глазах. Дежурная пара, что барражировала над аэродромом, вдруг начала стремительно пикировать, и тут внезапно из-за

сопки вылетели два «мустанга» и попытались атаковать нас. Пара прикрытия сорвала атаку, но от неожиданности один из пилотов, что уже почти коснулся полосы, дёрнулся, и машина, задев крылом землю, пошла кувырком. Во все стороны полетели плоскости, крылья, хвост, обломки лопастей винта, дальше кувыркалась одна бронекапсула. Ведомый его, что шёл следом, едва успел дать газу и штурвал на себя.

Наша пара уже приземлилась и катилась к капонирам, так что о трагедии мне сообщил стрелок, который всё видел. Остановив машину у нашего капонира, я постарался побыстрее выбраться из кабины, наблюдая, как со всех сторон к разбившимся бегут люди, а ведомый, ревя мотором, делает повторный круг для захода. Пока Лю помогал нам снять парашюты, донёсся радостный крик, что лётчики живы, помяты, но, что странно, не пострадали. Бросив парашюты на крыле, мы побежали к бронекапсуле. Спина Ли, как и моя, была мокрой от пота. Последний четвёртый штурмовик уже приземлился, только чуть в стороне. Тут уже работали медики, пострадавшим помогли вылезти, и теперь осматривали. Те стояли, покачиваясь, и обводили всех стоявших вокруг немного ошарашенными взглядами, пока ещё не придя окончательно в себя. Правда, медики их всё равно забрали для более глубокого и тщательного обследования. Бронекапсулу отбуксировали в сторону, а обломки стала убирать аэродромная служба. Аэродром активно работал, нужно освободить полосу. Кстати, один «мустанг» прикрытия сбило, а второй ушёл.

Дальше мы вернулись к самолёту и помогли вручную закатить машину в капонир, да и соседям тоже помогли, как и они нам. Дальше осмотрели аппарат. Похоже, попадание под близкий разрыв авиабомбы всё же сказалось, были вмятины и несколько мелких пробоин. Лю с помощником занялся штурмовиком, нужно ещё и боезапас пополнить, включая пулемёт стрелка, тот тоже бил из него, когда я выходил из пике. По машинам в основном. Пока мы писали рапорты по вылету, Лю сообщил, что за время нашего отсутствия пришла машина с имуществом и нам поставили две больших палатки, советовал идти поскорее, занять лучшие места, так что, забрав вещмешки, мы и пошли. Командир с рапортами ушёл к капитану Киму, а мы с его стрелком отправились, а чуть позже и сам лейтенант подошёл. Успели занять, одни из первых были. Я не успел обустроиться, только матрас на койке расстелил и, открыв сидор, хотел достать вещи, как пришёл посыльный, меня вызывали в штаб.

Переглянувшись с лейтенантом, тот тоже недоумевал, я убрал сидор под койку и быстрым шагом покинул палатку, направился к зданию штаба. До наступления темноты ещё часа четыре, можно успеть совершить ещё один вылет, но не думаю, что рядового лётчика, скорее даже простого инструктора, вызывают по этому поводу. Тут что-то другое, да и мой рапорт на выдачу личного оружия тоже вряд ли стал причиной этого вызова. Ладно, сейчас узнаем, чего гадать. Посыльный передал меня дежурному офицеру, и тот сопровождал в кабинет комполка. Аэродром не полевой, стационарный, считай вся инфраструктура тут была. Налёт на него сегодня утром был, но его отбили, так что практически расположение не пострадало, что и позволило пользоваться зданием штаба в прежнем режиме.

Дежурный, заглянув в кабинет, сообщил о моём прибытии, после чего велел мне проходить, а сам отправился по своим делам. – Товарищ подполковник, инструктор Пак по вашему приказу явился.

Кроме самого комполка, было ещё несколько офицеров, которых я видел впервые. Хотя нет, один офицер знаком, начальник оперативного отдела, он мой рапорт визировал по выдаче личного оружия.

– Заходи, – буркнул тот и, подняв несколько листков, в которых я опознал свой анализ сегодняшнего налёта на Инчхон, потряс ими. – Ты писал?

– Отсюда не вижу, товарищ подполковник. Вроде мои.

В течение десяти минут комполка выкладывал всё, что думает о таких наглецах, как я, пусть и знаменитых, и известных на всю Корею, которые смеют указывать опытным и уважае-

мым командирам на их ошибки, ну и всё такое прочее. На мои слова, что на ошибках учатся, про анализ, тот не обратил внимания, после чего, успокоившись – пошедшее красными пятнами лицо стало выглядеть неприглядно, – сказал, садясь обратно на стул:

– Вот что, мне такие умники не нужны в полку. Да и возраст твой тоже играет роль. Значит, так, чтобы через полчаса духу твоего не было в расположении полка. Всё ясно?

– И куда мне? – растерянно пробормотал я.

На что полковник внезапно снова взорвался. Если сложить и скомпоновать всего его слова, то получается, что ему всё равно, куда я пойду, но чтобы в расположении меня не было. Покинув кабинет, я задумался, как-то всё так сложилось, словом не опишешь, только междометиями. Дождавшись начштаба полка, я попросил выдать мне бумагу. Как я по тылам пойду, первый патруль остановит. Тот, видимо, чувствовал некоторую вину за командование в отношении меня и без разговоров провёл к себе. Там по всем правилам и оформил мне бумагу, что я уволен со службы в связи с возрастом, мне было пятнадцать лет. Поставил отметку о моём участии в боевых вылетах. Печать полковую и роспись тоже поставил. Более того, выдал бумагу на суточное довольствие для меня, нужно получать сухпай на складе.

Вот с этими бумажками в руках я и вернулся в палатку. Лейтенант, узнав, в чём дело, быстро ушёл, а я стал собираться. Увольнительную убрал в карман к остальным документам, меня в полку всё же начали оформлять, сразу после первого боевого вылета, забрали удостоверение инструктора, но выдать ничего не успели, раньше выгнали. И удостоверение не вернули. Так что, прихватив бумагу на выдачу питания, я под сочувствующее сопение стрелков и других присутствующих лётчиков в палатке, что отдыхали, сходил на склад. Там и получил всё, что требуется, и убрал в сидор. Тот и так полон был, но сухпай влез, а именно: три завернутых в вощёную бумагу лепёшки из рисовой муки, банка рыбных консервов и пачка печенья. Это весь дневной рацион в сухпае. Покосившись на кладовщика, что всё это выдавал, я завязал горловину и, забросив вещмешок за спину, вышел со склада, направляясь к палатке. Нужно попрощаться со всеми, а то как-то неправильно, не по-людски. Тут и Ли, у которого был первый боевой вылет, и Лю, наш механик, да и командиры тоже. Всего за один день, а столько успели сделать.

В палатке меня встретило гробовое и несколько угрюмое молчание, тут и капитан Ким был, сидел на моей койке. Он и пояснил, что уже ходил к комполка, пытался уговорить оставить меня, описывая, как я воевал, и говоря, что с моей аналитической запиской полностью согласен, но был отказ. Лётчиков и так хватает, малолетки за борт. Это я от себя мысленно добавил, к тому же капитан и сам считал, что я слишком мал возрастом для таких дел, и был согласен с решением подполковника. Он лишь не хотел терять хорошего результативного лётчика, признавая мои умения, на что и указывал. Ничего, я так ему и сказал, что не расстроен, но душой кривил, конечно же. После этого попрощавшись со всеми, обнявшись, сходил со стрелком на стоянку, где работал Лю, тот уже в курсе был, тоже попрощался и направился... в столовую. А что, ужин объявили, тем более капитан Ким сам позвал, чего голодным уходить. В столовой меня и нашёл посыльный от подполковника, дождался, пока я поем, и сопроводил с территории части, это ему из штаба приказали, чтобы я тут не остался, не спрятался. Сочувствующих-то хватает. Ну, вот и всё, впереди пустая дорога, позади первые боевые вылеты, а я за бортом.

Обидно? Да, чёрт возьми. Ведь если так посмотреть, я только-только успел вскочить на подножку уходящего автобуса под названием боевая авиация, и не успел закрепиться, последовал вопрос, есть ли у меня билет, а за «нет» получил удар локтем под дых и покатился по брусчатке, а автобус удалялся, и его никак не догнать. Таких автобусов тут хватает, но слишком сложно на бегу открыть плотно закрытые двери. Надеюсь, вам понятна моя аллегория? Однако всё же попытаться стоит, я вообще редко вот так просто сдаюсь. Теперь стоит подумать, что делать дальше. Оставив КПП полка за спиной, я спокойно уходил по дороге к дальнему пере-

крёстку, там вблизи трасса была, и колонны шли одна за другой, надеюсь, мне удастся поймать попутку. Если что, деньги есть, те самые, за обменянные доллары и иены. Всё же потратить я их не успел.

Шагая, я размышлял. Тыл для меня закрыт. Как ни крути, но спецы про меня не забудут, это в прошлый раз легко отпустили, что-то их отвлекло, думали, куда я не денусь, а тут бомбардировка, однако всё равно разговор будет. Слишком те заинтересованы загадкой, кто меня учил. Их тоже понять можно, выучили меня, обучат кого другого, врага, например, да на секретной технике, надо пересечь, вот и будут со мной работать, пока не узнают, где находится та часть, которую они так интенсивно искали этот месяц. Зачем самому к ним идти? Конечно, после тюрьмы и американской базы я крепкий орешек, и пытки выдержу, хотя и сомневаюсь, что до этого дойдёт, но я слишком непонятный, а таких не любят. Значит, тыл закрыт для меня. Пока пойдём за наступающими войсками, если части перебазируются туда, то может, удастся к кому пристроиться. Если подполковник так говорил, что я довольно известная личность среди лётчиков, значит, так и есть, вот и попробуем поиграть на этой известности. Ладно, не дадут боевую технику, поскриплю зубами, но смирюсь, но хоть тот же связной или транспортный мне можно доверить? Можно же найти своё место на этой войне. Даже если не получится в какую авиачасть устроиться, то в пехоту на крайний случай. При этом ненависти к южанам у меня особо и не было, так, удовлетворение от хорошо сделанной работы, американцы, к сожалению, в этой войне пока не участвуют, кроме того эсминца, потопленного нашей группой, и пары ещё, как я слышал от парней. Не мы одни по звёздно-полосатому флагу потопались.

Выйдя на перекрёсток, я перешёл на другую сторону, вышел на дорогу, что уходила дальше в сторону передовой, и поднял руку. Колонны и отдельные машины шли сплошным потоком, покрывая меня и обочину клубами пыли и вонью выхлопных газов, но никто не торопился останавливаться. Стоять на месте надоело, так что я пошёл дальше по обочине от перекрёстка с поднятой рукой, но видимо, водителей так заинструктировали – не останавливаться, вдруг диверсант, что шли, не обращая на меня внимания. Тут я заметил, что вдали, а от перекрёстка я отошёл солидно, сворачивают в сторону расположения полка две машины, легковушка и грузовик. Далеко, но вроде европейцы в машине были, их издали узнать можно было. Тем более один светловолос. Перебежав на другую сторону, я побежал на поле, а надо мной с рёвом заходили на посадку пара «лавочкиных». Подобравшись поближе, я достал из сидора бинокль, трофейный, и стал изучать КПП. Ну точно, те самые спецы, что начали мой допрос в одном из кабинетов здания штаба ВВС страны, но не довели до конца. К гадалке не ходи, за кем они приехали. Вся злость на подполковника мгновенно испарилась. Нет, всё же тот мужик, настоящий офицер, всё правильно сделал, а не гнида узкоглазая, как я раньше думал. Встречаться с этими типами мне хотелось меньше всего.

Убрав бинокль обратно, я отполз назад, уходя за складку местности, потом вскочил и рванул обратно к дороге. Если спецы узнают, что меня только что выгнали, могут и начать поиски. Те же посты и патрули известить, значит, уходить нужно, а лучше уехать. Оно так как-то быстрее будет. Тем более скоро ночь, позволит скрыться. Да уж, и путь в Союз мне теперь заказан, выпотрошат и выбросят оболочку. В Союз я смогу отправиться только в одном случае, если буду под другим именем и, что уж говорить, легендой. Притворюсь китайцем. Есть варианты, так что в Союзе можно будет устроиться, но Пак уйдёт в небытие, а останется мой псевдоним – Ли Си Цин.

Добежав до дороги, я нагло встал на ней и поднял руки, тормозя машину, по-другому они как-то не останавливаются. Из кузова грузовика выглянуло несколько солдат, и я даже застонал от досады, увидев у них повязки патруля, а офицер, что сидел в кабине, улыбаясь, выходил наружу, его явно развеселила ситуация. Пока грузовик отгоняли на обочину, чтобы не мешать очередной подходящей транспортной колонне, тот проверил документы. Тут из кузова

выглянул с наушниками на голове радист, длинный хлыст антенны в кузове и так было видно, и сообщил:

– Товарищ лейтенант, ориентировка только что прошла нашим кодом. Разыскивается Пак Мун Хо, пятнадцать лет. Одет в зелёный лётный комбинезон армии противника, с сидором и ножом на боку. Есть словесное описание.

Лейтенант, что изучал мои документы, те самые, выданные в штабе полка час назад, заулыбался ещё шире.

– Да, парень, что такое не везёт, это про тебя, – после чего, пока боец, что его страховал, разоружал меня, нож снял и сидор забрал, крикнул радисту: – Передай, что задержали, и наше местоположение!

– Велели ждать на месте, – почти сразу ответил тот.

Я лишь горестно стоял под прицелом двух автоматов, между прочим, бывших японских. Машина со спецями подъехала быстро, легковая, грузовика не было, из неё вышли двое советников, показали документы и забрали меня со всеми вещами и документами. После этого патруль отправился дальше, а меня, устроив на заднем сиденье, стиснув с двух сторон, повезли в противоположную сторону. Если никуда не свернём, то эта дорога выведет к перекрёстку, где была прямая дорога до Пхеньяна. Не свернули. Но доехали или нет, не помню, сморило меня, да и усталость двух боевых вылетов сказывалась, та же ночь бессонная, так что я уснул, мысленно махнув рукой, будь что будет дальше.

Ночью меня будили, видимо приехали куда нужно, дальше меня, мало что соображавшего, завели в какую-то палатку и, подсвечивая фонариком, уложили в койку, я даже раздеться смог, после чего, накрывшись лёгкой простынёй, спокойно уснул дальше. А проснулся я от мощного пинка в бедро, что сбросил меня с койки, и истошного вопля мартовской кошки:

– А ну брысь отсюда! Это палатка для женщин!

– Иди к чёрту, – пробормотал я по-русски, пытаюсь выпутаться из простыни, будучи уверенным, что меня не поймут, но ответ получил мгновенно, причём голос был как-то уж больно знаком:

– Сам козел!

Наконец выпутавшись, я посмотрел на красавицу, что стояла передо мной в одном белье, и мы одновременно возмущённо выдохнули:

– Ты-ы-ы!

Первым всё же сориентировался я, брякнув, что в мыслях крутилось:

– Ты меня преследуешь, что ли?

В ответ та, запрокинув голову, захохотала. Надо сказать, и это запрокидывание головы, и хохот смотрелись очень красиво и естественно, но я отчего-то подумал, что та этому долго тренировалась. Отхохотавшись, а я уже сел на койке, сложил простыню, та ответила:

– Нужен ты больно. А я так и думала, что ты Пак. Ты в душе на русском пел, красивая такая песня, жалобная. Про то, как она вернётся, что она тебе заменяет солнце, и ты наденешь ей колечко на палец.

Тут я чуть не смутился. Это была единственная современная русская песня, которую я слышал за двадцать четыре года. На американской базе, пока у меня брали анализы, зазвучала на латышском радио эта песня, и я её прослушал до конца, а потом долго крутил в голове, запомнив на всю жизнь. Она мне очень понравилась, как свет в оконце. Можно сказать, один из факторов, почему я держался, а не сломался под опытами, как остальные.

– Угу, и ты в одном белье была, – решил я отвлечь красавицу, да и тема позабавила. – То мне больше понравилось, чем то, что сейчас на тебе, армейское.

– Обойдётся, – фыркнула та, как кошка. – Мы как вернулись, сразу о тебе доложили, и ты через пару дней появился.

– Ну, вот пазл и сложился... Ладно, тебе чего от меня снова надо, а? Отстань уже от меня, я спать хочу.

– Ты. В. Женской. Палатке, – печатая слова сообщила та.

Кстати, говорила на чистейшем русском языке, и я теперь более чем уверен, что девочка из Союза. Вот только что она тут делает, в шпионские игры играет? И кто только её надоумил, кто подтолкнул на скользкую дорожку?

Осмотревшись, я пожал плечами и пояснил:

– Куда меня ночью занесли и положили, там и спал. И вообще, на входе не написано, что она женская.

– Я тут, значит, женская, – сделав холодный тон, ответила та. – Иди отсюда.

– Вот вечно ты так, – пригорюнился я. – Нет чтобы приобнять, обогреть, всё пинаешься. Генералов своих южнокорейских пинай.

Увернувшись от очередного пинка и не обращая внимания на то, как та замерла, глядя на меня, я подхватил вещи и в одних трусах выбежал наружу. В руках у меня только комбез был и обувь, остальное куда-то делось. Отобрали, сволочи краснопогонные. Снаружи я быстро осмотрелся, не понимая, где нахожусь, длинными рядами тесно друг к другу стояли ровные, можно сказать, идеально ровные ряды больших взводных палаток. Посмотрев в обе стороны улицы, увидел тупики, но не выход. И где это я? Однако отойти от палатки мне не дали, часовой, что стоял у входа, так и сказал:

– Не велено.

– Чего не велено?

– Ничего не велено.

– А если ничего не велено, то велено не вelenого. Получается, что велено, так?

– Так, – вынужденно сказал солдат, тупо глядя на меня.

– Ну, я пошёл.

– Стой! Не велено покидать палатку, – быстро пришёл тот в себя и, сняв с плеча винтовку, загнал меня обратно в палатку, где, свернувшись в клубок, вся дрожала на моей койке красавица. – Чего это с тобой? – с недоумением спросил я, устраиваясь на пустой соседней койке, и, надев майку, стал надевать комбинезон.

Та подняла голову, и я увидел её смеющееся лицо, со всхлипами та сказала:

– Иди отсюда, велено не велено.

– А, веселимся, ну понятно. Сейчас обувь надену и уйду.

Надев носки, без них ноги в этих ботинках преют, потом сами ботинки и завязав шнурки, направился к задней стенке палатки. Жаль, ремня не было, как сняли с ногами, так и сгинул, как и сидор. При этом остальные мои вещи и мелочёвка, включая перочинный нож, оставались на месте, да и деньги тоже. Странный арест какой-то. Подойдя к задней стенке палатки, я попытался поднять край. Получилось, можно протиснуться.

– Это куда это ты намылился? – с подозрением спросила хозяйка палатки. Мы с ней продолжали общаться на русском.

– Ты такая же женщина, как и все. Женская логика во всей красе. То пшёл вон, то куда намылился. Не видишь, что ли? Ухожу я. На передовую рвану, попробую устроиться в какой полк, а если нет, то в пехоту. Надо найти тех, кто отца убил, месть – она такое блюдо, подаётся холодным. Найду.

Девушка тут же закричала, перейдя на корейский:

– Часовой, тут побег!

Я уже почти вылез по пояс, когда меня схватили за ноги и в четыре руки, предательница помогала, затащили внутрь, на что я и сказал на корейском, чтобы все поняли:

– Сволочи.

– Идите, – скомандовала та солдату, а сама, устроившись на койке, стала одеваться. – Откуда ты знаешь про генерала?

Вопрос прозвучал как бы между прочим, но мне показалось, что её это очень интересует. Часовой уже вышел, вот она и нарушила тишину. Разве что скрип койки раздавался, на которую я лёг, подложив под голову правую ладонь. Смысла скрывать я не видел, поэтому ответил, дирижируя указательным пальцем левой руки:

– Видел вас, сначала в машине, где засада была, а потом в селе, где вы обжимались. Меня от вида, честно говоря, чуть не стошнило.

– Подожди, – нахмурилась та, замерев с юбкой в руках, которую не успела надеть. – Ты был на месте засады?

– Ну да. Наткнулся на солдат, думал, настоящий патруль, а они меня убить хотели, как других крестьян в яме. Я понял по голосам из кустов, что тут засада и меня в живых не оставят, убил обоих солдат, взял гранаты, раскидал в разные стороны и побежал через дорогу. Чуть не сбили меня.

– Там был мальчишка-бедняк, я помню его прыжок-кульбит на обочину.

– Я и был, маскировался. Вы же, гады, меня в кафе узнали. Потом после засады снова переоделся, в костюм, и на автобусе дальше поехал, а там вы у машины с генералом. Видел, как он тебя лапал.

– Это не то, что ты думаешь.

– Да мне наплевать, это ваши игры. Главное, меня в них не втягивайте, я с мужчинами целоваться не буду.

Прикрывшись локтем от подушки, что та в меня кинула, услышал от неё:

– Что-то мы часто встречаемся.

– Вот-вот, с языка сняла. Я же говорил, ты меня преследуешь.

– Да ты!.. – взъерилась та, но договорить не успела, как, впрочем, и до конца одеться, в палатку прошёл один из знакомых спецов.

Они для меня обезличены были, не представлялись, велели обращаться «товарищ советник», так что кто это был, не знаю. Окинул нас весёлым взглядом, красавица тут же надела последнюю деталь туалета – юбку, и сказал:

– Я вижу, вы познакомились?

– С таким общаться себя не уважать, – задрала та нос, успев опередить меня, так что я решил промолчать, только пальцем у виска покрутил, но так, чтобы спец видел, а она нет.

– М-да, – только и промолвил тот. – Что ж, не знаю, обрадую вас или нет, но сообщу. Вы теперь напарники. Анна, он твой пилот.

– Что?! – возмущённо взревела та, на что я опять промолчал. – А других пилотов нет, не таких детей?

– Тебе самой шестнадцать, так что кто тут ребёнок, ещё подсчитать надо. Пак младше тебя на пять месяцев.

– Э-э-э, стару-ушка, – насмешливо сказал я и отбил рукой вторую подушку.

Но на самом деле я сильно удивился. Нет, выглядела девушка на пятнадцать, но я думал, что она именно старше, хотя бы восемнадцать, а это оказался подросток. Пока та молчала, уставившись куда-то в пол, я задал вопрос:

– Товарищ советник, я так понимаю, мне нужно кого-то куда-то перевезти? Почему выбрали меня?

– Ты там уже был. К тому же языками владеешь.

– Угу, – замер я на миг и тут же встрепенулся: – Япония?

– Тут не то место для общения. Собираетесь, и за мной.

Я сразу соскочил с койки и вышел следом за советником, мне собираться не нужно, уже, благодаря одной боевой наглой девице, а через минуту, нам пришлось подождать, и она вышла.

Часового не было, видимо, заходя в палатку, советник его отпустил. У девушки была сумка при себе, на рюкзак похожая, я забрал её, без возражений отдала, и мы пошли по палаточному городку к выходу. Через пару минуту я сообразил, что тут расквартированы те части, которые занимаются разборами завалов в столице, оттого тут так пусто, а также рядом ещё один палаточный городок, уже для тех, кто потерял в огне под бомбами своё жильё. И тут раздался крик:

– Мун!

Резко развернувшись, ну этот голос я везде узнаю, радостно воскликнул, разбрасывая руки для объятий:

– Ван!

И обнял подбежавшую девушку, мои спутники стояли и смотрели на это с непроницаемыми лицами. Я было смутился, хотя хотел поцеловать Ван, но не при людях же. Но та сама впиалась мне в губы. Потом отстранилась и, жадно меня осматривая, сказала:

– Я думала, ты пропал.

– Пришлось, даже успел повоевать вчера. Мстил. Я участвовал в налёте на Инчхон.

– О, про это по радио говорили, я слышала. Так ты там был?

– Мун, у нас мало времени, – напомнил о себе советник.

– Да-да, – кивнул я и, обернувшись к Ван, спросил: – Как мне тебя можно будет найти?

– Я почту напишу.

У меня бумаги не было, всё с планшетом отобрали и вещмешком, но у Ван всё нашлось, и та быстро начеркала номер почты, адрес и свои данные, после чего, чмокнув и ревниво посмотрев на мою спутницу, сказала, несколько громче, чем нужно:

– Я буду ждать тебя, любимый.

Удивлённо посмотрев на неё, я неуверенно кивнул и, придерживая сумку Анны, кажется, так её советник называл, поспешил к ним. Анна тут же зло выдернула у меня сумку и гордо пошла впереди. А вот советник, что шёл рядом, слегка склонив голову в мою сторону, негромко сказал:

– Налёт на Инчхон – это не та информация, о которой стоит распространяться.

– Подписки у меня не брали, – пожал я плечами. – Вон, по радио сообщили.

– Дело не в самом налёте, а о его участниках.

Я ничего не ответил на это, но задал свой вопрос, уточнил по личным вещам и получил ответ, что мне всё вернут, но позже. Сначала пообщаемся с начальством. На это я ответил, что пообщаться с начальством можно, но сначала неплохо было бы позавтракать, утро всё же. Тот обещал подумать. На выходе из палаточного городка стояла машина, знакомая легковушка, меня на ней сюда и привезли, мы сели в неё, Анна, продолжая игнорировать меня, впереди, и, добравшись до столицы, проехали пару улиц, где было относительно цело, въехали в более пострадавший квартал, но не там, где дом, в котором я встретил начало войны. Тут уже разобрали завалы. Но солдаты ещё работали, грузовики с мусором ездили, люди попадались. Проехали мы не много и вошли в здание, которое несколько мастеров как раз стеклили. В Пхеньяне, похоже, стало проблемой достаточное количество оконного стекла, но часть домов уже привели в порядок.

Нас провели в здание и развели по разным кабинетам. Общался со мной незнакомый специалист, похоже, операция, в которой мне придётся участвовать, полностью подготавливается и планируется специалистами из Союза. Непонятно только, что тут Анна делает, но похоже, всё крутится вокруг неё. Вот этот специалист, уточнив, действительно ли я был на острове Агуни, и получив подтверждение, пояснил. Я им нужен как разноплановый специалист, и пилот, и переводчик, Анна японского не знала, и как охранник для девушки. Не то чтобы не было таких специалистов, были, но их не было тут, а действовать нужно уже сегодня. Вылетаем на самолёте, максимально облегчённом от лишнего груза, потому как весь полезный груз будет занят топливом на обратный путь. Документы нам выправят на супругов Ли, я буду играть корейца,

Анна – мою супругу, наполовину кореянку, наполовину англичанку. Документы уже заканчивают делать. Мы граждане Филиппин, живём в Маниле, летим на арендованном самолёте в нужное место. Пилотом я буду, новенькое пилотское удостоверение – на имя Ли Си Цина, мой псевдоним спецов позабавил, и они его оставили – будет готово вот-вот. По дате, я его получил всего два месяца назад. По-другому никак, внешний вид с документами вязаться не будет. В принципе, среди азиатов встречаются такие, что долго не стареют, но перебарщивать всё же не стоит, как мне пояснил специалист. Да и супругами с Анной мы стали месяц назад. В общем, через два часа мы вылетаем из окрестностей Нампхо и летим к Окинаве, там наша цель. Пробудем там недолго, сутки или двое, это от Анны зависит. После этого возвращаемся. Вот и всё. Самолёт готов, опознавательные знаки филиппинского гражданского флота нанесены, документы на аренду у фирмы, имеющей офис в Маниле, имеются. Фирма ложная, нет такой. Акция разовая.

– Я понял, что нужно делать, но интересует сам самолёт. Может, я его не знаю? Нужно посмотреть, что за аппарат. Если неизвестен, ознакомиться, с теми, кто летал на нём, пообщаться, чтобы знать, что от него ждать. Тем более гружёный самолёт опасен вдвойне для неопытных рук.

– Я рад, что ты понимаешь степень всей ответственности. Однако ответственности у тебя будет больше, чем ты думаешь.

Я задумался на несколько секунд над словами спеца, после чего неуверенно поинтересовался:

– Анна?

– Ты правильно понимаешь ситуацию. Она должна вернуться, живой и здоровой. Если хоть царапинка будет... Ты отвечаешь за каждый волос на её голове. Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Странно такое участие с вашей стороны. Кто она вам?

– Дочь.

– Вот оно как, – протянул я, с некоторым неприятием рассматривая спеца. – И вы, отец, отправляете её на задание? Она же школьница!

– Думаешь, я этого хочу? Бывают такие ситуации, когда нет выбора. Я её многому обучил, но она ещё ребёнок, тут ты прав. Я не понимаю, почему она тебя выбрала как пилота, хотя ситуация действительно сложная, не успеваем лётчика доставить, но выбор своей дочери я уважаю, поэтому не приказываю, прошу, привези её живой.

– Сама выбрала? – удивился я. – А сама возмущалась, делала вид, что изумлена, увидев меня. Пинками гнала.

Видимо, спец об этом не знал и слегка дёрнул бровью, сообразив, что поломал игру дочери.

– А тот старик-генерал, что её лапал? – нарушил я тишину.

– Лапал? – удивился тот, по-настоящему удивился. – Хм, возможно-возможно, но это тебя не касается. Ты задание понял? – Да. Доставить девушку до определённого места, окончательную точку маршрута вы мне ещё не сообщили, постоянно сопровождать, охраняя, изображая молодых людей...

– Не перебарщивай, я этого не говорил.

– Тогда мы будем подозрительны.

– У вас два дня, не успеете подозрения навести. Правда, с твоими талантами и десяти минут хватит, чтобы все знали, кто вы и откуда, но Анна будет тебя страховать. Ты мне нужен не для охраны или страховки, Анна вполне справится за вас обоих, мне нужна твоя удачливость. Ты с таким упорством выбирался буквально из смертельных опасностей, причём с выгодой для себя, что, я надеюсь, и на Анну распространится твоя удачливость и ты её вытащишь.

– Могут быть неприятности? – насторожился я.

– Есть такое предчувствие, свербит чучка.

– Ей надо доверять, столько раз меня выручала, – став совершенно серьёзным, кивнул я. – Это хорошо, что вы сказали. Тогда придётся с обеспечением немного поработать. Я так понимаю, вы всё приготовили, вплоть до одежды?

– Конечно.

– Тогда нужен полный комплект мужской и женской японской одежды, не европейского стиля, а того, в чём они привыкли ходить. Дальше, нужны американские доллары. Желательно две тысячи, но можно одну, это на подкуп. С японцами договориться сложно, а с американцами легко. Я их натуру знаю, заплатишь – ворота базы откроют и всё вынесут, что тебе нужно. Всё зависит от цены. Деньги всяко пригодятся. Ещё нужна трость. У меня была трость с клинком внутри, пропала в квартире, вернее я её там забыл, поищите по местным антикварным магазинам или нечто схожее. Замаскированное оружие, что может быть лучше?

– Хм, – тот задумчиво стал рассматривать меня изучающим взглядом. – Интересное предложение, и... Знаешь, а дочка была права, ты необычный. Говоришь на русском так, как будто я общаюсь с обычным советским школьником. Молодой Пак вряд ли мог изучить русский язык в таком совершенстве. И на корейском ты говоришь так же, только японский, китайский и английский имеют акцент, доказывающие, что они тебе не родные. И какой же из этих двух тебе роднее?

– Оба, – ухмыльнулся я.

– Ещё ты отлично играешь мальчишку, молчи!.. Да, играешь, но иногда из тебя показывается нечто... стариковское? Ещё в тебе таится злоба, очень много, но она пока спит.

Я даже замер, похолодев. Вот это спец, с ходу, при одном общении всё сопоставил и разложил по полочкам. Что-то мне как-то расхотелось общаться с ним дальше, я натушно засмеялся и сказал:

– Вам бы романы писать. О, кстати, я собираюсь книгу написать, фантастическую. Про Корейскую войну. Написать напишу, но без помощи не протолкнуть её в печать, а я хочу выпустить её в Союзе под своим псевдонимом...

– Лисицына? – усмехнулся спец. – Вы, главное, вернитесь, а там пообщаемся. Да, ваши Сеул осадили, окружив, сегодня утром замкнули колечко.

– Приятная новость. Так, что за самолёт меня ждёт?

– Старый знакомец. «Аичи». Пришлось поискать, чтобы найти свежую машину. К счастью, у северян было четыре такие машины в ВВС, патрулировали водные границы, вот нам и выдали самую свежую. Механики её уже загружают.

– Сложная машина в управлении, а уж как она себя поведёт с загрузкой, одному Богу известно.

– Веришь в Бога?

– Верю. В то, что он есть, но не фанатично, мне хватает знания, что он есть.

– А он есть?

– Ну, я же сижу перед вами, – спокойно ответил я и тут же попросил: – Может, хватит меня изучать? Я себя под вашим взглядом молекулой на пластинке микроскопа чувствую.

– Хорошо. Времени у нас мало осталось, а вам ещё целый день лететь к Окинаве, посадка вечером должна быть, если штурман, что прокладывал маршрут, не ошибся.

– Или если ветер встречный не будет, – покивал я. – Ещё на борт нужно запасы пресной воды и продовольствия доставить. Парашюты и спасательную лодку тоже в обязательном порядке.

– Подстраховываешься?

– Знаете, есть такой анекдот. Про еврея и Бога. Слышали?

– Не доводилось, расскажи.

Мы вышли из кабинета и прошли в небольшую столовую, где уже сидела Анна, и пока я ел, рассказал анекдот, на который спец понимающе улыбнулся. Вот только глаза его были холодными.

Уже через час я заканчивал изучать подготовленный самолёт. А так я даже удивился, мне действительно предоставили всё, что я попросил, японскую одежду тоже нашли, видимо магазины перетряхнули. Чудо, размер совпадал. Спец он и в Корею спец. Дальше проинструктировав нас, мне выдали полётную карту и оружие, пистолет «Кольт». А вещи так и не вернули, пообещали по возвращении это сделать. Также меня переодели, если Анна была одета согласно восточным корейским традициям, то мне выдали обычную европейскую одежду, светлые свободные брюки, белую свободную рубашку, которую принято носить навыпуск, а также лётный японский комбинезон жёлтого цвета. Шлемофон не требовался. В кабине висели наушники. Самолёт я тщательно проверил, запускал двигатели, смотрел, как работают. Механики, что его подготавливали к вылету, явно знали своё дело. Подложные документы мы тоже получили, в том числе на аренду этого воздушного судна.

После этого Анна порывисто обняла отца, тот с явной болью смотрел ей вслед, и скрылась в салоне самолёта, забравшись в кабину через носовой люк, а меня её отец попридержал за руку, прошепав в ухо:

– Если что, я тебя везде найду, в любых концах Земли. Знай, эта операция одобрена главами двух государств, Советского Союза и Кореи.

– Да во что вы меня втягиваете?! – возмутился я. – Сами летите тогда!

Получив мощный удар под дых, я просипел:

– Я на вас отцу пожалуюсь.

– Он у тебя умер.

– Приёмный пока жив. Он, кстати, и одобрил эту операцию, и поэтому вы не нашли следов моего обучения в Союзе.

Резко взяв спеца на приём, тот этого от меня явно не ожидал, я через себя швырнул его с лодки в воду и, быстро вскарабкавшись в люк, запер его за собой и, хихикая над небольшой мезиной, пробрался на место пилота, а снаружи уже стучали, но я запустил моторы и знаками показал, чтобы отходили. Отец Анны погрозил мне кулаком, но всё же отвлёк лодку, после чего, погнав моторы, я стал разгоняться. Сидевшая на месте штурмана Анна была бледной, как полотно, уцепилась в подлокотники кресла. Положив ладонь на её руку и подивившись нежной бархатности кожи, я ободряюще улыбнулся, на что она несмело улыбнулась в ответ. Самолёт уже разогнался и, вылетев из бухты, я стал подниматься в небо, направляясь к Окинаве.

Естественно, взлетали мы не с аэродрома Пхеньяна, операция тайная, на самолёте опознавательные знаки гражданского флота Филиппин нанесены, так что на машине нас отвезли в небольшую бухту в сорока километрах от столицы, там мы изучали всё, что нам выдали, мои заказы чуть позже подвезли, и вот в назначенное время поднялись в воздух. Полк прикрытия, базирующийся у столицы, предупреждён, что в это время сюда соваться нельзя, так что поднимались выше, мы так и уходили, пока земля не скрылась за спиной. Поднявшись на пять тысяч километров и снизив мощность двигателей, переведя полёт на крейсерский и поставив автопилот, я повесил наушники на штурвал и, повернувшись к соседке, которая испуганно смотрела на самостоятельно шевелившийся штурвал, сказал:

– Я автопилот включил, самолёт сам летит. Давай поговорим о задании и о тебе. Рассказывай.

– Что?

– Всё! Что за бред с этим заданием? Я не верю ни одному слову твоего отца, если он, конечно, твой отец. Чтобы не вляпаться в неприятности, я хочу знать всё, чтобы понимать, как на что реагировать. Ну?

- С одним условием.
- Что за условие?
- Ты расскажешь о себе. Правду.
- Хм, не думаю, что наши истории равнозначны. Но я подумаю.
- Но?..
- Никаких но. Рассказывай!

– Мы летим к моей прабабушке, которая живёт в деревне Хигаси на Окинаве. Она умирает, врачи говорят, что она не проживёт и недели. Мой дедушка сказал, что пойдёт на сотрудничество, если я исполню последнюю волю его мамы, моей прабабушки. Она хочет меня видеть.

– Бред сгустился, – пробормотал я и почти умоляюще сказал: – Можно поподробнее? Жуть как интересно.

Историю Анны, как, впрочем, и мою, можно описать в книге, роман о приключениях, любви, похищении, восстановлении семьи, политике и всем остальном. Столько всего намешано, что не каждый желудок подобное блюдо переварит. Жила в городе Москва красивая девочка Анна... Хотя нет, начнём с другой стороны. Отец Анны всю жизнь был военным, разведчиком, и работал по Азии. Влюбился в кореянку и увёз её в Москву, женившись, между прочим. Мама Анны – известный детский врач-хирург, и очень неохотно её отпустила с отцом. Отец стал полковником, работает всё так же в ГРУ. В ситуации с Кореей возникла одна, скажем так, случайность, отец матери Анны занимал высокий пост в армии Южной Кореи. В общем, к нему подвели человека и сообщили, что его дочь жива, и у неё есть ребёнок, тоже дочка, его внука. Ну и начали уговаривать генерала перейти на сторону северян. Тот колебался, но решил увидеть внуку и дочь. Прилетели они, мать Анны вскоре улетела в Москву, у неё несколько важных операций назначено, откладывать нельзя, а Анна осталась, так как генерал дал согласие, а многие части были преданы лично ему, что он поможет воссоединению Кореи, тем более об этом многие мечтают, но с одним условием, если его внука навестит его мать, последняя слёзно просила на смертном одре привезти её правнучку. Не знаю, кто где ошибся, но что-то узнали или заподозрили американцы, засада сорвана, генерал ужесточил свою безопасность, а Анну решили отправить к бабушке. Возникла одна проблема, средство доставки, вот и вспомнили про меня. Анна напонила. По поводу лапаний генерала, так внука изображала любовницу престарелого ловеласа, таковы были условия игры, никто не должен был знать, кто она в действительности. Тем более в тот момент за ними наблюдали. Я видел, что слишком много нестыковок, шероховатостей в этой истории, и указал на них Анне. Та их прояснила. Смягчив свой рассказ и делая его более достоверным, я видел, что она говорила мне правду, я всё же был уверен, что не всю. Что-то недоговорила.

– А я-то думал, что серьёзное, – с досадой сказал я. – А тут правнучку Красную шапочку к прабабке отвезти.

- Ну Мун...
- Попрошу называть меня Серым волком.
- А кто та девушка?..

– Подлетаем, – сообщил я Анне и, поправив наушники, проверил связь.

В канале работало несколько станций, но в основном работали военные. На наружном канале переговаривался только один пилот гражданской авиации, держа связь с диспетчером одного из аэропортов. Правда, я не понял, какого, этого в их переговорах не было. Да обычный трёп, сила ветра, направление, ну и остальное. Как и сообщили мне перед отправлением, погода стояла замечательная, видимость сто на сто километров. Вон, Анна с каким детским любопытством с высоты рассматривала суда на поверхности океана, что нам изредка попада-

лись. А ведь трусиха, не сказала, что боится высоты, и в первое время взлёт и полёт для неё мука, а потом уже привыкает. Может, от этого такой разговорчивой и была, чтобы отвлечься.

Сейчас же сидела, отвернувшись от меня. До сих пор не простила, что я отказался отвечать на её вопросы, просто сказал, что это мои дела. И с тех пор сидит, дуется, как мышь на крупу. Лишь кивнула, когда я сообщил ей о подлёте. Семь часов без малого в воздухе, близится вечер, а до Окинавы меньше ста километров, только вот мы пока туда не полетим. Анна встрепелась, когда я заранее стал спускаться, и дальше мы летели на бреющем. Увидев вскоре вдаль островок, осмотрелись. Окинава – остров, конечно, небольшой, но не такой крохотный, как Агуни, не спутаешь, так что закончив крутить головой, вопросительно посмотрела на меня. Пришлось ответить:

– У меня тут знакомый живёт, старый контрабандист, хочу пообщаться.

– Зачем?

– Ну, он же контрабандист, – повторил я. – Все ходы-тропки знает, официальные или нет. Пообщаемся. Заодно топливо перельём в баки. Надоели эти бочки и эта вонь. Где-то неплотно крышка закрыта.

– Но зачем, как мы улетим обратно?

– Ты, конечно, извини, но ваша операция была подготовлена и спланирована как-то однобоко. Тихо прилетели, тихо улетели. Ну как мы с Манилы с этими запасами могли прилететь? Пусть даже с дозаправкой на Тайване? Нет, тут по-другому нужно действовать.

– Ты знаешь, как?

– Скорее предполагаю, а узнаю на месте. Пристегнись, скоро посадка.

Сделав круг над островом, я пролетел над бухтой, рассматривая селение. Интересно, мой прошлый «айчи» покачивался себе у пирса, видимо спустили, готовились куда-то вылететь, также в бухте стояла среднеразмерная джонка, видимо тоже принадлежавшая старому контрабандисту. Это радует, он на месте, можно пообщаться. Сбросив скорость, я отошёл от острова вглубь океана и развернулся, спускаясь, стал возвращаться, готовясь к посадке. Потрясло, конечно, но ревя моторами, моя летающая лодка подошла к берегу метрах в пятидесяти от пирса, где покачивался местный гидроплан с нанесёнными уже опознавательными знаками и номером. А приткнулся я тут к берегу по той причине, что, судя по следам, тут на берег и поднимали самолёт для хранения, или, как я предположил, для ремонта мотора, вон пятна масляные на берегу. Ну точно, ремонтировали его, и раз он на воде, значит, полностью работоспособен и готов к вылету. Быстро они его на крыло поставили.

Народ уже высыпал на берег, там я и старого японца рассмотрел, так что, когда моторы стихли, я тут же скинул привязные ремни и, сбегав на нос, откинул крышку и выбрался наружу, встав на носу покрасивее. Специально позу подбирал. Дальше бросил канат пареньку чуть старше меня, и мы привязали самолёт. Спустившись на берег, я помог Анне и, пообщавшись с местными, отправил её в номера, всё же семь часов полёт продлился. Конечно, ведро в салоне было, но номер – это номер. Анну увели две женщины, покажут, пусть и жестами, а мы со старым контрабандистом уселись в его таверне и испробовали блюда, Анна чуть позже спустилась, довольная и посвежевшая, но села отдельно, с интересом пробуя разные блюда. Японская кухня ей явно был незнакома, особенно в том, что многое полусырое. Общались мы на японском, поэтому Анна нам не мешала и сидела с задумчивым видом, пробуя разные блюда, соусы и местную горчицу под названием васаби.

Разговор пока начинался ни о чём, а поев и взяв пиалы с зелёным чаем, мы наконец приступили к конструктивному диалогу.

– Я вижу, мой юный друг, ты уже твёрдо стоишь на ногах? Очень быстро.

– О да, благодаря вашей помощи я добрался воздухом до Филиппин, оплатил сдачу экзамена на пилота и даже получил эту машину, которую неплохо знаю. Два полёта по заказу совершил, это третий, на Окинаву, да вот решил навестить старого знакомого. Тот выслушал мою

речь с невозмутимым лицом, понимая, что у меня к нему есть какое-то предложение, не такие мы и друзья. – Пути людские сходятся и расходятся, – только и сказал он. Задумавшись над его словами, я согласно кивнул и продолжил:

– Этот маршрут для меня новый. Другие пилоты фирмы, где я работаю, говорят, что американцы на Окинаве устроили настоящий террор, а мне оплатили охрану моей клиентки.

Старик посмотрел на Анну и перевёл взгляд на меня, сказав фразу, которую я не сразу понял:

– Честь воина не в том, чтобы достойно умереть, а в том, чтобы быть достойным это сделать.

– Хорошие слова, – вздохнув, сказал я. – Как я их понимаю.

– Моё сердце открытая книга, но даже такому мудрецу будет трудно её прочесть.

Несколько секунд я пристально смотрел в глаза старому контрабандисту, после чего слегка поклонился и сказал:

– Я понял.

– Я помогу, – ответил тот, прикрыв глаза. – Американцы контролируют небо Окинавы и пролёт чужого самолёта сразу заметят. Ты правильно поступил, молодой мудрец, что прилетел низко, их глаза-радары тебя не увидели. Мой самолёт имеет все разрешения летать над островом, кроме запретных зон и их баз. Получить разрешение для твоего самолёта будет трудно.

– Получать ничего не нужно, Накимура-сан, нам нужна деревня Хигаси. Мы навестим умирающую женщину, это её последняя воля, и улетим. Хотелось бы наш самолёт оставить тут, будет правильно использовать ваш, никто о нас не узнает.

– Хорошо... мёртвый ронин, – поклонился тут.

Я смутился, меня озадачила последняя фраза, в памяти Муна её тоже не было, поэтому я решил уточнить:

– Можно узнать, что означает ронин, мне это слово не встречалось?

– Мёртвый вопросов не вызывает?

– Нет.

– Понятий в ронин вкладывается много, но я имел в виду странствующий воин.

– Мёртвый странствующий воин, – пробормотал я и, посмотрев на собеседника, заинтересовался: – Но как?

– Тебя выдают глаза... Я уже приказал, самолёт готовят, через полчаса вы вылетаете. Пилот свяжется с военными и гражданскими диспетчерами и получит разрешённый маршрут. Он будет вас ждать на берегу.

– Благодарю вас, Накимура-сан, – так же глубоко поклонившись, сказал я.

Я понимал, что если сейчас предложу деньги за услугу, то смертельно обижу старого самурая, а я уже был уверен, что тот из знатного рода. Про самураев даже я слышал, что уж про Муна говорить. После этого мы поднялись с циновок и направились к выходу. Старый самурай не стал нас сопровождать, пилот уже ждал у самолёта, поэтому мы поднялись на борт, и уже через полчаса набирали высоту. Нашу машину должны были отбуксировать к опустевшему пирсу, чтобы нас дождалась. В салоне было установлено четыре кресла, и осталось место для небольшого грузового отсека, мы устроились друг напротив друга, сиденья были по бортам с обеих сторон. Пилот наверху в кабине. Так вот в салоне, когда мы взлетели, Анна пересела ко мне и прокричала в ухо:

– Что случилось? Ты такой вид имел, как будто покойника увидел. У нас проблемы?

– Нет, просто я участвовал в философском диспуте и, кажется, проиграл. Старик ткнул пальцем в небо и попал в самую суть, и он это понял, и я понял, что он понял.

– Ничего не поняла, объясни.

– Мы летим в деревню к твоей прабабушке, всё нормально. Возвращаемся на этом же самолёте и улетаем обратно на своём. Это всё. Не нужно будет изображать молодожёнов на арендованном самолёте, это подозрительно, а вот так можно.

– А старый японец?

– Думаю, проблем не будет, хотя от него можно всего ожидать. Только американцам помогать он не будет, слишком ненавидит.

– А нас?

– Корейцев? – уточнил я и, получив кивок Анны, задумался. – В свои игры втянуть может, но не более. Тут, видишь, в чём дело, когда мы подлетали к Окинаве, то у меня предчувствия стали нехорошими, аж горело внутри. В общем, неприятности нас ждали, я своему чутью доверяю, а когда решил через японца на остров попасть, пожар пропал. Так что даже если он нас обманет, ты всё сделаешь как хотела, и мы сможем вернуться. Пока не знаю, получится использовать самолёт или нет, но я найду выход. Сама понимаешь, нам нужно торопиться, каждая минута чья-то жизнь. Если твой дед упёртый, то будет воевать до конца, а так и ты обещание выполнишь, и он.

– Он уже выполнил.

– Что? – не понял я.

– Как только мы улетели, он должен был приказать сложить оружие.

– Вот прохиндеи. Отдыхай пока, у тебя тяжёлая ночь впереди.

Она без возражений ткнулась мне в плечо и засопела, а я стал размышлять. Не думаю, что старый японец нас обманет или заберёт самолёт, скорее всего попросит подкинуть груз куда-нибудь по пути, он же думает, что мы обратно на Филиппины полетим, так что там можно будет поторговаться. Да и вообще, посмотрим. Теперь по Корее, нельзя мне возвращаться. Не потому что я там кому-то нужен, сведенья те же от меня узнать или остальное, вся эта ситуация мне не нравится, чуйка снова разыгралась. Скорее всего, меня уберут как ненужного свидетеля. Вон, мы фильмы по видеомангитофону смотрели, американские, так там такое сплошь и рядом было. Неприятная ситуация. А чуйка и не думала умолкать, вон как сердце прихватывает. Да успокойся, не буду я возвращаться, верну Анну с рук на руки её отцу и имитирую свою гибель, вот это нужно сделать обязательно, чтобы меня не искали. И гибель нужно инсценировать зрелищную, на виду у всех. Стоит подумать.

Тут самолёт начал снижаться, мы, оказывается, прилетели, и сорока минут не прошло, а после разворота и недолгого скольжения по воде подошли к берегу. Тут лётчик сделал интересный финт, что меня позабавил. Он просто скинул якорь, привязав верёвку к рукоятке люка. А сам подозвал лодку, ну и нас за небольшую плату доставили на берег. Одеты мы были под японцев, на руках имели документы жителей острова Агуни, на брата и сестру, старый контрабандист помог, выправил. Ну, что ж, мы на месте, и где тут бабушка проживает? Будем искать. Пусть уж стемнело, но найдём.

Анна тут не помощник, местного языка не знала, так что, попросив лодочника помочь, пояснил ему, кто нам нужен, и узнал маршрут до нужной усадьбы. Она находилась на окраине деревни, и мы направились туда. Действительно, центральная улица вывела нас на окраину, где горели окна довольно солидного особняка. На стук выглянула прислуга, она и провела в дом. Нас уже ждали. Убедившись, что Анна попала в те руки, которые нужны, прабабка дождалась, я уточнил, где можно переночевать, и меня отвели в отдельное строение, для слуг. Будем ждать.

Три дня мы прожили в этой усадьбе, сегодня похоронили эту уважаемую, без иронии, многими женщину, главу крупнейшего клана, говорю же, не договаривали мне о многом, и после этого мы так же тихо под вечер покинули усадьбу и направились к бухте, где продолжал покачиваться на мелких волнах самолёт. На лодке доплыли, ну и вылетели обратно на Агуни. Самая важная часть операции выполнена, осталось вернуться. И почему-то мне кажется, что

это будет не так и... трудно. А Анна, Анна успела о многом поговорить со старушкой, полюбили друг друга, хотя раньше никогда не виделись, так что для девочки это стало настоящей трагедией. Плакала у меня на плече. А сейчас вроде немного отошла, хотя веки всё равно припухшими были от слёз. Анна горевала, а вот я был задумчив, ну не нравится мне всё это, особенно смущало то, что якобы прабабушка Анны была чистокровной японкой, и родственники её были японцами, не путаешь. О какой прабабке могла идти речь? Я хоть и один раз её всего видел, в первый день сопроводив Анну, но рассмотреть смог. Сейчас же истинное горе девушки поколебало мои сомнения. Может, и бабушка. Получается, на четверть Анна японка.

Нам нужно поскорее возвращаться. ООН объявила войну Корее, которая наконец полностью воссоединилась, сейчас готовят войска перекинуть на остров, где произошло восстание. Американцы это объясняют тем, что спасают бедных южан, умирающих в лагерях северян от нечеловеческих условий, хотя сейчас уже нет этого разделения. Тем более эвакуированное правительство Южной Кореи им только подпевает, официально попросив ООН о помощи, а по сути у самих американцев. Радио в усадьбе было, вот я и крутил каналы, ловил волну. Решение об объявлении войны было принято без участия СССР, его просто не пригласили. Вот так история снова возвращается к той же линии, и почему-то мне кажется, что как раз Советский Союз это всё устраивает. Им нужно закончить с созданием ядерной бомбы, и вовлечение американцев в войну, отвлечение их внимания, вполне в это вписывается. Это я так думаю.

Анна все эти три дня спала практически урывками, поэтому сразу как тряска прекратилась, самолёт оторвался от воды и стал подниматься в небо, уснула у меня в объятиях. При неярком свете освещения было видно её прелестное ушко, но как ни странно, Анну я не воспринимал как девушку или женщину вообще, вот как дочку – легко. Меня изрядно забавляли все её попытки понравиться или привлечь внимание, даже подыгрывал ей как мог, но воспринимать её как девушку я не мог. Жена мне подарила двух сыновей, но дочери не было, а я о ней мечтал. Любовался Анной как прекрасной статуэткой, богиней красоты, но она для меня просто ребёнок. Да, что она, и Ван тоже, но с последней было как-то легче. Ладно хоть с сыновьями всё в порядке, я на это надеялся. Во время перестройки они жили в России, получили гражданство Федерации, пытались мне помочь, насколько я в курсе, но им даже свидания не разрешили, только и виделись в зале суда.

Вздыхнув, я наблюдал, как пилот идёт на посадку. Да, сам лётчик жил на борту все эти дни, спокойно восприняв то, что нас придётся ждать неопределённое время. Правда, на первый день в усадьбе я встревожился, когда тот поднял машину в воздух и улетел, но вернувшись через три часа, пояснил мне – я не поленился сбегать на берег, проверить, – что летал на заправку, на местный аэродром. Я потом сутки ждал появления американцев, вдруг предупредил или ещё что, но ничего подобного не было, чужих в деревне не появлялось, да и пилот, насколько я знал, американцев ненавидел. Но ведь есть свои, своих предупредить мог, однако и с этой стороны никаких движений не было. Я же говорил, чужаки в деревне не появлялись, я специально местных мальчишек на это подговорил, чтобы сообщали о чужаках. Сообщения пошли только во время похорон старушки, многие приехали её проводить, из Токио прилетали люди. Но там все свои были вроде как.

После посадки – тряска разбудила Анну – мы подошли к берегу и приткнулись к нему. Я поднимался к пилоту, выглядывал. Точно, деревня, вон и наш самолёт стоит у причала. Как только моторы стихли, пока пилот отстёгивал привязные ремни, я прошёл к носовому люку и, открыв его, выбрался первым, подал руку Анне и помог ей покинуть салон самолёта. Дальше мы направились в трактир, нужно снять номера, темнело, хотелось выспаться не только ей, но и мне. У меня ведь последние сутки из-за этих похорон тоже ни минуты покоя не было. Я, конечно, не профессиональный телохранитель вроде того парня из будущего, из фильма «Терминатор», что мне удалось посмотреть в кинотеатре в конце восьмидесятых, но старался

соответствовать, по своему разумению. А даже позабавило, и тот из будущего, и я. Только очень надеюсь, что тут такой ходячей человекоподобной машины не будет.

Заселились мы без проблем, старый японец к нам не вышел. Разойдясь по комнатам, спокойно расположились. Ну, разве что я в душ сходил. Подождал, пока Анна его примет, шустрая, первой успела, ну а потом сам принял. Душ один на этаж имелся. А потом чёрный омут разных сновидений, и насколько я помню, снились разные ужасы, не выспался почти, по крайней мере встал разбитым. Ладно хоть тренировка помогла. Сначала в комнате занимался, потом побегал вокруг лавки. Анна, что завтракала в таверне, а заказал блюда ей я, сидела ела, те пара слов, что она успела выучить по-японски, помочь в этом не могли, уже привыкла видеть такие мои тренировки, так что не обращала внимания, а спокойно занималась трапезой. После душа – пот смыл – и я присоединился к ней. Та уже закончила и лениво тянула зелёный чай.

– Когда мы вылетаем? – сразу спросила она.

– Домой хочешь?

– Очень, там друзья, приятели. Тем более этим летом я директору школы обещала, что пионервожатой поеду в пионерский лагерь. Хотя бы на третью смену могу успеть. С дедом попрощаюсь и полечу. Дед обещал навестить меня в Москве.

– Ага, понятно. Это когда вы договориться успели?

– Когда я жила с ним, мы знакомились, общались. Потом эта ужасная война началась, и меня побыстрее отправили в Пхеньян и стали готовить полёт к бабушке, тем более родственники телеграфировали её просьбу. Ну, вот мы с тобой и полетели, чтобы остановить войну.

– Хорошая причина поспешить, – согласился я, отметив, что эти ответы не совпадают с прошлыми. Тогда рассказывала, что в Пхеньян перебралась за два дня до войны, а тут после. Завралась.

– Так, когда мы летим?

– Когда я поговорю с хозяином этого заведения, тогда и вылетим. Без этого улетать не стоит, будет дурным тоном, да что там, это будет как пощёчина главе этого поселения. Да и вежливость надо проявить, ведь он нам помог.

– А когда он придёт?

– Часа через полтора, его нет в деревне, на хуторе он. Приедет, поговорим. Идём лучше погуляем, на остров посмотришь. Я тебе с холма бухту покажу, где самолёт прятал.

– Это ведь тот самый, на котором тебя похитили? На нём нас возили на остров.

– Ага, я его местным продал, чтобы деньги получить на обратную дорогу. Жаль, он повреждён был, мотор серьёзного ремонта требовал, да и продал недорого, местные довольны были...

Разговаривая, мы стали подниматься на холм, я предварительно предупредил прислугу, что мы вернёмся через час, погуляем. За время прогулки я описал свои приключения, указал на бухточку, отсюда сверху она казалась такой крохотной, но стоянку показать не мог, густые заросли скрывали пляж, так что если бы местные сюда поднялись, они бы самолёт с холма не рассмотрели, только с открытой воды океана. То есть с лодки. Тем более рыбаки на промысел у них постоянно ходят. И сейчас лодок мало было, на рыбалке те, всё же в основном японцы именно рыбой питаются, хотя и мясо бывает, я помнил встреченных овец и коров. Кажется, они старому японцу принадлежат. У него тут на острове самая большая усадьба и хозяйство.

После возвращения в село Анна ушла в номер, а я поговорил с хозяином таверны, старый контрабандист уже вернулся, но я видел во время нашего разговора, что тот чем-то был сильно озадачен, что-то его тяготило. Он ни о чём не просил и легко кивнул, согласившись помочь, прислал людей, что подняли из салона бочки и ручным насосом заправили самолёт. Одна бочка лишней оказалась, баки полны, поэтому я подарил её, да и пустые тоже, местному хозяину, это я про старого контрабандиста. Пригодятся, тара удобная. А вообще в планах не было вытаскивать бочки из салона, заправлять самолёт планировалось ручным насосом, я его тоже тут

оставил, по возвращении спишу, и длинным шлангом. Однако дышать испарениями в салоне не хотелось, вот так аккуратно и избавился от них. Тем более теперь салон свободный, и груза никакого, лететь легче было. Я не скажу, что полёт сюда был крайне тяжёлым, но потрудиться пришлось. Сильно устал, пока летел, хорошо на этой машине автопилот есть, для подобных самолётов редкость, иначе никакой был бы при посадке, смены-то не было, а так хоть штурман сменить смог бы, так что отличная машинка мне досталась, можно сказать великолепная.

После полной заправки я попрощался со старым японцем, часов одиннадцать было дня, мы уже плотно пообедали в таверне и прошли на борт воздушного судна. Один из баркасов взял нас на буксир и развернув, отвёл от берега, где я отдал концы. После этого запустив моторы и прогрев их, пошёл на взлёт. Улетали от острова мы также на бреющем, внимательно поглядывая по сторонам. Пару раз этим утром в небе виднелись патрульные самолёты с американской базы, или истребители, что барражировали по своему маршруту, но и о радаре не стоит забывать. На острове такая установка точно была. Я не закрывал носовой люк, более того, открыл кормовой и форточки, так что, пока мы летели на бреющем, где-то около трёхсот километров пролетели, ветер, что гулял по салону, выдул все остаточные запахи бензина. После того как я начал подниматься ввысь, Анна пробежалась и закрыла люки, форточки – это уже моё. Да, и пока мы летели на бреющем, удаляясь от острова, девочка наблюдала за небом, мало ли какой патрульный самолёт будет пролетать, увидит нас, однако, к счастью, никого не было. Поднявшись на пять тысяч километров, я сходил к лежавшим кучкой вещам и расстелил одежду в виде лежанки. Всё это под подозрительным взглядом Анны. Та сидела в кресле штурмана и, обернувшись, наблюдала, что я делаю. Мы уже переоделись, я в свободного вида светлые штаны и рубашу, Анна тоже в номере трактира переоделась, так что помять эту одежду, что пригодилась нам для маскировки, было не жалко. Вернувшись в кресло пилота, сообщил ей:

– Если отдохнуть захочешь, полежать, я приготовил лежанку. Долго сидеть тяжело, по себе знаю.

– Хорошо, – кивнула та. – Спасибо.

Дальше мы летели больше молча. Анна то рядом сидела, рассматривая голубое небо или воды внизу, то лежала, играла с тростью. Та, к счастью, не пригодилась, хотя и была всё время при мне на острове в усадьбе, как, впрочем, и пистолет. Тот тоже сейчас в вещах лежал. Когда до Пхеньяна осталось километров сто пятьдесят, я рассмотрел в стороне, боковым зрением, далёкую вспышку на горизонте, а чуть позже нас догнала ослабленная воздушная волна, слегка тряхнув. Ну, поболтало точно. И так по времени уже пора было связываться со встречающими, а тут, крутя настройки, я с холодеющим сердцем по всем каналам услышал крики на разных языках. Американцы взорвали бомбу, много погибших. Пострадала Корея. В голове не укладывается. Как посмели? Как до такого дошло, ведь не было же предпосылок для этого?

Снижаясь, я стал вызывать радиста, зная нужный позывной. Перед вылетом меня заставили заучить основной и резервный каналы, по которым я должен связаться с куратором этой операции и сообщить время прилёта. Посадку совершу я там же, где мы и взлетали. Вот и стал вызывать радиста. Ответил тот не сразу, шумов и чужих переговоров на каналах хватало, включая этот, но поговорить смогли. Подтвердив получение информации, я спросил:

– Что произошло?

– Был использован спецзаряд.

– Какой город пострадал?

– Пусан. Повезло, патруль издалека заметил группу чужих истребителей, что сопровождали тяжёлый бомбардировщик, и, вызвав помощь, бросился в атаку. Погибли все, как и полк, что успел подойти, но бомбардировщик сбили. Три самолёта с корейскими пилотами таранили его. Есть очевидцы. Бомбардировщик со спецбоеприпасом упал в море в шести километрах от Пусана и сработал. Город смыло, большие жертвы... Да, прибудете, всё узнаете, а пока прекратить лишние разговоры в эфире.

Последнее радист добавил строгим голосом, видимо начальство потребовало. Я подтвердил приём информации. Также тот добавил, что нас встречают. А пока подлетали, я описал шокированной Анне, что случилось, и та ушла к лежанке, где свернулась клубком, явно переживая. Только и были слышны щелчки, она открывала лезвие клинка трости и звонко захлопывала. Видимо, это её успокаивало.

Действительно встретили, заходя на посадку, я видел на берегу грузовик с открытым кузовом, в нём бочки стояли, пару легковушек и шлюпку, что отходила от берега, когда мы уже приводнились и, сбрасывая скорость и завывая моторами, приближались к ним. Подойдя поближе к берегу, я заглушил моторы и открыл кормовой люк, тут удобнее было выбираться, но не успел я обернуться, как почувствовал боль в груди и спине. Посмотрев на лезвие клинка, что вылез из моей груди сантиметров на двадцать, я вспомнил, как любовался им, извлекая из трости. Ноги ослабли, и я повалился на пол, и единственная мысль, что у меня билась в голове, была – за что? Ведь за спиной у меня был один человек, которому я безгранично доверял. А ведь получается, меня переиграли. Я-то думал, смогу вывернуться. Главное было доставить Анну... доставил.

* * *

Глухо застонав, я пошевелился и сел. Первое, что я услышал, очнувшись, весёлые трели пичуги, но почти сразу на меня обрушилось ещё одно, то, что смогло поразить, несмотря на моё не самое лучшее состояние. Болело всё, особенно голова. А поразило меня то, что я снова видел всё то же самое, что со мной было больше полутора месяцев назад. Как будто всё повторялось. И рана на голове ныла. Откуда-то со стороны послышались знакомые восклицания, всё это под мощный рёв движка, что заметно удалялся, поэтому я постарался побыстрее прийти в себя. Русские не сдаются. Пошевелившись, я сел, рассматривая теперь свои молодые руки, грязные, пятнадцатилетнего паренька, с грязной окантовкой под ногтями. Состояние так себе было, сознание плавало, как и в прошлый раз, но я хотя бы помнил, что со мной было. Да-а-а, не с моими способностями играть с подобными зубрами. Сделал дело, и клинок в сердце. Ах, Анна, Анна, как же ты меня провела, играла всё время подростка, и ведь я поверил, а получается, ни слова правды, всё, что мне говорили, было ложью, от начала и до конца. Что ж, это будет мне уроком, смертельным, но уроком. И что это были за игры с японцами на Окинаве? Теперь уже не узнаю.

Тут голоса, что до этого звучали в отдалении, прозвучали совсем рядом, и меня, подхватив под локти, подняли на ноги, что позволило мне осмотреться и прикинуть, что делать дальше. Пока на ситуацию влиять не буду, мне нужно отлежаться, да и сознание плавало на краю, вот-вот вырублюсь. Те, кто меня окружал, были одеты до неприличия бедно и рвано, но уже привычно моему глазу, только в этот раз я не сам потерял сознание, обвиснув на их руках, ведь той лавины знаний, что обрушились на меня в пошлый раз, не было, я уже и так всё получил и знал, и даже имел изрядный опыт владения этим телом. Поэтому пришлось имитировать потерю сознания, что у меня получилось на удивление легко. Да и имитацией это сложно назвать, через полчаса, когда меня положили на моё же одеяло, я сам провалился в спасительную темноту. Это хорошо, это даст мне окончательно прийти в себя.

Очнулся я ночью, всё так же на природе, лёжа на одеяле неподалёку от костра, что подогревал мне бок. Вокруг сидели те же люди, коих я видел при первом осознании. В общем, всё привычно, всё как и было. Дальше, простонав о воде, хотя состояние у меня и было вполне неплохим, и напившись, через час после того, как покормили рисом с рыбой, после некоторых размышлений я снова уснул. В этот раз до утра.

Утром всё происходило так же, как и в прошлый раз, я забрал своё одеяло и котомку, искренне поблагодарив неизвестных беженцев за помощь, после чего направился к дороге, оставив их сидеть у костра, где готовился завтрак. Как и в прошлый раз, навязываться я не стал. Только дальше, двигаясь по обочине, практически бежал, насколько это позволяло физическое состояние. Резкие движения отдавались в голову и рану. Я должен был оказаться на месте раньше водителя-засранца, чтобы подготовиться. Да и время тратить на помывку пока не буду, не до того. А пока так торопливо шёл, снова размышлял, как и в прошлой раз на этой трассе. Первая моя попытка, я бы даже сказал эпизод, с треском провалился. Вёл себя по-дурацки, идиотом был, если уж проще. Критиковать себя так критиковать. И вот сейчас, по полочкам раскладывая все свои действия, прекрасно понимаю, что в этот раз такой путь не для меня. Грудь до сих пор болела и холодило от холодного клинка. Я понимаю, что это остаточные воспоминания прошлой жизни, так ведь болела же. Даже рубашу распахивал, думал, шрам увижу, да нет, не сказать что чистая кожа никаких повреждений не имела. Кроме пары синяков. Но это от кульбитов Муна, что уходил в прыжке от наезда грузовика. Ладно, это всё прошлое, главное, опыт получен, а то обрадовался свободе и приключениям после четверти века заключения, так бездумно себя вёл, столько раз из неприятностей выходя без единой царапинки, и так промахнулся. Теперь я по крайней мере знаю, что делать, успел обдумать ночью, после того как воды попил. Времени хоть и немного было, но расклады прикинуть успел.

Немного проясню этот момент. Моё влияние на историю было настолько явным и категоричным, что оно мне не понравилось, слишком грубо. Стал заметной фигурой, мной попользовались и убрали. Кому это может понравиться? Мне совсем даже не понравилось. А использование спецбоеприпаса американцами? По чьей косвенной вине это могло произойти? То-то и оно. Поэтому я и решил, этот год в Корее меня не должно быть, вернусь к началу войны. Например, под видом китайского добровольца. Документы буду нормальные иметь, пилотские корочки, всё, что полагается. Куда отправлюсь, пока ещё не знаю, об этом стоит подумать. Союз... возможно, но и мир посмотреть мне тоже хотелось. Всё же одну жизнь в Союзе я уже прожил, и не скажу, что последние десятилетия, когда он распался, мне так понравились.

Попутешествовать, почему и нет? У меня целый год впереди, чтобы набраться сил и стать чуть крепче. Прошлый план по физическому совершенствованию отбрасывать и уж тем более забрасывать я не собирался. Поэтому планировал пожить в Японии, в Китае, возможно в Индии, познавая их культуру. Мне лично будет это ну очень интересно. Сведу знакомства с нужными людьми. Вроде старого контрабандиста с острова Агуни, кто-то же должен помочь мне с документами? Тем более не поддельными разовыми, а чтобы настоящие были. Впрочем, разовые тоже подойдут, я ведь путешествовать собрался, а по поддельным документам будет самое то. А возможно, и нет. Я же говорю, посмотрим, пока загадывать не буду. Да и возвращаться в Корею до того, как ООН вступит в эту войну, стоит или нет, я пока думаю. А северяне и так отлично справятся, почти сбросят южан в море, захватив земли, и, если бы не американцы, всё бы у них получилось, так что будем воевать. Надеюсь, в этот раз обойдёмся без взрывов ядерных боеприпасов. Нужно, чтобы американских солдат как можно больше оказалось на территории южан, тогда не посмеют. Я на это надеюсь, хотя и имеются сомнения. И ещё одно, я рад, что мне дали второй шанс на месть и третий шанс пожить. Слишком я разогнался в первом эпизоде. Надеюсь, второй пройдёт у меня более обдуманно и по-настоящему правильно.

– А вот и кустики, – пробормотал я, добравшись до нужного места. После этого сойдя с дороги, отложил котомку и стал ждать.

В этот раз нож доставать я не стал, он мне без надобности. Это в первом эпизоде я не был уверен в своих силах, да и голод их подтачивал, ослабив, а сейчас я знал, что справляюсь. Ждать пришлось больше часа, у места засады я оказался куда раньше, чем в прошлый раз, что и позволило мне так подготовиться. Прикинув все ситуации, я всё же не стал рисковать, ножом

срезал сухую ветку умершего кустарника, в стороне его голый, выплывший до белизны ствол торчал, и сделал четыре колышка по двадцать пять сантиметров каждый, с остро заточенными концами. И стал ждать дальше. Когда рядом остановился грузовик и взревевший двигатель замолк, я уже устал ждать. Зато когда дверь хлопнула и весёлый голос крикнул пассажиру, что он надолго, я только обрадовался. Ну наконец-то, не люблю ждать, особенно в таких ситуациях.

Полотенце в этот раз не выдавало меня своим грязно-серым цветом, я сверху измазал соком листвы, сделав его зелёным. Как маскировка получилась. У меня был шанс, когда водитель пробежал мимо, пронзить его, или взять на приём, но я не стал этого делать. А причина в деньгах, в тонкой стопке купюр у него в заднем кармане форменных брюк. Мне нужны были все их деньги. И тут у меня вопрос, что будет, если я его вырублю? Вот и я думаю, что деньги будут пахнуть излишне резко и неприятно. Поэтому я дождался, когда тот присядет и начнёт делать свои малоприятные дела, держа в руках ремень с подсумками с магазинами к винтовке М-1, и, скользя из кустов, одним движением вырубил его ребром ладони по шее. После этого, нагнувшись, вогнал в правый глаз одну из палочек. Вот и хорошо, а пока лежи, родимый. Не трогая штык-нож, я скользя в кусты в сторону грузовика. Сейчас машины пройдут, и негра этого повоевавшего, судя по наградам на груди, следом за водителем отправлю. Заслуженный негр, помнится, и нашивки за ранения были.

С пассажиром удалось разобраться даже быстрее, чем я думал. Как только прошло несколько машин и автобус, я без затей подошёл к кабине и, рванув ручку на себя, вогнал в ногу палочку. Зная, куда бить, можно легко вызвать болевой шок. Особенно если веточка входит в кость. Вот и тут негромко, как-то жалобно вскрикнув, негр закатил глаза и осел, и я без затей схватил его за рукав и, поднапрягшись, выбросил из кабины. После чего вогнал третью палочку в глаз и скатил его вниз. Всё как и в прошлый раз. Потом быстро собрал трофеи, ремень с не пустой кобурой не забыл, сбегал к водителю и собрал трофеи там. То есть делал то же самое, что и в прошлый раз. Разве что, когда замаскировал тела, закидав их заранее подготовленными ветками, и поехал дальше, то беженцы, что мне помогали и выхаживали, встретились гораздо позже, чем я их в прошлый раз повстречал, неподалёку от того места, где мы ночь провели.

В остальном я поступил так же, загнал грузовик в шахту, поел и напился, собрал трофеи и спрятал их в соседней шахте в нише. При себе разве что деньги оставил, недоеденную банку с тушёнкой, галетами и, что немаловажно, часы. Те, что с водителя снял. У негра ремешок неприятно пах, как от старого козла, не нравится этот запах. Так один из конвоиров на американской базе пах, возненавидел его, тот, кстати, тоже негром был. Так что эти часы с остальными трофеями оставил. Заминировать машину не забыл. Я не знаю, что было в том эпизоде, нашли, не нашли, тайник я тоже не трогал, но надеюсь, в будущем пригодится. Носить всё это при себе опасно. Я и часы в котомку убрал, слишком дорогая вещь для бедняка, внимание привлечёт. Тем более корпус был из жёлтого металла, можно сказать позолоченный, внимание ещё больше привлекал.

Добравшись до дороги, я направился в город, но к чеку рисового поля сходил, где очень хорошо помылся. Вода тут тёплая была, это я в прошлый раз сдуру в ручей залез, и волосы помыл, старательно, да чтобы не намочить рану. Кровь ещё побежала, повязку-то снял. А потом направился в город. Дальше я тоже старался не отходить от прошлого эпизода. Тот же разговор с часовым, долларовая купюра старшему наряда, десять медику за лечение. Вот только когда покидал часть, в этот раз не смог увернуться от пинка. Хорошего пенделя от сержанта получил. А всё камешек, что под ногу попался, не смог отпрыгнуть. В прошлый раз у меня такого не было, увернулся. А сейчас, потирая пострадавшее место, поспешил скрыться среди прохожих, под довольный смех старшего наряда.

Добравшись до рынка, я занялся покупками. Только в этот раз планы у меня изменились, и вещи мне требовались несколько другие. Вот их и стал искать. Мне нужен был костюм европейского стиля, вроде того, что я в Японии купил, с тростью, у которой клинок был внутри. К

сожалению, отдельные комплекты были, но если собирать, один стиль не выходил, смотрелось не очень, а я не хотел привлекать внимание даже так. Да и размеры мои редко встречались. Пришлось покупать корейский костюм зажиточного горожанина, а то продавцы начали недоумённо коситься на паренька в рванине с пластырем на голове, что брезгливо поджимал губы, осматривая или ощупывая разный материал. Среди выставленного товара было много разной амуниции в продаже, комплекты японской формы, видимо со складов. И не так дорого всё это продавалось. Уверен, спроси я про оружие, с оглядкой, но продадут. В окрестностях, а я имею в виду Японию и остальные страны, шла такая мясорубка, что до сих пор разбирают завалы битой техники и вооружения, в некоторых местах лежат нетронутые непогребённые павшие.

В общем, купив одежду, я в примерочной переоделся, кстати не забыв приобрести два комплекта исподнего и новенький военный японский вещмешок, куда убрал часть покупок. Рванину свою также обменял на отличный нож, ну и доплатив немного. Приобрёл я также котомку, мыльницу с новеньким мылом внутри, зубную щётку, новенькую, зубной порошок в жестяной баночке, с мятным привкусом, женский маникюрный набор и полотенце. Это я предпочитаю своё иметь, также взял армейскую фляжку, тоже японскую. В магазине с посудой взял перочинный нож, палочки, ложку и литровую кружку. Этого пока хватит. Из продовольствия только то, что долго хранится. Те же шесть банок американской свинной тушёнки, десять с рыбой местного производства, кило риса, капусты, немного овощей, специй и соли. Из мучного – сухарей, галет и печенья. Ну, и чай взял в стеклянной банке. Вот такой чай мне в прошлый раз не попадался, у другого продавца брал, а этот уж больно ароматный, надолго мне хватит. Немного зелёного чая ещё купил. Ну, что ж, вещмешок и котомка полны, можно решать остальные вопросы. Последовательно, конечно же.

Направился я в цирюльню. Шляпа была на голове, я там пластырь маскировал, да и ногти в порядок привести нужно, бесят своим видом. Потом поел в той же китайской закусочной пельменей, сразу после стрижки, и направился в сторону гостиницы, той самой, где меня Анна опознала, ну или как там её зовут. Уже через десять минут устроился в номере, снял на двое суток, даже документы не спросили. Это мне один доллар стоило. Продажные люди, одно слово – капиталисты. Сходя в душ и нормально помывшись, стараясь не намочить голову, только слегка влажными ладонями по ней прошёлся, это чтобы остатки волос убрать после стрижки, и, вернувшись в номер, устроившись на матрасе, задумался, машинально работая пилочкой, убирая заусенцы на ногтях. Кстати, а таблички о времени посещения душа не было, обманула меня Анна, решив найти причину познакомиться. В прошлый раз я просто забыл посмотреть на место, где та должна быть, слишком та меня ошарашила и взволновала своим узнаванием. Ну, или делала вид, что вот-вот узнает. Явно спровоцировать хотела, да не получилось, у меня нервы крепче оказались.

Закончив с маникюром, я лежал в одних трусах на кровати, запрокинув руки за голову, очень люблю такую позу, думать позволяет, и прикидывал, что делать эти два дня. Первая и главная проблема, которую нужно срочно решить, это отсутствие денег. За деньги тут можно получить всё, как я уж разобрался. Правильно я тому спецу говорил, что прикидывался отцом Анны, хотя ни капли не похож, были бы доллары, американцы сами бы мне с базы всё вынесли, тут главное сумма, чем выше, тем лучше. Деньги нужны для всего: документы оплатить, найти нужных людей, приобрести имущество, любое. Купить настоящие документы и настоящие лёгкие корочки. Пускай гражданского воздушного флота, но и это очень хорошо, поможет в будущем. Для путешествий деньги тоже нужны, и, надо сказать, немало. Идея насчёт джонки, одновременно и дома, и средства передвижения, мне сейчас нравится всё больше и больше. Да и почему нет? Ещё бы хотелось иметь свой самолёт. Да тот же гидроплан, можно небольшой, и буксировать его за джонкой, если потребуется сменить место стоянки. Шучу, конечно, в открытом море я его потеряю. Но ничто не мешает мне сначала самолёт отогнать, вернуться на попутном транспорте, и следом судно перегнать. Забавная идея, но почему-то она меня

зажгла. Настолько понравилось. Если кому интересная идея придёт, и не может ни о чём другом думать, тот меня поймёт.

С трудом вернувшись к мыслям о сегодняшнем дне, я почесал нос и прикинул, где можно взять деньги на все мои планы. В банке? В принципе да, но захватывать его в одиночку даже пытаться не стоит. Можно попробовать это сделать во время транспортировки. Но нужно знать, где и когда повезут, какая охрана. Также требуется универсальная валюта, которую можно обменять везде, северо- или южнокорейские воны как-то не интересуют, и, как ни печально, но из-за оккупации американцами местных территорий, доллар и является той самой универсальной денежной единицей, что принимается везде. Если доллары я ещё смогу обменять, то воны вряд ли, если только в банках. Не знаю, нужны там документы при обмене или нет, по факту узнаю. Значит, доллары? Значит, американцы? Интересно, как получают американские солдаты и офицеры ещё не выведенных с территории Кореи частей, а также и советники, свои зарплаты? Кассир в банке, или им в тех частях, за которыми они числятся, выдают? Это и нужно узнать. Сам я во Вьетнаме воевал, но зарплата шла на сберкнижку, и деньги снимала жена, а нам на руки выдавали небольшие суммы донгов, местных денег, которых вполне хватало.

Есть запасной вариант по добыче денег. Я не профессиональный грабитель, могу на мелочах провалиться. Тут или помощник нужен, или выполнить всё так, чтобы свидетелей не было. Про запасной говоря, я имею в виду, что если с банком или инкассаторами ничего не выйдет, то можно угнать самолёт. Кому продать его, у меня есть на примете. Думаю, старый контрабандист и тут не откажется. Главное, чтобы это гидроплан был, всё же островок маленький и пока оборудованной взлётной полосы там нет. Земли есть, но никто не будет портить плодородную почву на подобную чушь. Так что только гидросамолёт, и ничего более. За работоспособный аппарат можно тысячу долларов получить. На хорошую джонку хватит, и ещё останется. На документы те же. Это действительно запасной вариант. А вообще, посмотрим.

Но лёжа на кровати деньги не заработаешь, я оделся и, надев шляпу, чтобы скрыть особую примету на голове, запер номер и направился вниз. Пусть снаружи вечерело, до наступления темноты не так много времени осталось, чуть больше пары часов, но думаю, я могу их провести с пользой. Так спустившись, не заворачивая в двустворчатые двери ресторанчика, это там во время завтрака ко мне тот якобы британец подходил, науськанный Анной, и выйдя из гостиницы, направился в сторону ближайших питейных заведений. Я тут что подумал, как наш комполка говорил: что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Вот и воспользуемся этим, деньги есть, не думаю, что местные от халявной соджу откажутся, нужно только знать, кому именно стоит подливать, кто мне нужен в плане информации. Сначала придётся подливать всем подряд, чтобы те указали мне на нужного человека, потом искать и подпаивать уже его. А если тот не пьёт? М-да, что-нибудь придумаем.

Утром я проснулся со слегка больной головой. Подливая, и самому приходилось пить, хоть и для вида. Только этого «для вида» оказалось слишком много, даже разбавленная соджу крепко била по голове. Однако прошлый вечер и часть ночи потрачены зря, нужной информации в среде тех алкоголиков, что я встретил в местных питейных заведениях, просто не было. Ну, или мне так не повезло. Однако факт остаётся фактом, и деньги зря потратил, которых и так немного осталось, и вечер зря прошёл. Хотя как говорил... хм, кажется, я и говорил: отрицательный результат – это тоже результат.

Сделал зарядку. Это помогло, голова прошла, я принял душ и, одевшись, спустился в кафе, то есть в тот ресторанчик, что располагался на первом этаже. К слову, снял я номер на третьем этаже, как и в прошлый раз, только номер другой, хотя тоже на рынок выходил. Сделав заказ и получив его – это был рыбный суп, на второе я взял макароны с отбивной, – я задумался, вспоминая прошлое моё посещение этого зала. Да, Анна вспомнилась. А ведь

каждый сам кузнец своего счастья. Например, в этот раз помогать избежать засады я не буду. Да меня просто тут не будет. И откровенно скажу, попадут они в засаду или нет, меня уже не волнует. Умеет Анна ранить сердца, и в прямом и в переносном смысле. Думаю, и в моей истории не было генеральского переворота из-за того, что та засада удалась. В первом эпизоде я помог избежать, в этом, во втором, нет. Просто не хочу. Про кузнеца своего счастья я уже говорил.

Поев, я покинул ресторацию и направился к главному банку Пусана, где, покрутившись, сбегал на рынок и купил бинокль. Лучше всего наблюдать издали, чтобы не примелькаться. Хороший бинокль покупать я не стал, взял половинку, второй части не было, морской бинокль с неплохим качеством изготовления, хотя и потёртый весь да поцарапанный, но линзы чистые, просветлённая оптика. Прибор немецкий, они их японцам поставляли. Дальше я нашёл место, откуда можно наблюдать за банком. Это была комната, её сдавали, вот я и снял на три дня, съехав с гостиницы. Интересное мне удалось рассмотреть на следующий же день, после обеда к банку подъехала машина и заехала во двор. Меня это очень заинтересовало, потому как это был армейский грузовик с крытым кузовом. Раньше таких машин тут не было, хотя разные заезжали. Так что, покинув комнату, я перебрался в другое место. Присмотреть его удалось, когда за банком наблюдал. С крыши этого полуразрушенного здания был отлично виден двор, но не виден вход. Вот я и рассмотрел, как в кузов погрузили два ящика. Зелёных, явно армейских. В таких обычно оружие хранят, а там что хранили? Да ещё таких тяжёлых, что грузчики потом обливались и сгибались. Тут два объяснения: или в ящиках свинец – сомневаюсь, что его в банке хранят; или золото.

Когда грузовик покинул задний двор банка, я уже ждал снаружи на угнанном мотоцикле. Поехали мы прочь из города, миновав пост на въезде. Трасса тут одна, это дальше перекрёсток, можно на Кванджу повернуть, или прямо на Тэгу и Сеул. Причём двигался я перед грузовиком, вне пределов видимости. На возвышенностях ставил мотоцикл на подножку и рассматривал в бинокль, повернёт на том или ином перекрёстке грузовик или нет. О транспорте я позаботился, к счастью, но вот как остановить машину? У меня ничего кроме охотничьего ножа не было, а до схрона с винтовкой не доберёшься, машину потеряю. Вот притормозить бы её, только как? Шины проколоть? Пока занимаюсь, я успею съездить за вещами, тут километров семь, но как именно проколоть? Средств у меня нет. Если только сделать деревянный «ёж», при попадании он прокалывает колесо, и разрушается основа. Подумают, что на сучок наскочили. Пока запасное поставят, пока занимаюсь, я успею скататься. В кабине кроме водителя был сопровождающий, офицер южнокорейской армии. В кузове два автоматчика. Кстати, они не грузили, охраняли, служащие банка занимались погрузкой. Одной винтовки хватит, чтобы их уничтожить и захватить машину, желательно целой. Надо же мне на чём-то трофеи увозить. Тем более грузовик распространённой тут модели, раньше японцам принадлежал, у частных и у организаций такие есть, можно продать попробовать. За полцены, из-за отсутствия документов. Дело сложное, могут и убить, чем платить, особенно если покупатели мутные будут, но думаю, продать смогу. Всё же тот вечер в кабаке не совсем зря прошёл. Например, узнал о моряке, что отбывал в плаванье, оставив в сарае мотоцикл, вот я его и позаимствовал, вскрыв замок. Обязательно верну. А может, и нет. Главное, его не ищут, и это меня устраивало, бак полный, в сарае ещё одна канистра стояла, я её тоже взял, но не с собой, то, что в баке, это весь наличный запас. Ну и ещё один момент посещения того кабака стоит упомянуть, кроме мотоцикла, конечно, это то, что мне удалось узнать о двоих людях, что вроде как связаны с криминалом. Проворачивают тёмные делишки.

Ладно, «ёж» так «ёж», будем вырезать, и не один, какие-то могут не сработать, какие-то проедут не наехав. Ладно, пора поработать. Присмотрев кустарник – их вообще пятнами достаточно много росло, особенно у дороги, поля-то заняты, – нашёл подходящий высохший ствол, взял крепкую палку и, так дальше продолжая двигаться перед грузовиком, который ехал на

удивление не спешно, километров сорок-пятьдесят в час, да и остальные машины тоже не особо гоняли, и вырезая «ежи» во время стоянок, я прицельно укладывал их на дорогу. Причём так, чтобы перед грузовиком никого не было, не наехали другие машины. В первый раз промашка, легковушка обогнала нужную мне машину и по закону подлости наехала на «ёж», после чего пошла юзом. Потом встала на обочине, где водитель с пассажиром осматривали колесо, пока мимо проезжал армейский грузовик. На пять попыток, получил пока фиаско, и не успел я продолжить, как грузовик свернул с трассы на грунтовую дорогу, попылив куда-то в сторону. Нахмурившись, припоминая карту, я вспомнил, что там находился военно-транспортный аэродром. Рядом в небольшом городке полк пехотной дивизии расквартирован и несколько тыловых частей, включая артиллерийский дивизион. Транспортники в том числе и их обслуживали, но там военный авиационный завод располагался, и аэродром был приписан к нему.

Спрятав мотоцикл в овражке, я не поленился прикрыть его ветками, да и вообще замаскировать все следы своего пребывания, после чего побежал дальше пешком, придерживая котомку локтем. К городу я не пошёл, тот в стороне находился, и правильно, подходящих ровных площадок для взлётной полосы там нет, а то, что было, занимал сам завод. Аэродром хоть считался военным, впрочем, как и завод, принадлежавший государству, но никакой ограды не было, как, впрочем, и охраны. Да и какая тут охрана? Здание диспетчерской, сзади пристройка для отдыха экипажей, вышка, пара складов, один ангар и обычно один-два транспортных самолёта. Сегодня два было. Вот и всё. Сейчас в ангаре я наблюдал японский транспортник, название выветрилось из головы, но машина знакомая. Правда, видел их в двух вариациях: разбитых обломках на краю взлётной полосы захваченного пехотой аэродрома, и второй там же, только сгоревший. Так что эту машину в целом виде я вижу только сейчас. Ну, почти целой. В ангаре, где техники распахнули ворота, чтобы было не так жарко, ветерок охлаждал, самолёт явно проходил не обслуживание, а полноценный восстановительный ремонт. Судя по снятым лопастям левого мотора, подранному крылу и мятому снизу носу, у того при посадке не выпустилось или сложилось левое шасси, и он пропахал носом взлётную полосу. Хм, похоже даже, эту. Осмотрев – я был чуть выше, чем она, – увидел следы ремонта и след, ещё плохо укатанный, тот выделялся цветом. Ну точно, тут и была аварийная посадка. А вот в начале взлётной полосы, явно подготавливаясь к вылету, стоял самый обычный военно-транспортный самолёт «Дуглас», в такой же вариации строили наши Ли-2 по лицензии. Вот только опознавательные знаки, нанесённые на крылья и хвост, выдавали, кому он принадлежал.

Я даже удивился – китайцы. Это как же они пребывают на территории Южной Кореи, если находятся с ней чуть ли не в состоянии войны, можно сказать в контрах? Ну да, вон борт-техник проверяет перед вылетом самолёт, пока командир наблюдает за погрузкой знакомых ящиков на борт своего транспортника. Оба они были одеты в лётные комбинезоны с нашивками китайской народной армии. И кстати, ящиков почему-то четыре оказалось, хотя я отчётливо видел, что грузили два. Это что, пока я бежал, два ранее загрузили? Да нет, бред. Я, когда добрался до места, лейтенант только-только закончил подписывать бумаги с управляющим банком, дальше открыли задний борт, и началась погрузка. Точно два было, откуда ещё пара взялась?

Тут из диспетчерской вышел офицер, похоже, полковник южнокорейской армии, и командир борта подбежал к нему, вытягиваясь, проявляя все признаки чинопочитания. Станет китайский офицер-пилот так тянуться перед офицером противника? Вот и я думаю, что нет. Ряженые? Да, похоже, что так и есть, и также похоже, я наблюдаю подготовку к какой-то тайной операции. Да уж, хоть бы ночью всем этим занимались, все кому не лень за этим могут наблюдать, и я в том числе.

У меня прямо руки чесались попасть на борт и улететь вместе с «китайцами», а потом самолёт упадёт, пусть ищут место, где он разбился. А что произошло, только я знать буду. В общем, я хотел повторить тот же трюк, что провернул с «Бичкрафтом», вот только экипаж

оставлять в живых не стоит, это просто глупо. А самолёт потом можно было бы разбить по их маршруту, пусть найдут остатки тел, но без золота. К сожалению, народу на аэродроме было неприятного много, да и на борту постоянно кто-то находился, то борттехник, то штурман. Пилот, поговорив с полковником, ушёл в диспетчерскую, и я пока больше его не видел.

А через полчаса под моим злым взглядом транспортник поднялся в воздух и улетел. Делать нечего, пришлось возвращаться к мотоциклу, грузовик до этого уехал, сразу после разгрузки. Интересно, это разовая доставка, или ещё будет? Если будет, то я уже буду готов. Ругаясь на чём свет стоит, я вернулся к мотоциклу и, запустив движок, выехал на дорогу. На обратном пути я молил только об одном, чтобы бензину хватило до Пусана. К счастью, не только хватило, но и осталось изрядно, процентов двадцать. Хороший мотоцикл, может, оставить его себе? Такой транспорт всегда пригодится. Надо будет подумать. Будет транспорт, возьму, а пока и загадывать не хочу.

После возвращения в город мотоцикл я вполне спокойно оставил в пристройке, принадлежавшей владельцу дома, где снял комнату, и сразу заправил. Владелец о транспорте конечно же знал, я его уведомил и даже оплачивал место стоянки, по таксе. А заправить нужно, чтобы тот на ходу был. Посетив пельменную, попал под начавшийся дождь, и снова устроился в глупине комнаты с монокуляром в руке. Однако до окончания рабочего дня так ничего и не случилось интересного, пришлось перенести наблюдение на завтра, а пока в кабаке, но уже в другой, не хочу примелькаться. Сбор сведений продолжался. И кстати, именно в кабаке я наконец получил те сведения, что и хотел первоначально, просто случайно подслушав чужой пьяный разговор. Если всё верно, завтра проверю одно интересное дело.

Наконец показался тот, кто мне был нужен. Несколько нервно оглядевшись, прижимая к груди портфель, тот вышел из казино и направился в сторону машины. Два парня, что следовали за ним в отдалении, были его телохранителями, изображавшими гуляющих. У этого бухгалтера была служебная машина, а у парней мотоцикл. То есть обычное дело – доставка выигрыша казино в банк. А так как вчера был выходной и банк не работал, то и сумма была куда больше обычного – за два дня. День сегодня был пасмурным, вчера ещё и дождь полдня и всю ночь лил, но тучи не разбежались, хотя дождя не было. Я разом ударил обоих парней по затылку. Не зря, скрючившись, почти час просидел в этой нише между двумя кирпичными домами. Никто бы не подумал, что туда кто-то влез, слишком узко, зато проходя мимо, эти двое и не заметили атаки. Дальше, не обыскивая их, времени не было, я рванул к курьеру, а точнее, бухгалтеру казино, инкассаторов те не привлекали, и вырубил его, когда тот, открыв дверь, сел в машину, не заметив, что произошло за спиной. Столкнув бессознательное тело на пассажирское место, я под крики прохожих, всё же день был, понедельник, до закрытия банка час оставался, и запустив двигатель, а ключ я подхватил из руки бухгалтера, рванул с места. Одет я был под бродягу, на лице платок был, снизу, как у ковбоев, в фильмах такое видел. На голове тоже платок, косынка. Тут это не редкость, даже мужчины носят.

Отъехав подальше, я остановился у мусорной кучки и, достав из неё свою котомку, вернулся в машину. Быстро осмотрел портфель, радостно восклицая, деньги уже были по разным валютам распределены и в пачках, всё это сунул в котомку. Сверху положил три холщовых позвякивающих мешочка. Сама котомка не пустой была, чистая одежда горожанина в ней свёрнутой лежала, чтобы облик сменить. При этом не забыл пройтись по карманам бухгалтера. Наживаются сволочи на простых людях, вот простые люди в моём лице и ответили взаимностью. Интересного у того были личные средства и небольшой пистолет, шестизарядный браунинг. Жаль, запасного магазина не было. Бросив бессознательное тело на кучу мусора, я уехал в бедняцкий квартал и оставил машину с открытой дверью и ключом в зажигании. Уверен, уже через минуту её тут не будет. Это я так след заметал. Ну, а сам ушёл улочками, потом переоделся в тупике, сменил облик и уже вскоре был возле дома, где я снял комнату. Теперь

стоит подумать, как покинуть Корею, документов-то нет. Думаю, придётся к частным владельцам обращаться, тем самым, что на джонках ходят и разных каботажных судах. Там почти и не спрашивают документы. Деньги есть? Тогда прошу в каюту. В общем, договоримся. Опыт всё же кое-какой есть, успел набрать его за прошлый эпизод.

Привычно сняв обувь на входе, я прошёл в комнату, бросив котомку на пол рядом со свёрнутым валиком постели, и посмотрел в окно на банк. До него по прямой было метров двести, тот удобно располагался на другой стороне площади, и моя точка для наблюдения особого внимания не привлекала. Тем более я не маячил в окне. Вернувшись к трофеям, я бросил в угол комок одежды бедняка, в которой ходил на дело, и стал перебирать пачки. Кстати, тут и советские купюры были, чуть больше ста рублей. Интересно, кто их спустил на рулетку или в покер? Не знаю, что там в казино было. Перебирая купюры, я обратил внимание на некоторую странность, все банкноты были разложены по номиналам, начиная от мелких купюр до самых крупных. То есть бухгалтер, похоже, был педантом и все пачки так собирал, и если кассиры в банке, что принимают у него деньги на счёт, знают об этой системе, то могут что-то заподозрить. Поэтому я перемешал южнокорейские и немногие в наличии северокорейские воны как колоду карт, после чего, собравшись, покинул комнату и пошёл в банк, где совершенно спокойно, не предъявляя никаких документов, обменял воны на американские доллары. Южнокорейских банкнот в пачках было, конечно же, больше всего. Хотя и долларов в трофеях хватало, тысяча шестьсот восемь было. Думал, не хватит, в смысле у банка на это наличных долларов, но нет, выдали семьсот шестьдесят два доллара, и я спокойно вернулся. Обменял, кстати, не все южнокорейские воны, мне они ещё нужны были. А так денег должно было хватить на жизнь. В пачке кроме советских рублей были как американские доллары, я уже говорил, тысяча шестьсот восемь, но и японские иены. Последних было сто двадцать две тысячи иен. Неплохо, если учесть, что курс один доллар на триста шестьдесят иен, даёт мне с этой суммы где-то около трёхсот тридцати долларов. Отлично, и на джонку хватит, и на путешествия. А если что, есть как заработать.

Теперь займёмся этими тремя тяжёлыми холщовыми мешочками. Что там так приятно позвякивает, а в них явно что-то многочисленное похожее на монеты, я уже понял. Так и оказалось, тут были в основном южнокорейские монеты, вон называются, но встречались и американские центы, и японские монеты. Русских не было, как и северокорейских. Зато внутри одного крупного мешочка с южнокорейскими монетами был ещё один маленький мешочек, в нём обнаружилось восемь золотых монет. Японские, судя по надписям. Монеты сдавать я не собирался. Кстати, и в банк ходил осознанно, едва успев до закрытия. Бандиты, которым и принадлежит украденное, будут искать, но никому и в голову не придёт, что кто-то часть украденного будет спокойно менять, да ещё на доллары. Явно решат, что кто-то из бедняков посмел, там и будут искать. Тем более и машину должны найти там же. Не хотелось так подставлять местных жителей, хотя классово близкими я их не считал, совсем даже не считал, но были причины оставить ложный след именно там. А меня там ограбили вчера ночью, когда возвращался из кабака, получив нужные сведения. Никакой мастер тхэквондо ничего не сможет сделать, если на него наставят револьвер, а руки напарника шарят по карманам, пока ты стоишь с поднятыми руками. Так со мной и было. Так же тихо они растворились, а мне осталось только ругаться под нос, шагая в сторону дома со снятой комнатой. Ладно хоть ключ от двери оставили, сволочи. У меня последние три доллара под матрасом осталось, оставшиеся деньги выгребли, так что пусть там всё вверх дном бандиты перевернут, заслужили.

Медлить я не стал, собрался, прихватив вещмешок и остальное, и направился в порт. Честно говоря, не думал, что у меня всё так удачно получится, но это радовало. Позавчера упустил грузовик с золотом, вчера меня ограбили, сегодня я казино. Какие у меня дни насыщенные. Но задерживаться мне тут явно не стоило. И да, я ещё днём вернул мотоцикл на место, слишком приметный, чтобы его с собой забирать. Пусть хозяин удивляется, почему на спидо-

метре больше накатано и бензина почти нет, весь его я использовал. В Японию уходило три судна, к сожалению, к двум я не успел, на горизонте маячили их паруса, но капитан третьей, получив оплату, отправил меня в каюту. Четырехместная, как в купе, койки друг над другом. Три заняты, я последний. За час до темноты судно покинуло порт и, поставив паруса – ветер был попутный, – направилось в сторону... Фукуоки. Это как раз не удивительно, я ещё в прошлом эпизоде узнал, что этот порт издавна считался центром восточноазиатской торговли. С каютой мне ещё повезло, цена за неё кусалась, а так если дешевле, то в гамаке в кубрике с матросами, или на палубе. Кому как повезёт. А тут и окошечко имелось, пусть маленькое, но открывается, чтобы свежий воздух был, оно у нас всегда открыто было, а также рундуки под койками. Нижние были заняты, я на верхней койке устроился, на единственной свободной. Вещмешок убрал в сетку, это такой багажной отсек под потолком, как гамак висел, а котомку с деньгами под подушку, вот её терять совсем даже не хотелось. Поэтому даже когда ходил на палубу, извините за подробность, опорожниться, брал с собой. Да и остальные пассажиры так же делали, не доверял тут никто никому. Люди такие собрались, непростые.

Несмотря на то что всё получилось и судно ходко шло к Японии, я был недоволен. За всеми эти приготовлениями и волнениями я забыл поужинать, а рацион у меня был заранее составлен, согласно тренировкам, массу-то я не забывал наращивать, так что остался голодным. Ужин на джонке тоже пропустил, и не осталось ничего. У меня были запасы в вещмешке, которые я не трогал, но есть при пассажирах, двое из которых были чистокровными японцами, не хотелось. Ладно, во время завтрака наверстаю, всё же оплатил доставку с питанием. Я всегда так делаю, в отличие от некоторых пассажиров, что экономят на билете и берут продукты с собой. Были и такие.

Само плавание прошло на удивление тихо и спокойно. Ночью я даже выспаться умудрился, и никакие шумы меня не беспокоили. Утром был завтрак, и я действительно наверстал, хотя капитан и он же владелец судна и попросил оплатить лишнюю порцию, а я взял две дополнительных. Оплатил, ничего страшного. Впрочем, во время обеда тоже, там взял одну дополнительную порцию, больше просто не осилю. К вечеру, где-то часов в шесть, мы вошли в порт и встали на якорь. Свободных мест у пирса пока не было. К джонке тут же подошли несколько лодок, частные лодки, хозяева так зарабатывают, и мы вскладчину с теми двумя японцами сняли одну. Свою долю я оплатил монетами, заранее подготовил. На берег к нам подошёл местный служака, судно-то из другой страны пришло, это не местные линии. Поморщился, узнав, что документов у меня нет, мои попутчики уже ушли, но пять долларов сделали своё дело, записал под настоящим именем. Пака Муна Хо. Это мне нужно было. Более того, отправил меня к дежурному сотруднику в администрацию порта, чтобы мне там выдали временный документ, а так как я собирался жить здесь, это я так сказал, то требуется временное свидетельство на жительство, и негромко сообщил, сколько мне это будет стоить. За совет взял ещё пять долларов.

Кстати, совет мне понравился. Так что я сходил к нужному зданию, прошел внутрь. Там сообщил дежурному работнику, тому, что занимается регистрацией вновь прибывших, от кого я и что нужно. Тот заинтересовался и, если бы не моё присутствие, явно бы в предвкушении потёр ладонью о ладонь. Узнав, что мне шестнадцать и пока гражданства я не имею, предложил за энную сумму помочь с оформлением гражданства Японии. Из-за убыли мужчин, да и вообще резкого сокращения их после сражений на разных войнах, японцы уже не были так категоричны в отказе в гражданстве людям других народностей. Да и американцы давили, а они умеют это делать. Пример передо мной, сотрудник, что со мной общался, был наполовину китайцем, наполовину японцем. Консерватизм у японцев, конечно же, в крови, и так просто я бы гражданство не получил, но деньги, деньги решали всё. В общем, принял от меня заявление на получение гражданства, я стал, так сказать, соискателем, но эту границу можно пройти

разом, заплатить нужным людям, и получаешь полное гражданство, что гораздо лучше. Мне эта идея понравилась, и я после некоторого размышления принял её. Этот сотрудник, конечно же, не раздаёт гражданства налево и направо, но принять заявление и выдать временное разрешение на нахождение на территории Японии и документ соискателя гражданства – он месяц действовал – вполне мог. Также направит меня к своему знакомому, это уже завтра, вот именно он мог выдать мне это самое гражданство. Пару дней подождать, и готово. Он же поможет и с загранпаспортом. Просто отлично. Помощь этого сотрудника мне стоила ровно тридцать долларов, а вот такса за получение удостоверения личности уже действующего гражданина Японии будет мне стоить сто. Вполне потяну. Правда, действительно ли мне нужно это или погодить, я ещё подумаю, время есть. Или до завтрашнего утра, чтобы встретиться с нужным специалистом, адрес мне дали, или целый месяц, пока действует вид на жительство. И кстати, кажется, меня обманули, все те документы, что я только что получил, мне могли выдать бесплатно, а я заплатил. Ладно, посмотрим, с людьми поговорим. Узнаю всё по этому направлению, но завтра.

Покинув здание администрации порта, придерживая вещмешок и котомку, я направился в сторону ближайшей гостиницы. Надо на ночь устроиться. И кстати, я там на афише объявление видел о выставке японской военной техники, прошедшей войну. Надо обязательно сходить посмотреть. Вроде часть на продажу выставляют.

Чуть больше года спустя

20 июня 1950 года, окрестные воды столицы Северной Кореи, Нампхо

Вечер

Наблюдая, как ловко работает китайская команда, я повернулся и посмотрел на огни Нампхо, которые медленно, даже излишне медленно в этот начавший темнеть вечер приближались. Город находился в устье реки Тэдон, на берегах которой также располагался Пхеньян. Я надеялся водой, на лодке, добраться до столицы. Ну, что я могу сказать, то, к чему я готовился весь этого год, близилось. А готовился я очень серьёзно, правда, без каких-либо особых приключений, которые меня обычно преследуют. Этот год прошёл... как-то пресно, что ли? Да и занят я был всё это время плотно. Свою идею, да даже мечту скорее – изучить этот восточноазиатский регион, а точнее воды этих мест, на личной джонке, или ещё как – выполнить я не смог. В Японии, где обитал по документам о временном месте жительства, я провёл всего пару недель, решив всё-таки не брать гражданства. А познакомился с аргентинским предпринимателем, который открывал школу высшего пилотажа в городе Буэнос-Айрес. Это в Аргентине, если кто не знает, столица государства. Это не школа по обучению или сдаче на удостоверение пилота гражданского флота по лёгкой одномоторной авиации, а тем, кому хочется поднять лётный навык на более высокую ступень, фактически школа повышения мастерства. Интересно, правда? Вот и меня заинтересовало. А познакомил меня с ним техник на местном аэродроме, где я изучал выставленные на продажу самолёты – эхо войны практически. А интересовали уцелевшие гидропланы. Вот во время обычной прогулки, экскурсии, нас и познакомили, представив друг другу. С сеньором Альберто Паз я, можно сказать, сдружился сразу. Это оказался на удивление хороший человек, болевший небом и самолётами. Как я позже узнал, во всём мире аргентинцы славятся своим «латинским» характером. Это очень улыбчивые и дружелюбные люди. Доброжелательность, оптимизм и вежливость распространены повсеместно в этой

стране, как и внимание к собственному имиджу и моде. Сеньор Альберто был на сто процентов аргентинцем. В Аргентине он владел двумя аэроклубами, и вот решил открыть школу высшего пилотажа. Ему нужны были самолёты, и он решил купить несколько боевых самолётов времён Отечественной войны и обучать на них. Умел сеньор Альберто смотреть вперёд. Да и деловая хватка у него оказалась крепкой.

Среди восстановленной техники, списанной, но имевшей все положенные документы, нашёлся вполне неплохой «мустанг», истребитель, до сих пор состоявший на вооружении ряда стран, включая США, где и производился по заказу Великобритании. Раньше самолёт носил их опознавательные знаки. Правда, покупка была полулегальная, продавец продавал его не так и дорого, но главное, чтобы машина больше тут не мелькала, на что сеньор Альберто легко дал согласие. Зафрахтованное грузовое судно стояло в порту Фукуоки, и разобранный истребитель с запасными деталями, коих как раз было немало, в основном снятых с разбитых машин, уже грузили в трюм в ящиках. Но одного «мустанга» ему было мало, нужно купить ещё три-четыре машины, если есть, желательно двухместных, чтобы для инструктора место было. Вот и изучал этот аэродром, вдруг что интересное попадётся. И да, сеньор Альберто был достаточно энергичным человеком, прибыл три дня назад и уже купил один истребитель, пусть и без вооружения. Тут он со мной на третий день и познакомился. Сначала мы просто общались, а узнав, что я, несмотря на возраст, учился на лётчика и даже летал на многих истребителях, то есть высшим пилотажем владею, смог подбить меня на пари, будучи уверенным, что я брешу. Мы ударили по рукам, тот арендовал два «Зеро», принадлежавших владельцам аэродрома, тоже без вооружения, и мы провели учебный бой. С учётом того что эту машину мы оба знали плохо, он только вчера совершил первый пробный полёт, а я давненько летал, в прошлой жизни, учебный бой закончился быстро. Из кабины сеньор Альберто вылезал красный как рак и с ходу предложил мне должность инструктора в своей школе повышения мастерства, так как я его поразил своими лётными качествами и мастерством. Сесть мне на хвост тот ни разу не смог, как и сбросить меня со своего. На его предложение я только ошарашенно согласился подумать. А спорили мы на обед в ресторане, не обманул, оплатил.

В этом же ресторанчике и состоялся наш разговор. Я честно сказал, что беженец из Южной Кореи, документов не имею, тут на руки получил временное разрешение на жительство – в общем, как быть дальше, пока не знаю, хотя его предложение меня очень заинтересовало, и я только за. Тот отмахнулся, гражданство Аргентины он мне гарантировал, причём за его счёт, есть там у него связи, на что согласился уже я. Ну и дальше, после того как мы ударили по рукам и я стал его подчинённым, нанятым специалистом, мы продолжили подбор машин, я неплохо знал японские типы самолётов и сразу предложил, какие лучше брать. Например, истребитель «Хаятэ», очень неплохая машина, правда, сильно чувствительна к качеству топлива. Тот пообещал решить эту проблему. Потом можно пару «зеро» для совместных отработок фигур высшего пилотажа. Также я посоветовал взять двухмоторный разведчик, имевший отличные лётные качества и двухместную кабину. Ведь многие летают на двухмоторных машинах, и им тоже неплохо бы подтянуть свои умения. Только я тут инструктором поработать не смогу, нужно искать другого специалиста, зато с удовольствием сам поучусь, а то я, скажем так, средненький пилот на двухмоторных самолётах. Даже ниже среднего. Тот со мной согласился, но признался, что денег на разведчика уже не хватит. Ну, я и предложил воспользоваться моими средствами. Их не так и много, но надеюсь, хватит. Тот даже расписку написал, что вернёт по прибытии в Аргентину. Ему ещё понравилось, что переводчика теперь не надо, я сам со всем справляюсь.

За две следующие недели мы побывали в разных концах Японии и нашли-таки все нужные машины, даже опробовали их в воздухе. Сеньор Альберто всю технику брал с солидным запасом запчастей. После погрузки судно заходило в разные порты, чтобы не возить технику по дорогам, включая железные. Морем проще было. Ну и мы отправились в Аргентину. Плавание

скучным оказалось. Разве что разнообразили тренировками, сеньор Альберто оказался хорошим боксёром, только стили у нас разные, но зато я учился выступать против боксёра, а тот против «руконогомашества», как он говорил. Да, хотелось бы добавить, когда мы в ресторанчике обговаривали мою работу на него, я честно признался, что поработать смогу только год, есть планы, от которых отказаться я не смогу. Тот покивал, но ответил, что держать меня не будет, главное нам развернуть школу, чтобы та заработала. Он так и не спросил, что за планы у меня такие были, что меня порадовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.